

Журналу «Мономах» – 20 лет!

Дорогие друзья!

*От имени правительства Ульяновской области
и от себя лично поздравляю коллектив
редакции журнала «Мономах», всех авторов
и читателей с 20-летним юбилеем!*

«Мономах» появился на свет в нелёгкий для страны период, когда рушились не только экономические и политические устои, но и моральные, когда под сомнение были поставлены главные человеческие ценности: семья, верность, любовь. И журнал встал на защиту нравственных идеалов, доказывая на примерах судеб наших замечательных земляков и самой истории, что патриотизм – не отвлечённое понятие, а продолжение любви к своей семье, фамилии, роду.

Деятельность коллектива редакции многогранна. Это архивные исследования и новые исторические открытия, встречи с читателями в библиотеках, школах и вузах, тематические вечера и дискуссии с краеведами. А премия журнала за вклад в историографию и культуру Ульяновской области – «Шапка Мономаха» – завоевала славу одной из самых престижных региональных наград.

За годы своего существования «Мономах» стал открытой трибуной для обсуждения актуальных проблем в сфере культуры, искусства, историографии нашего региона. Журнал радуется нас историческими открытиями и заботой о культурном наследии Симбирского-Ульяновского края. С честью и достоинством выполняет это издание благородную миссию: воспитывает в человеке чувство региональной идентичности, сопричастности своей истории и культуре, ответственность за свою малую родину и будущее новых поколений, кому предстоит строить жизнь на этой земле.

«Мономах» следует своему девизу: «С пользой для Отечества!», поэтому я верю, что и впредь журнал будет служить Отечеству, Ульяновской области, способствовать развитию национальной культуры, исповедовать идеалы, заложенные ещё со времён Николая Карамзина.

Сергей Морозов,
Губернатор – Председатель правительства
Ульяновской области

Уважаемые коллеги!

*От всей души
поздравляю вас с 20-летием
со дня выхода
первого номера журнала!*

Всегда по-журналистски искренне завидовал тем, кто работает над каждым его выпуском. Ведь «Мономах» – это поистине журнал открытий. Открытий забытых имён и событий, открытий «белых пятен» в истории родного края, наконец, открытий самих себя. Открыть самого себя – значит пробудить сердце читателя. Заставить мыслить, сопереживать, болеть душой за судьбу Отечества и верить в его светлое будущее.

Практически каждая строка этого уникального издания наполнена заботой о культурном наследии нашей малой Родины, нравственной чистотой и удивительным оптимизмом. Пусть так будет всегда!

Желаю сотрудникам журнала, его многочисленным внештатным авторам дальнейшего плодотворного творческого поиска, новых ярких открытий и удачи!

Владимир Лучников,
начальник департамента массовых коммуникаций
управления информационной политики администрации
губернатора Ульяновской области

Дорогие ульяновцы!

*Пусть живёт
наш «Мономах»!*

Вот уже два десятка лет журнал «Мономах» выполняет важную миссию – рассказывает жителям региона о красоте нашего края, о славных страницах его истории, о выдающихся земляках. Хорошо известно: кто знает историю малой родины, тот и любит её, тот гордится своими корнями, своей землёй. А нам, ульяновцам, есть чем гордиться. Земля наша прекрасна и богата, славится красотой природы и плодородием. Богата она и талантами – сколько славных людей родилось здесь! Всё это открывает молодому поколению журнал «Мономах». Я рад, что Ульяновское областное отделение Русского географического общества тесно сотрудничает с журналом и выполняет ту же патриотическую миссию. Думаю, что вместе мы многое из задуманного сделаем.

Александр Золотов,
председатель Ульяновского областного отделения
Российского географического общества,
заведующий кафедрой географии УлГПУ

Вячеслав Николаевич Егоров – председатель Историко-архивной комиссии Ульяновской области, основатель журнала «Мономах», автор идеи учреждения премии «Шапка «Мономаха», до 2001 года – главный редактор журнала, до настоящего времени – председатель общественного совета редакции. Вот уже 20 лет В.Н. Егоров опекает журнал и как председатель общественного совета редакции осуществляет руководство планированием научных поисков.

Что для меня «Мономах»

Первый номер журнала «Мономах» вышел в свет в конце 1994 года.

Авторы о «Мономахе»

«Мономаху» – 20 лет!

Благодарю всех, кто участвует в создании и популяризации материалов журнала. Благодарю распространителей и читателей «Мономаха», мне радостно от того, что вы присоединяетесь к сообществу друзей журнала, который стремится помочь каждому обрести целостность своего духовного мира, рассмотреть красоту и величие нашей Отчизны. Мы все делаем важное и очень нужное дело. С юбилеем «Мономаха»!

Вячеслав Егоров

Презентация первого номера журнала «Мономах». Торжественный зал Дворца книги. Ноябрь. 1994

Время было тогда предельно сложное. Это сейчас, спустя двадцать лет, мы можем рассудительно анализировать события того периода, когда жизнь кипела пузырями отчаявшихся и лопнувших человеческих судеб, захлёбывалась слезами матерей в попытках свести концы с концами в тающих семейных бюджетах. Кроме материальных взрывали человеческие души трудности и посильнее: у людей отняли веру в свою страну, в её честность и справедливость, в её непростую, но великую и наполненную борьбой за правду историю. А вместе с верой в страну многие теряли и веру в себя, в свои возможности честно жить и трудиться, обеспечивая достаток своей семье. И вот именно для того чтобы донести до ульяновцев, особенно до детей и молодёжи, лучшие страницы нашей истории, рассказать о прекрасной средневолжской природе,

о сильных людях, которые, преодолевая все невзгоды, смогли достойно послужить своему Отечеству, появился наш «Мономах». Честно говоря, я тогда даже не рассчитывал, что он двадцать лет будет духовной опорой для сотен и тысяч ульяновцев, обретёт так много друзей и почитателей. Но это случилось. И огромную лепту в это внесли наши выдающиеся ульяновцы-современники.

Мы часто склонны искать великие и славные имена в далёкой истории, что вполне оправданно, ибо увеличительное стекло времени особенно наглядно демонстрирует заслуги равнодушных и талантливых людей. Но, к счастью, такие люди жили и продолжают жить рядом с нами. И весьма значительное их число увидели в журнале «Мономах» очень важное и большое Дело, стали инициаторами важных идей, авторами статей, пропагандистами журнала. Это С.Л. Сытин, Н.И. Никитина,

В.Ф. Барашков, А.Ф. Гарина, М.Г. Казанцева, М.М. Савич, Л.А. Берч, Л.П. Баюра, О.Г. Шейпак, А.С. Сытин, О.Е. Бородина, Л.Н. Нецветаев, В.А. Ойкина, С.А. Ойкин, Т.А. Громова, Ж.А. Трофимов, В.А. Перфилов, Р.Г. Азбукин, Л.С. Янушевская, В.И. Радаев, Т.Ф. Верещагина, П.А. Касаткин, С.Б. Петров, Е.Н. Сергеева, Т.А. Мельникова, В.К. Кузьмин, С.М. Кончев и многие другие... И это далеко не все энтузиасты и подвижники нашего «Мономаха», их значительно больше. Так же, как и читателей.

С «Мономахом» выросло уже не одно поколение молодых ульяновцев, которые впитали в себя энергетику добра, любви и красоты, которую несёт в себе наш журнал. А это означает, что он с честью следует примеру великого князя Владимира Мономаха, чья деятельность всегда совпадала с пользой для Отечества.

Вячеслав Егоров: О нашем будущем

Если бы меня спросили, что я сделал бы в первую очередь, чтобы ускорить становление сильной и красивой России, то, прежде всего, предложил бы изменить подходы к работе с современной молодёжью. На самом деле, сколько поколений страна потеряла за последние десятилетия, не уделяя достаточно внимания поддержанию должного уровня образования, воспитанию у людей лучших человеческих качеств и подлинной гражданственности.

Не случайно сегодня в среде молодёжи доминируют весьма облегчённые представления о смысле и содержательном наполнении жизни, которые нередко трансформируются исключительно в карьерные соображения без увязки с уровнем собственной грамотности. Другая часть молодых людей, потеряв веру в собственные силы, скользит по жизни без осознания собственного предназначения или подпадает под влияние откровенно антироссийских сил. И самый печальный вариант – увлечение алкоголем, наркотиками, связь с преступными группировками. Перечень этих проблем можно было бы продолжать, но, полагаю, любой равнодушный человек сам вполне зримо видит издержки и упущения в этой сфере. Поэтому, на мой взгляд, многое надо изменить.

Первое, что необходимо сделать, это наполнить должным содержанием все институты и средства, которые могут и должны нести детям и молодёжи истинные, проверенные веками и тысячелетиями духовные и нравственные ценности. Это зависит от педагогов, средств массовой информации, кино и телеиндустрии, учреждений культуры и вообще от всех, чья работа связана с людьми. Необходимо поднимать статус и значимость честного и творческого труда, действенной любви к Отечеству, поддерживать проявления лучших человеческих качеств. Понятно, что многое надо менять в законах, предметно работать с руководящими кадрами, предъявлять требования к качеству воспитания и контролировать их исполнение. И тут не обязательно громоздить какие-то новые структуры, у нас достаточно органов власти и управления, общественных организаций, которым вполне по силам решать эти задачи.

Остро стоит вопрос о том, как наполнить головы и души молодых людей верным пониманием сути жизни.

Чтобы не было в их умах разреженной пустоты, чтобы стремились они к полноценной и яркой жизни. И тут, бесспорно, ключевая роль принадлежит семье, ведь именно в обыденном доверительном общении происходит чудо формирования характеров. И ещё стоит восстановить институт наставничества. Доброжелательный союз мудрого мастера и начинающего специалиста – это драгоценная нить сохранения и передачи трудовых традиций народа и живого производственного опыта.

Особо я выделил бы задачу возвращения в школу трудового воспитания. Мы не добьёмся качественного воспитания, пока не будут созданы для детей условия, при которых можно своими руками сделать полезную и красивую вещь. Именно так было совсем недавно: в школах обучали столярному, слесарному, швейному, поварскому делу и другим навыкам. Хотя одному ныне взрослому человеку они помешали? Убеждён, никто не пожалеет о таком опыте. Но чтобы это осуществить, надо изменить федеральный закон. Полагаю, инициировать его могут и наши ульяновские законодатели.

Необходимо усилить во всех учебных заведениях воспитание историей, в том числе краеведением. Время пришло бурное, вновь в который уже раз столкнулись разные ценности, интересы, мировоззрения. И главная борьба идёт за умы людей, за то, какие духовные ценности они примут для себя как истинные и жизненно важные. Внимание следует уделять не только проведению уроков и экскурсий, но ещё практическому участию юношества в охране и благоустройстве памятников природы и культуры, в походах по родному краю, чтобы ребёнок мог переночевать в палатке, научиться разжигать костёр, оценить красоту родной природы. Обстановка «тепличности» – одна из причин ослабления патриотических настроений в среде подростков. Между

Фото Владимира Никитина

тем стоит помнить, что ровная, благополучная жизнь может быть вредной и даже опасной. Да, она желанна и привлекательна, но причащает к беззаботности и непониманию того, что на самом деле в окружающем мире далеко не всё спокойно и безоблачно.

Из года в год ведутся грустные разговоры об оттоке молодёжи из нашего региона. В этой связи верно ставятся задачи по повышению уровня оплаты труда, целевой поддержке молодых специалистов, поднимается вопрос о формировании региональной идентичности. Безусловно, отдача от этих мер есть, но, полагаю, для повышения привлекательности нашего края в глазах молодых людей важно увеличить жилой фонд, который бы использовался для социального найма. Это положительно повлияло бы и на демографию.

И последнее – о самоорганизации молодёжи. Ждать, что, окончив учёбу, молодой человек сразу же обретёт волевые качества и навыки системного мышления, – наивно. Всё это приходит, когда люди берутся за конкретные и важные дела и доводят их до успешного завершения. Образцом были ещё в 1980-е годы ударные комсомольские стройки, молодёжные кооперативы по возведению жилья для своих семей, шефство над подростками. Было бы правильно, если бы органы по работе с молодёжью вкупе с молодёжными организациями взяли на себя заботу о возведении какого-то общественно важного объекта, о создании детских клубов по месту жительства, о привлечении подростков к реальной помощи тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации. Живые шаги деятельного сострадания откроют детям такие ценности, как любовь и человечность. И молодёжные вожаки научатся тактике и стратегии достижения побед.

Молодёжь ждёт больших дел, и ей надо помочь, ведь в задорных глазах и сильных руках молодых будущее.

Авторы о «Мономахе»

«Мономаху» – 20 лет!

Журнал «Мономах», первый номер которого появился 20 лет назад, стал совершенно необходимым изданием для всех, кто готов изучать историю и культуру Симбирского края, кто стремится узнать как можно больше о славных земляках и их деяниях. В том, что мы называем Ульяновск родиной талантов, велика заслуга «Мономаха». Трудно переоценить вклад редакции журнала и его постоянных авторов в дело познания и утверждения региональной идентичности Ульяновской области.

Луиза Баюра

Луиза Петровна Баюра – заместитель директора Ульяновского областного художественного музея. Глубоко профессионально и ярко рассказывает она на страницах «Мономаха» о шедеврах живописи, хранящихся в фондах музея, о выдающихся художниках прошлого и современности. Как член редакционного совета Луиза Петровна помогает в планировании выпусков, щедро делится научными знаниями и опытом.

«Послушай! вспомни обо мне...»

К 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова и Н.И. Поливанова

Случилось так, что великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов и симбирский дворянин Николай Иванович Поливанов родились в один год и в один месяц – в октябре 1814 года. Николай Иванович принадлежал к славному роду Поливановых, предки которых по материнской линии обосновались в наших краях ещё в конце XVII века и были деятельными участниками великих петровских преобразований в Поволжье. Н.И. Поливанов (1814–1874) по традиции, существовавшей в дворянских семьях, стал военным и оставил о себе память как о доблестном защитнике Отечества. По окончании курса в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров он поступил в лейб-гвардии Уланский полк. В 1836 году в составе Отдельного Кавказского корпуса участвовал в военных действиях против горцев, за проявленные храбрость и отвагу был награждён орденом Святой Анны 3-й степени с бантом. В 1852 году в чине полковника вышел в отставку. В 1856-м во время Крымской войны Н.И. Поливанов состоял начальником 271-й дружины Симбирского ополчения, затем был назначен заведующим всеми дружинами Симбирской губернии.

Судьбе было угодно, чтобы Николай Поливанов и Михаил Лермонтов встретились, стали товарищами, учились вместе, имели общих друзей и знакомых. В этом году вся страна отмечает 200-летний юбилей поэта. Имя Н.И. Поливанова неизменно присутствует во всех изданиях, посвящённых биографии и творчеству Лермонтова. Оба стали офицерами русской армии, оба были увлечены рисованием. М.Ю. Лермонтов оставил после себя более десятка превосходных живописных произведений и около 350 акварелей и рисунков. Н.И. Поливанов как рисовальщик и акварелист известен благодаря альбомам и рисункам,

хранящимся в собрании Ульяновского областного художественного музея и Литературного музея ИРЛИ (Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге. Есть рисунки Поливанова и в других музеях страны. Рисунки в одном из ульяновских альбомов свидетельствуют о взаимной привязанности и общности интересов Поливанова и Лермонтова, об удивительных сближениях и пересечениях их жизненных дорог.

Впервые Михаил Лермонтов и Николай Поливанов встретились в Москве. В конце лета 1827 года Лермонтов с бабушкой прибыл из Тархан в Москву. Вероятно, общение молодых людей началось со времени переезда

Е.А. Арсеньевой с внуком на новый московский адрес – с Поварской улицы на Малую Молчановку – осенью 1828 года. В Москве на Молчановке их дома стояли по соседству. Хорошо известно стихотворение, написанное в альбом Поливанова 23 марта 1831 года:

*Послушай! вспомни обо мне,
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне –
Изгнанник мрачный и презренный.*

*И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнёт – и вдруг заплачут очи;*

*И молвишь ты: когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручён
И ждал судьбы своей решенье!*

Стихотворение было опубликовано В.Н. Поливановым в альманахе «Русская старина» (1875, № 4). В автографе имелась приписка: «Михайла Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью; когда вследствие какой-то университетской шалости он ожидал строгого наказания. Н. Поливанов». «Шалостью» была известная история с изгнанием студентами глупого и малообразованного профессора М.Я. Малова, в которой участвовал Лермонтов. Ещё одна записка юного Лермонтова от 7 июня 1831 года, адресованная Н.И. Поливанову, полная смятения и горечи вследствие неразделённой любви (история с Н.Ф.И., описанная И. Андрониковым), свидетельствовала о внутренней близости и доверии к другу.

В письме к С.А. Бахметевой, давней приятельнице Лермонтова, написанном поэтом в августе 1832 года из Петербурга, он упоминает дружескую московскую компанию – *bande joyeuse* (весёлая шайка) – так С.А. Бахметева называла Лермонтова и его московских приятелей Н.И. Поливанова, В.А. и Н.С. Шеншиных, А.Д. Закревского и А.А. Лопухина. Молодёжь, близкие и дальние родственники часто выезжают гостить в подмосковное Середниково, имение брата бабушки поэта Елизаветы Алексеевны Арсеньевой – Дмитрия Алексеевича Столыпина. Михаил Лермонтов бывает в гостях у своего друга Николая Поливанова в подмосковном селёце Петрищеве Богородского уезда, имении Поливановых. В юнкерской тетради Лермонтова есть рисунок усадьбы Поливановых – деревянный дом с мезонином и флигелями, парк на берегу пруда. Дом в Петрищеве со всеми его обитателями изображал и Николай Поливанов.

В 1832–1834 годах Н. Поливанов и М. Лермонтов учатся в Петербурге в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В этот период поэт пишет непечатные, так называемые «юнкерские» стихи. Пробразом главного героя стихов, отчаянного гуляки, становится юнкер по прозвищу «Лафа». Под этим именем выведен Николай Поливанов в поэмах «Гошпиталь» и «Уланша». Поливанов подражал Лермонтову, пробовал писать стихи на французском. Оба юнкера много рисуют. В поливановских альбомах,

один из которых, как уже указывалось, находится в Пушкинском доме, в хранящейся там же юнкерской тетради Лермонтова – портреты, пейзажи, изображения лошадей и всадников, сцены из жизни школы и многое другое.

Юбилейный год подвигнул специалистов Литературного музея Пушкинского дома к более тщательному изучению наследия друга поэта Н.И. Поливанова. Особенный интерес представляет работа Елены Николаевны Монаховой, посвящённая альбому рисунков Н.И. Поливанова из Литературного музея. В процессе работы над публикацией Елена Николаевна посетила Ульяновский областной художественный музей, чтобы ознакомиться с рисунками Н.И. Поливанова из нашего собрания. Она, знаток графики поэта, обратила внимание на некоторые рисунки из альбома, которые, по её мнению, могли быть исполнены М.Ю. Лермонтовым, и предложила исследовать эти произведения.

Прежде всего, было необходимо обратиться к подлинным рисункам Лермонтова, которые хранятся в Пушкинском доме. Вот передо мной небольшой по формату альбом, так называемая юнкерская тетрадь поэта. На 68 листах она содержит 245 рисунков и набросков Лермонтова! С первых страниц становится понятным волнение Елены Николаевны, когда она в нашем музее знакомилась с работами Поливанова. Действительно, некоторые рисунки из симбирского альбома Н.И. Поливанова по сюжетам и стилистике совпадают с лермонтовскими. Мне в своё время уже доводилось писать о рисунках Поливанова, посвящённых родным местам художника – Симбирску и Акшуту.

Н.И. Поливанов. Зима в Акшуте. 1841. Акварель

Внимательно разбирался с рисунками на военные и иные темы лермонтовед Я.Л. Махлевич, опубликовавший пространный очерк об ульяновской

коллекции рисунков Поливанова в книге «И Эльборус на юге...» (1991). Но никто не обратил внимания на 4 листа из 88-страничного альбома, сплошь заполненные многочисленными набросками на излюбленные юнкерами темы с изображением мужских и женских голов, всадников, лошадей, карикатурных фигур, сюжетных композиций. Сам принцип использования всей поверхности листа для исполнения спонтанных, беглых набросков напоминает некоторые страницы юнкерской тетради М.Ю. Лермонтова. Эти четыре листа из симбирского альбома не отмечены обычно присутствующей монограммой Н.И. Поливанова – *NP*, на двух листах имеется напоминающая монограмму буква *M*, как бы составленная из двух латинских *M* и *L*. Однако аналогичных монограмм на известных рисунках Лермонтова, по свидетельству специалистов Пушкинского дома, не обнаружено. Можно предположить по начертанию букв, что это пометка самого Поливанова.

На листах – и рисунки Н.И. Поливанова, и, предположительно, наброски Лермонтова времени тесного общения молодых людей в 1832–1834 годах во время обучения в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (Школа юнкеров). Мы пронумеровали все рисунки на упомянутых четырёх листах, как это сделано в юнкерской тетради Лермонтова. Оказалось, что листы содержат 85 набросков, примерно половина по результатам сравнительного анализа с эталонными рисунками Лермонтова может быть отнесена к наследию поэта.

Более 20-ти рисунков посвящены излюбленной для Поливанова и Лермонтова теме – изображению лошадей и всадников. В лермонтовских рисунках наблюдаются только ему присущие особенности изображения лошади, находящейся, как правило, в движении. Художник лаконично и выразительно передаёт состояние полного напряжения сил животного: косящий широко открытый глаз, раскрытая пасть, нервно торчащие уши, расширенные в волнении ноздри и вопреки всем законам физики развевающаяся в направлении движения чёлка – неременная деталь в рисунках Лермонтова.

Среди 85-ти рисунков около 10 представляют собой сюжетные изображения. Присущее Лермонтову стремление к психологической насыщенности рисунка есть в изображении черкеса, сидящего в глубокой и печальной задумчивости возле мирно жующей лошади.

М.Ю. Лермонтов (?).
Женский портрет. 1832–1834.
Итальянский карандаш

М.Ю. Лермонтов (?).
Портрет офицера. 1832–1834.
Итальянский карандаш

М.Ю. Лермонтов (?).
Мужской портрет. 1832–1834.
Итальянский карандаш

Вместе с точностью в передаче внутреннего состояния героя убеждает в принадлежности Лермонтову уверенная композиция, изящество рисунка, трактовка таких деталей, как мохнатая папаха черкеса, характерные приёмы в изображении лошади. Главное – глубокое внутреннее родство с образами кавказских поэм Лермонтова и, прежде всего, с героем восточной повести «Измаил-бей», когда он тщетно пытается отыскать «кровлю сакли белой» на пепелище родного аула.

М.Ю. Лермонтов (?).
Черкес с лошадыо. 1832–1834.
Итальянский карандаш

Однако не стоит искать в этих рисунках признаков автоиллюстрации. По мнению исследователя художественного наследия Лермонтова Н.Ф. Белявского, литературное и изобразительное творчество поэта связаны, прежде всего, общностью идей и образов. Рисунки Лермонтова являют собой опосредованный «графический комментарий» к литературным произведениям, но они «дышат тем же неукротимым темпераментом и эмоциональной напряжённостью, что и его стихи».

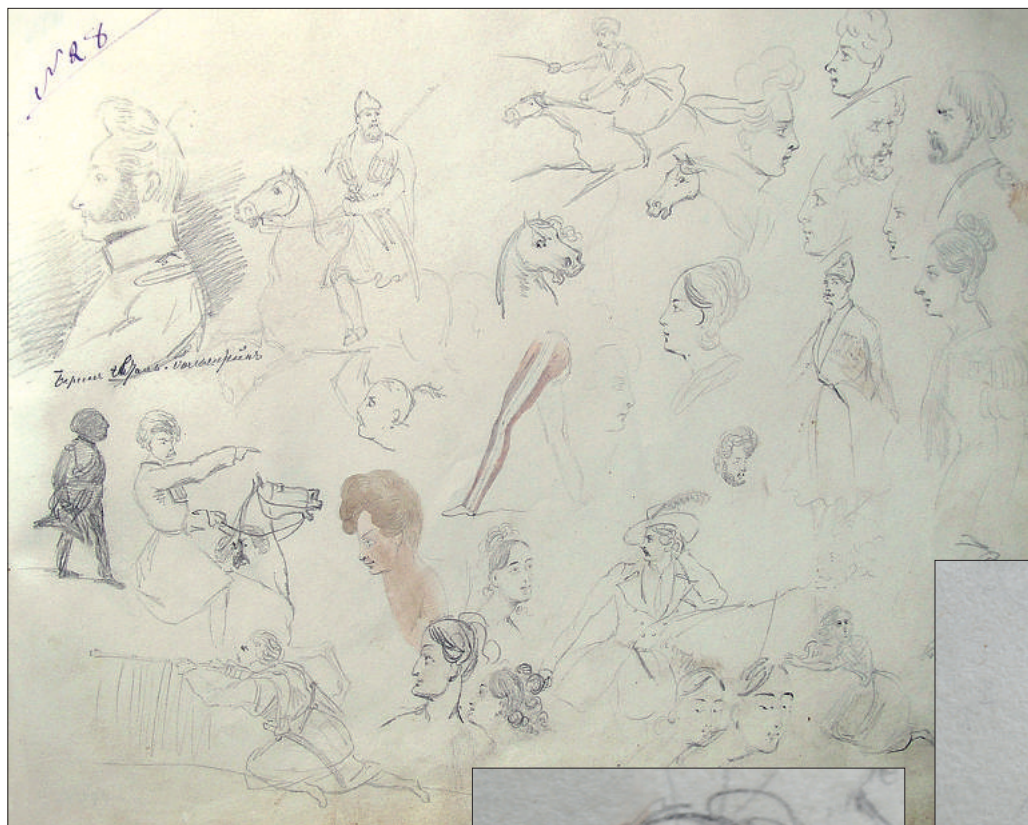
Безусловно, наиболее яркое впечатление производят портретные наброски, они и по количеству держат первенство. В изображениях вполне конкретных лиц особенно наглядно проявилась близость к рисункам подобного рода из юнкерской тетради Лермонтова. В исследуемых набросках поливановского альбома присутствует неподражаемая манера Лермонтова-рисовальщика: экспрессия, подвижность, лаконизм штриха, умение мастерски использовать возможности итальянского карандаша. Поразительная точность психологической характеристики при крайней скупости графического рисунка – бесспорное проявление гениальности Лермонтова, будущего создателя «Героя нашего времени».

Поливанов всегда более подробен, его интересуют внешние особенности облика человека, он часто прибегает к светотеневой моделировке объёмов, штриховке вокруг фигуры. Показательный пример его портретного творчества – рисунок на одном из четырёх листов, на котором, судя по надписи, изображён Александр Карлович Сталь фон Гольштейн, сослуживец Лермонтова, полковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка.

Иные качества в манере рисования, отношении к личности изображённого просматриваются в замечательном «Портрете офицера». При всём лаконизме рисунка такие свойства характера, как решительная мужественность, твёрдость в поступках и мятущийся, склонный к рефлексии рассудок, нашли в этом портрете отражение. Безупречная, интуитивно найденная композиция портрета, выразительный поворот головы, свобода ведения штриха свидетельствуют о больших возможностях

Лермонтова-художника, о глубокой проницательности Лермонтова-поэта.

Наброски женских портретов в поливановском альбоме, предположительно исполненные Лермонтовым, выявляют авторскую увлечённость разнообразием и глубиной человеческой природы. Весьма различны героини рисунков по настроению и состоянию, по возрасту, наконец. Бесспорно, за каждым наброском конкретная личность из окружения поэта, однако скудный иконографический материал, находящийся в нашем распоряжении, не даёт широких возможностей для определения изображённых лиц. Тем не менее, учитывая склонность Лермонтова к подчеркиванию физиогномических особенностей человека, умению найти единственный ракурс, поворот головы, чтобы выразить характер личности, рассмотрим внимательней выразительный женский портрет с характерным профилем, являющим властную и решительную натуру. Среди широкого круга друзей и родных Лермонтова особое место занимали Верещагины, родственники по линии жены Д.А. Столыпина, брата Е.А. Арсеньевой, Екатерины Аркадьевны, урождённой Анненковой. Особенно близки Лермонтову были Елизавета Аркадьевна Верещагина (1788–1876) и её дочь Александра Михайловна Верещагина (Сашенька), в замужестве баронесса Хюгель (1810–1873). У дочери за рубежом хранились три уникальных альбома с рисунками и автографами Лермонтова, оказавшиеся в Колумбийском университете. Из собрания Верещагиной-Хюгель происходит живописный портрет Елизаветы Аркадьевны (Вартхаузен, Германия), опубликованный в 1979 году. Портрет обнаруживает поразительное сходство

Н.И. Поливанов, М.Ю. Лермонтов (?).
Лист из альбома.

Итальянский и графитный карандаши,
акварель

М.Ю. Лермонтов (?)
Портрет Е.А. Верещагиной. 1832–1834.
Итальянский карандаш

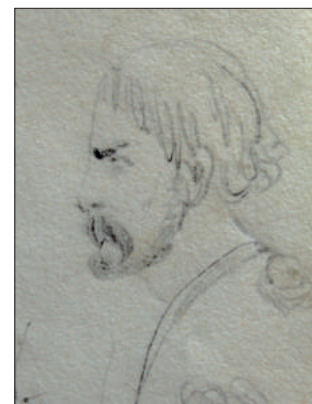
с моделью рисунка в поливановском альбоме, что даёт нам право утверждать верность предложенной идентификации.

Хотелось бы в портретных изображениях на листах поливановского альбома, приписываемых Лермонтову, увидеть и других близких Лермонтову людей. Обращают на себя внимание три наброска женского лица. Рисунки невольно вызывают в памяти изменчивый, сложный, неуловимый образ Вареньки Лопухиной. В одном из набросков – тонкие черты, озарённые внутренним светом, античный профиль, высокий лоб, ямочка под нижней губой, наивное, открытое и радостное выражение лица. «Это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная», – писал А.П. Шан-Гирей. Однако эти быстрые наброски не могут дать полной уверенности в нашем предположении.

По окончании Школы юнкеров пути молодых людей, казалось бы, разошлись. На исходе 1834 года Н.П. Поливанов произведён в корнеты лейб-гвардии Уланского полка, М.Ю. Лермонтов поступил в лейб-гвардии Гусарский полк. Однако Владимир Николаевич Поливанов, наследник и первый публикатор семейных реликвий, связанных с Лермонтовым, писал: «Не смотря потом на различие полков, в которых они служили, они постоянно между собою виделись и друг от друга никогда не имели никаких тайн».

Весной 1836 года Н.И. Поливанов был командирован в Отдельный Кавказский корпус. Большое число рисунков и акварелей в симбирском альбоме Н.И. Поливанова посвящены Третьей Кавказской экспедиции.

М.Ю. Лермонтов (?)
Портрет крестьянина.
1832–1834.
Итальянский карандаш

М.Ю. Лермонтов (?).
Портрет молодого человека.
1832–1834.
Итальянский карандаш

Через год в этих местах окажется М.Ю. Лермонтов, сосланный на Кавказ за стихотворение «Смерть поэта», он будет встречаться со многими из тех, кого запечатлел в своих рисунках и акварелях Николай Поливанов.

Вот начало пути юного улана: тройка мчит молодых офицеров на театр военных действий. В надписи под рисунком обозначено легендарное Ольгинское казачье укрепление, основанное Суворовым в 1778 году. В 1830-е годы это кордон, имеющий важное военно-стратегическое значение. В Ольгинском дважды в сентябре 1837 года на пути в Тамань и обратно побывал М.Ю. Лермонтов.

Лист с изображением тройки интесен ещё и тем, что в коляске рядом с автором рисунка изображён, как следует из надписи, князь Николай Сергеевич Вяземский (1814–1872) – товарищ Поливанова и Лермонтова по Школе юнкеров. За отличие в сражениях

на Кавказе Вяземский награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами. Н.С. Вяземский хорошо известен ульяновским краеведам: член Комитета Карамзинской общественной библиотеки, создатель театра в Симбирске, владелец 10 тыс. десятин земли в Симбирском уезде (Ж.А. Трофимов), он сохранил для лермонтоведения бесценные реликвии – автографы и рисунки поэта.

Н.И. Поливанов.
Н.И. Поливанов и Н.С. Вяземский
в Ольгинском. 1836–1837.
Итальянский карандаш

В альбоме Поливанова есть рисунки, исполненные в Ставрополе, который называли «воротами Кавказа». На одном из ставропольских рисунков Николай Иванович изобразил себя и Петра Аполлоновича Волкова (1807–1889). Гусарский штаб-ротмистр П.А. Волков в 1837 году служил в том же Нижегородском драгунском полку, что и посланный на Кавказ М.Ю. Лермонтов.

Н.И. Поливанов.
Н.И. Поливанов и П.А. Волков
в Ставрополе. 1836–1837.
Итальянский карандаш

Волков был знаком с поэтом, состоял с ним в дружеских отношениях (А.А. Сахаров). Необычной кажется сама внешность Петра Аполлоновича, внимательно переданная художником. Коротко стриженная голова, длинные усы, казацкая рубашка с воротником, завязанным

Н.И. Поливанов.
Привал на Кавказе.
1836–1837.
Акварель

шнурком. В 1842 году Волков стал командиром Лабинского казачьего полка, первым атаманом станицы Лабинской, начальником всей Лабинской линии, в дальнейшем дослужился до звания генерал-лейтенанта, имел множество наград.

Вспоминая героя поливановского рисунка П.А. Волкова, мы можем сказать о нём и его деятельности словами Алексея Александровича Вельяминова: «Для покорения Кавказа нужны не укрепления, а казачьи станицы». Генерал-лейтенант А.А. Вельяминов (1785–1838), сподвижник легендарного полководца А.П. Ермолова, дважды изображён на листах Поливановского альбома в акварелях «Привал на Кавказе» и «Лагерь при Сунджук-Кале».

А.А. Вельяминов, командующий войсками Кавказской линии, с 1834 года руководил Кавказскими экспедициями, цель которых заключалась в освоении земель Северного Кавказа, сооружении стратегических дорог к Чёрному морю. Участники экспедиций преодолевали болота, плавни, горные ущелья и перевалы при постоянных военных столкновениях с горцами. Корнет Н.И. Поливанов, будучи гвардейцем, находился рядом с высшими офицерами. В акварелях ему удалось передать характерные черты генерала, о которых писали его современники: «Вельяминов принадлежал к числу тех людей, для которых почти не существует собственного «я», а есть только долг, исполненные службы да готовность принести

себя всецело на алтарь отечества...» (В.А. Потто).

В акварели «Привал на Кавказе» Н.И. Поливанов отразил ещё одну сторону личности Вельяминова, о которой писал дипломат, писатель, участник Кавказской войны Ф.Ф. Торнау: «Перед вечером отряд вышел на открытое лагерное место; стали разбивать палатки; для Вельяминова поставили барабан и развели огонь, у которого он молча принялся греть руки. Это была его постоянная привычка. Вокруг него болтали офицеры. Казалось, он был ко всему равнодушен, однако мало слов ускользало от его слуха. Он позволял молодёжи [...] говорить свободно обо всём, прислушиваясь к разговору, и заключал по нём об уме и характере каждого из рассуждающих».

Исследователи биографии М.Ю. Лермонтова считают, что А.А. Вельяминов сыграл важную роль в судьбе Лермонтова во время его первой ссылки на Кавказ в 1837 году. Личность генерала нашла отражение в темах и образах литературного творчества поэта.

Двухсотлетний юбилей М.Ю. Лермонтова и его товарища Н.И. Поливанова способствовал обострённому вниманию исследователей к рисункам и акварелям нашего земляка и уникальному художественному наследию поэта. Хочется верить, что впереди ещё немало удивительных открытий.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-14-73004

Ольга Егоровна Бородина – заместитель директора по науке Ульяновского областного краеведческого музея. Человек, искренне и глубоко любящий свой родной край и болеющий за его природу, культуру и будущее процветание. Почти с самого основания журнала О.Е. Бородина является самым активным членом редакционного совета и инициатором разработки интересных тем и актуальных статей.

Для детей и внуков. Да и всех уже ушедших...

Авторы о «Мономах»

С журналом сотрудничаю с момента основания. Горжусь, что в Ульяновской области есть такое издание. «Мономах» – центр притяжения людей увлечённых, творческих, неравнодушных. Их эмоции, радость, боль, переживания направлены жителям не только региона, но и России, и мира. Хочется пожелать журналу и редакции мощного заряда оптимизма на создание «волны» необходимой силы на долгие годы.

Ольга Бородина

С.Л. Сытин за рабочим столом

8 января 2015 года известному ульяновскому историку, краеведу, педагогу Сергею Львовичу Сытину (1925–2001) исполняется 90 лет со дня рождения.

Краевед, все свои отпуска проводивший в архивах и библиотеках Москвы и Ульяновска, сформировал уникальную фотолетопись Симбирска-Ульяновска и картотеку с выписками.

В 1999 году С.Л. Сытину было присвоено звание почётного гражданина г. Ульяновска.

В 1952 году, после окончания аспирантуры, он приехал из Москвы в Ульяновск и более сорока лет проработал в педагогическом институте. Специалист по истории Великой Французской революции, на работы которого ссылались в различных изданиях Германии, Франции, в Большой советской энциклопедии, вузовских учебниках. Жители и гости Ульяновска могут увидеть имя С.Л. Сытина около знаменитой диорамы в Ленинском мемориале, с обозначением его вклада в эту работу – «научный консультант». За этими словами – сотни фотографий с видами дореволюционного Симбирска, отпечатанных им лично ночами, оторванными от сна, многочасовые встречи и обсуждения, поездки

в Москву в мастерскую Е.И. Дешалыта, автора диорамы. Сергей Львович был одним из авторов концепции создания ГИММЗ «Родина В.И. Ленина», кто отстаивал необходимость его создания на самых различных уровнях. Сотрудники музея-заповедника, в октябре 2014 года отметившего свое 30-летие, благодарно сохраняют его имя в истории не только Ульяновска, но и России, организуя Всероссийские Сытинские чтения.

Также в его жизни были фотография, филателия, шахматы, увлечение рыбной ловлей, настольный теннис, разведение кактусов, количество которых в иные годы доходило до 400 экземпляров. А ещё – четверо детей и пятеро внуков, которых он безмерно любил.

Занимаясь на протяжении многих лет биографиями домов, людей, историей застройки улиц Симбирска-Ульяновска, Сергей Львович обратился к изучению своей родословной лишь в начале 1990-х. В ноябре 1991 года он пишет двоюродному брату Николаю Фуделю: «Много занимался родословными симбирских дворян, а сейчас решил разобраться в родословных Сытиных, Свербеевых, Матасовых, Фохтов, Фуделей, Брицке и т. д. Времени у нашего поколения мало – надо успеть. Для детей и внуков. Да и для всех уже ушедших».

Составляя условный отчёт к своему 60-летию, он написал: «Обязан всем, чем сам бываю полезен людям, моей матери, школьным учителям Ф.Г. Сухину, Д.М. Забродину; преподавателям МГПИ им. В.И. Ленина Н.П. Грацианскому, А.М. Панкратовой, А.Л. Нарочницкому, С.В. Кану, коллегам по кафедре, С.П. Захарову, Н.М. Кафидову, А.Ф. Варламовой, Н.И. Никитиной и многим другим».

На первом месте – мама Лидия Петровна, урождённая Матасова.

Сергей Сытин с матерью Лидией Петровной. Конец 1940-х

Её дедом по материнской линии был обрусевший немец, происходивший из Силезии, Виллибальд Генрих Грингмут (1815–1870). Виллибальд Грингмут окончил филологический факультет университета Бреславля (ныне польский город Вроцлав) со степенью доктора философии. В начале 1840-х годов его пригласил в Москву в качестве воспитателя детей попечитель Московского учебного округа граф С.Г. Строганов. После отъезда графа в Петербург Грингмут остался в Москве и преподавал в частных пансионах. В это время он познакомился с полькой Бертой Соколовской, в браке с которой родилось четверо детей: Владимир, Дмитрий, Генриэтта (Рая) и Аделаида (будущая бабушка С.Л. Сытина).

Связав свою жизнь с Россией, Виллибальд Грингмут дал сыновьям русские имена и сам стал называться Андреем Ивановичем, но русского подданства не принял и веру (протестантство) не сменил. Он был человеком многосторонне образованным, большим знатоком искусства, любителем природы, преподавал древние языки и эстетику. Со своими детьми он занимался сам, выделяя старшего сына Владимира, необыкновенно способного и умного мальчика. С восьми лет Володя свободно говорил на трёх языках: русском, немецком, французском, причем, как и другие дети в семье, и уже сочинял самостоятельно рассказы. С десяти лет мальчик стал заниматься древними языками, и отец говорил с ним исключительно на латинском языке. На стороне брались только уроки английского языка.

Когда отец умер, Владимиру было 19 лет, и забота о матери и двух младших сёстрах всецело легла на его плечи. Незадолго перед этим в Москве открылся лицей имени цесаревича Николая Александровича. Организатору лицея порекомендовали Владимира в качестве младшего тьютора (лат. tutor, смотреть, наблюдать). Ему предоставили служебную квартиру, куда он переехал с семьёй, и Владимир начал свою деятельность в лицее (она продолжалась более 30 лет), занимая постепенно высшие должности: главного надзирателя, старшего учителя и, наконец, директора. В основном он преподавал греческий и немецкий языки. Преподаватель он был редкий и так умел увлекать учеников даже сухой греческой грамматикой, что «самые ленивые и тупые заинтересовывались предметом и невольно усваивали его. Когда же дело доходило до трагедий Софокла, то все сидели и слушали его, как зачарованные». С 1 января 1894 года он стал директором лицея цесаревича Николая. В этой должности раскрылся его талант организатора и руководителя. По просьбе Владимира Андреевича 22 февраля 1895 года в лицей прибыл протоиерей, проповедник, духовный писатель Иоанн Кронштадтский, который с того дня и до 1905 года ежегодно служил в лицейском храме. Так, племянница В.А. Грингмута Лида Матасова в дневнике 12 марта 1897 года записала: «Сегодня были у Грингмутов; у них был Иоанн Кронштадтский и благословил нас».

Как вспоминает Генриэтта Грингмут, один из товарищей брата по лицу, Пётр Яковлевич Матасов,

Пётр Яковлевич Матасов

выпускник «по естественному разряду физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета», влюбился в «хорошенькую Адель» и сделал ей предложение. Ей было всего 17 лет, жених был почти в два раза старше, но по настоянию матери предложение было принято. В браке родилось 9 детей, четверо умерли от различных заболеваний. В мае 1897 года в формулярном списке о службе Петра Яковлевича Матасова, исполняющего обязанности помощника директора лицея, главного надзирателя пансиона при лицее, статского советника, кавалера орденов Св. Станислава 2 и 3 ст., Св. Анны 2 и 3 ст. и Св. Владимира 4 ст., отмечено, что «семейство его – жена, сын и 3 дочери» (Леонид, Катя, Нина, Лида, позже родилась ещё одна дочь Татьяна). Младшей дочерью долго считалась Лидия, которой в 1897 году исполнилось 10 лет, и она вместе с сестрой Ниной поступила в частную женскую классическую гимназию С. Фишер, единственное женское учебное заведение в России с полным курсом мужской классической гимназии. «Мы теперь первоклассницы и фишерянки». Сохранился дневник сестёр Матасовых – Нины (Антонины) и Лиды за 1897 год, в котором они попеременно описывают свои ежедневные занятия, быт, увлечения, посещения театра, Манежа, свадьбу кузины Грингмут, жизнь на даче.

Из жизни на даче: «Мы встаём в восемь часов... По понедельникам и четвергам мы учимся по-русски,

Адель Андреевна
Грингмут-Матасова

по вторникам и пятницам – по-немецки, по средам и субботам – по-французски и полчаса по арифметике. По понедельникам и четвергам урок музыки у Нины, а по вторникам и пятницам у меня. ...Тётя Рая нам читает теперь ещё немецкие сказки, а в это время мы работаем, я вышиваю».

После этого кажется абсолютно логичным, что три сестры Матасовых окончили гимназию Фишер с золотыми медалями.

Когда Лиде было 13 лет, отца не стало. Младшей Тане было всего 2 года. «Встал вопрос – как будет дальше? Заработок был только у тётки Раи (которая жила с ними), пенсию выхлопотали через полгода. Оставалась помощь дяди (В.А. Грингмута), материальная помощь со службы отца. Катя никогда ещё не работала, Леонид учился в лицее. Встал вопрос о службе для Кати, о поездке Леонида на лето на какой-нибудь урок. Так с 13 лет передо мной встал вопрос – самой поскорее начать зарабатывать, учиться для этой цели, помочь маме растить Таню».

По окончании курса гимназии «девице Лидии Петровне Матасовой, подданной Российской империи, дочери дворянина», было присвоено звание домашней наставницы с «правом преподавания учебных предметов в четырёх низших классах мужских гимназий и прогимназий и во всех классах женских гимназий», в числе учебных предметов – пять языков: русский, латинский, греческий, немецкий и французский.

Семья Матасовых. Слева направо: сидят Леонид, Таня, Катя, стоят Нина и Лида

Первое время она давала частные уроки, затем проработала три года преподавателем истории в частной женской гимназии госпожи Садовской в Риге, два года – в земской женской гимназии в г. Владимире, а в 1913–1918 годах обучалась на историко-философском факультете Московских высших женских курсов, подыскивая на лето уроки. Место преподавателя во владимирской гимназии было получено при содействии Алексея Симанского, бывшего ученика П.Я. Матасова в лицее, который «тепло вспоминал, как часто бывал у нас в семейном кругу и как заботились о нём папа и мама». Никто, конечно, не мог даже предположить, что это будущий патриарх

Алексий И. С семьёй Матасовых, детьми своего любимого преподавателя, Алексей Симанский поддерживал отношения вплоть до 1960-х годов.

Летом 1914 года Лидии Петровне предложили уроки в семье Свербеевых. Фамилия Свербеевых, а именно Дмитрия Николаевича, известна всем, кто занимался историей Москвы XIX столетия благодаря изданным уже после его смерти «Запискам» с ценнейшими сведениями о жизни, быте, нравах москвичей первой половины позапрошлого века. Также вместе с женой Екатериной Александровной, урождённой княжной Щербатовой, он вошёл в историю литературной Москвы много лет существовавшим салоном.

В разное время здесь бывали Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Аксаков, Герцен и Огарёв, Боратынский, Языков и многие другие.

Александр Дмитриевич Свербеев с внуками

Лидию Петровну пригласили для подготовки к поступлению в гимназию правнучки Дмитрия Николаевича Свербеева, внуки его сына Александра Дмитриевича, действительного тайного советника, сенатора, бывшего губернатора Самарской губернии. В личной жизни Сенатору, как его называли родственники, не посчастливилось: его жена-красавица, урождённая графиня Вера Фёдоровна фон-Менгден, родив сына Дмитрия и дочь Зинаиду, когда им было всего 4 и 2 года соответственно, ушла от него, и вышла, не испугавшись суждений «света», замуж за блиставшего в то время в светских кругах дипломата Д.Е. Шевича. Александр Дмитриевич долгое время не давал жене развода, только личное вмешательство Александра III вынудило его это сделать.

Его дочь Зинаида получила превосходное домашнее образование. «В бытность Александра Дмитриевича вице-губернатором в Костроме она познакомилась с Максимом Фёдоровичем Сытыным, юристом по образованию, и по происхождению, и по положению принадлежавшим к тому же кругу. Зинаида Александровна вышла замуж, в сущности, против желания отца, который до конца жизни не любил Максима Фёдоровича. Зять отличался живым блестящим умом, критическим

и едким в отношении людей, умом не блиставших.

Жизнь Сытыных надолго была связана с Вильной. Здесь выросли и учились почти все их дети. Затем Максим Фёдорович был назначен в Нижний Новгород, а вся семья обосновалась в Риге. Зинаида Александровна никогда вполне не принадлежала семье – подолгу жила в Петербурге у отца».

Зинаида Александровна Сытина (ур. Свербеева)

Два лета 1914 и 1915 годов Лидия Матасова провела в Солнышкове, занимаясь с Верочкой, которая была младшим ребёнком из семерых детей Зинаиды Александровны Свербеевой и Максима Фёдоровича Сытина.

В воспоминаниях, которые Лидия Петровна написала в середине 1950-х годов по просьбе Сергея Львовича, подробно описываются дом с его обитателями и гостями, быт. «Мне пришлось встретиться с двумя племянницами жены Пушкина, Гончаровыми. Это были пожилые старые девы,

очень приветливо и оживлённо встретившие нас в своём имении в селе Лопасня. Я приехала туда с Александром Дмитриевичем и Верочкой, и не без интереса наблюдала встречу сенатора и великосветских пожилых дам, которым он со стариковской любезностью поднёс корзиночку персиков из оранжереи Солнышкова».

Занятия были успешными. Верочка поступила в гимназию, но отношения с семьёй Сытыных-Свербеевых не завершились и продолжились дальше. Лида была вовлечена в орбиту семьи. При ней было получено известие о трагической гибели на охоте сына Дмитрия, а затем на фронт Первой мировой войны были призваны Александр, Лев и добровольцем ушёл Николай. Александр погиб. Особенно Лида подружилась с Зинаидой Максимовной, вышедшей в 1915 году замуж за Эргарда Викторовича Брицке, потомка немцев-колонистов, родом из Симбирска, химика-технолога, металлурга, будущего вице-президента АН СССР. Кстати, он обучался в Симбирской мужской классической гимназии, а отец служил землеустроителем. Лида помогала Зинаиде после рождения ребёнка, занималась с Верой, когда её матери необходимо было уехать в Петербург к отцу.

После революции супруги Сытыны жили в одном из флигелей господского дома в имении Свербеевых в Солнышкове вблизи станции Лопасня Московско-Курской железной дороги. При дележе земли, по числу членов семьи, им были выделены земельные паи.

В 1924 году Лидия Петровна Матасова и Лев Максимович Сытин поженились.

В автобиографии Лев Максимович Сытин (1891–1973) пишет: «Происхожу из семьи трудовой интеллигенции. Дед окончил хирургическую академию в Москве и был военным врачом-хирургом. Отец окончил университет в гор. Юрьеве (Дерпт) по юридическому

Пропуск З.М. Брицке в Московский дом учёных. 1938

Похороны Максима Фёдоровича Сытина.

Слева направо: Сергей Иосифович Фудель, Вера Максимовна Сытина-Фудель, Зинаида Александровна Сытина (ур. Свербеева), Лев Максимович, Лидия Петровна Сытина. 1926

Сергей Сытин с отцом
Львом Максимовичем. 1926

факультету, работал по своей специальности. Дед из мещан, получил дворянство за участие в русско-турецкой войне 1877 г. Мать – домашняя хозяйка, в последние годы жизни преподавательница иностранных языков». После Виленского реального училища Лев Максимович продолжил образование в Рижском политехническом институте на архитектурно-строительном отделении, был участником Олимпиады 1912 года в Стокгольме, участником Первой мировой войны, после революции много лет проработал фотографом в Дарвиновском музее, автор ряда изобретений в области фотографии, в частности, прибора для проявления на свету. В течение ряда лет работал с известным зоопсихологом Н.Н. Ладыгиной-Котс при подготовке иллюстраций к её всемирно известной работе «Дитя шимпанзе и дитя человека», геологами – академиком В.А. Обручевым, профессором В.А. Варсанюфьевой, скульпторами А.С. Голубкиной и В.И. Могиной при подготовке выставок, монографий, альбомов. Сохранились их письма и отзывы.

Младшая сестра Льва Максимовича Верочка в 1923 году обвенчалась с Сергеем Иосифовичем Фуделем, будущим известным православным богословом, философом, духовным писателем. За свои взгляды он был неоднократно репрессирован, провёл

в лагерях и ссылках в общей сложности около 30 лет. Первый раз он был арестован в июле 1922 года за антиобновленческую деятельность, и Вера Максимовна, будучи его невестой, поехала вместе с ним из Москвы в ссылку, где 23 июля 1923 года в комнате ссыльного епископа Афанасия (Сахарова) состоялось венчание.

В журнале «Наш современник» в 1996 году были опубликованы «Воспоминания о матери» Марии Фудель-Желнаваковой. А сын Николай в письме к Сергею Львовичу, который спрашивал, не сохранились ли у них какие-нибудь документы и фотографии сестёр отца Зинаиды и Веры, бабушки Зинаиды Александровны, написал, что «мама к концу была в некоей «мании преследования» и, м. б., поэтому исчезли бывшие у неё письма и фотографии».

Лидия Петровна пишет в воспоминаниях: «С момента рождения и до самой маминой смерти я была маминой дочкой, нежно любимой и безгранично любящей». Такие же даже в некоторой степени болезненные материнские чувства были у неё по отношению к своим детям – сыну Сергею и дочери Татьяне. «Если бы кто знал, как я тоскую по Серёже... Каждый час без него, вдали от него, отзывается такой болью. И не с кем даже душу отвести, ведь для всех это: «Со всеми так бывает...

Дети вырастают и уходят...» А у меня как рана болит невыносимо...». Через день по чётным числам она писала сыну письма, стараясь быть в курсе его дел, мыслей. Чем могла, помогала внукам.

Лидия Петровна Сытина с внуком
Алексеем. 1956

Сохранившиеся дневники, воспоминания, письма в семейном архиве Сергея Львовича Сытина представляют интерес не только для составления родословной, не только для детей и внуков, но для живущих в XXI веке. Интересны люди, с которыми он пересекался, интересны их жизненная позиция, взгляды.

*О С.Л. Сытине см. «Мономах», № 2, 1996.
А. Лайков. Путешествие во времени.
М. Савич. Краевед глазами краеведа.*

Авторы о «Мономахе»

Симбирский край – не самые древние земли Российской империи, и не самые русские. Может быть, кто-то считает, что это минус. Но, если взглянуть на историю региона с другой, позитивной, стороны, то в этом можно найти и своеобразие, и особую неповторимость. Краеведческие издания существуют во многих областных и республиканских центрах нашей страны. Когда они попадают в руки, всегда с интересом их листаю, сравниваю с «Мономахом». Я рада, что и в Ульяновской области есть доступный по цене журнал, который уже два десятилетия помогает людям узнавать и ценить ту землю, на которой они живут.

Лилия Янушевская

Лилия Станиславовна Янушевская – редактор-стилист журнала «Мономах». Является постоянным автором издания. Её статья представляет журнал на общероссийском краеведческом сайте Фонда им. Д.С. Лихачёва и Российской национальной библиотеки. В этом году она стала дипломантом Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России» в номинации «Мы – россияне» и дипломантом Межрегионального конкурса краеведческой тематики «Моя малая родина», организованном Международным пресс-клубом.

Восхищение Шодэ

Год признательности Шодэ прошёл успешно и принёс немало открытий

Документов, подтверждающих хотя бы один ключевой факт из принятой в ульяновском краеведении биографии симбирского архитектора французского происхождения Августа Шодэ, не сохранилось. Фамилия, несмотря на многочисленных потомков, почти исчезла. Могила зодчего стёрта с лица земли... Осталась «только» лепта, которую он внёс в формирование облика старого Симбирска...

А.А. Шодэ

В отличие от симбирских культовых сооружений здания, спроектированные Августом Августовичем Шодэ, пережили все перемены в жизни страны за сто лет, победили время и радуют горожан своей неповторимой, как считают специалисты, «французской прелестью». Правда, далеко не все из ульяновцев знают о том, что дома, которыми они восхищаются с детства, с гордостью показывают своим друзьям из других городов, – детища гения и творческого вдохновения Шодэ.

Этот пробел в знаниях земляков взяли восполнить архитекторы. Идея привлечь внимание к сохранению наследия зодчего, увековечить его имя в памяти потомков родилась в недрах воссозданной недавно общественной организации ВООПИК. Чуть позднее её активно подхватил музей-заповедник «Родина В.И. Ленина» – выставками проектов архитектора, туристическим маршрутом «Мистическая прогулка с Августом Шодэ», выступлениями в прессе и поисковыми работами. В результате постановлением городской администрации Ульяновска 2014 год был объявлен Годом признательности Августу Шодэ и включил в себя немало мероприятий, посвящённых

памяти зодчего. Самым масштабным из них, привлёкшим к себе сотни неравнодушных талантливых ульяновцев стал фотоконкурс «Шодэ-позитив», прошедший в четыре этапа, каждый из которых был посвящён одному времени года.

Биографию извлекли из забвения

Ещё пятьдесят лет назад об Августе Августовиче Шодэ в Ульяновске было известно очень мало. Вплоть до того, что не знали ни имени зодчего, ни точный перечень зданий, которые он построил. Первым из местных краеведов его персоной в 1970-х годах заинтересовался Борис Васильевич Аржанцев. Он разыскал одного из сыновей архитектора Николая Августовича Шодэ и пригласил его в наш город. Николай, единственный из семи детей Августа Августовича, живо интересовался историей рода. Разыскал сводных сестёр и братьев, разбросанных по разным городам, и многое узнал о своём предке. Таким образом, крупинка по крупинке стала вырисовываться биография Августа Августовича Шодэ. И до 2014 года она выглядела приблизительно так.

А.А. Шодэ родился 5 августа 1864 года в Одессе в семье эмигранта из Франции. Мальчик любил рисовать, читать, изучать языки. Кроме родного французского, свободно владел русским, хорошо говорил по-немецки, на английском, итальянском, чуть хуже на греческом и испанском. Какое-то время жил во Франции, где получил образование и прошёл военную службу. Затем вернулся в Одессу и руководил там собственной мебельно-декоративной фабрикой.

Мать Августа Шодэ от второго брака с австрийским дворянином Виктором Спаннером имела двух сыновей – Альфреда и Эрнеста. Последний, став архитектором, служил в строительном отделе Симбирского губернского правления. Именно он пригласил сводного брата Августа Шодэ с семьёй в 1897 году приехать в наш город. О первой супруге Августа Августовича неизвестно почти ничего. Умерла она в 1904 году, оставив сиротами четверых малолетних детей.

Через три года Август Августович женился вновь. На этот раз его избранницей стала двадцатилетняя Мария Петровна Котельникова. Она работала в Симбирской уездной земской управе техником-математиком. В дальнейшем Мария Петровна стала не только матерью трёх детей Августа Августовича, но и помощником во всех его строительных проектах, и личным секретарём.

Строил Шодэ только в Симбирске и Симбирской губернии. Во всяком случае, о его проектах, осуществлённых где-либо ещё, краеведам неизвестно. По мнению Александра Капитонова, этот французский гражданин такой же специфически уникальный для нашего города архитектор, как Гауди для Барселоны. В год 150-летия Шодэ – 2014-й – выяснилось, что документального подтверждения большинству фактов общепринятой биографии архитектора исследователям найти не удаётся.

Одесса-мама и Париж-отец?

Директор музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» Ирина Котова сделала ошеломляющее заявление: «Нет документов, свидетельствующих не только о том, что в Одессе жил каретник и мебельщик Август Шодэ, у которого в 1864 году родился сын Август, но и о самом факте проживания в Одессе человека с такой фамилией! Для нас это было чем-то вроде шока...»

Однако одна из организаторов мероприятий в рамках Года признательности Шодэ Марина Уралыцева не теряет

оптимизма и надежды найти документы, касающиеся семьи архитектора:

– В Одессе, несмотря на все те печальные события, которые сейчас происходят в Украине, к нашим запросам отнеслись крайне внимательно. К сожалению, их архив так же, как и архив Симбирска, пострадал от пожара в XIX веке, многие документы уничтожены. До нашего запроса одесситы ничего не знали о Шодэ и о том, какие прекрасные здания уроженец их города построил в Симбирске. Но они сразу же поверили ульяновским исследователям, и уже в этом году диск «Самые известные одесситы» пополнился материалом об ещё одном человеке – Августе Августовиче Шодэ!

Фото Сергея Ойкина

Дом-памятник И.А. Гончарову

Не нашли исследователи и документов, касающихся пребывания Августа Шодэ в Париже и подтверждающих получение им образования и прохождения воинской службы. Потомки Шодэ сделали запрос в различные учреждения Франции, но ответа пока не получили.

– Сведения о симбирском архитекторе нужно искать всем ульяновцам, у кого только есть такая возможность, – призывает Марина Уралыцева.

В конце XIX века, когда центральная часть французской столицы уже была значительно перестроена бароном Османом, Август Шодэ гулял по улицам Парижа, восхищался и впитывал в себя красоту окружающей его архитектуры. Специалисты считают, что особенно ему нравились бульвар Мадлен,

бульвар Капуцинов, Лувр, отель дель Виль. Кстати в Лувре есть несколько скульптур Шодэ (Chaudet), современника Наполеона. Вполне возможно, это однофамилец, но нельзя исключать, что и вероятный родственник нашего Августа Августовича. Вернувшись в Симбирск, свежеспечённый архитектор стал использовать подмеченные им приёмы французской архитектуры в городе на Волге. Например, ему очень нравился так называемый французский балкончик – без привычной нам площадки, служащий исключительно для декоративных и эстетических целей. Широко применял он и новые материалы: металл, стекло, облицовочные плиты. Постепенно заказов у Шодэ становилось всё больше и больше, и на улицах Симбирска, преимущественно деревянной застройки, то тут то там стали появляться великолепные особняки в духе французского ренессанса, выполненные блистательным мастером с великолепным художественным вкусом, обладающим огромной трудоспособностью и награждённым свыше большим талантом.

Траектория Шодэ

Несмотря на то, что Август Шодэ прожил в нашем городе два десятка лет с небольшим, свой дом в Симбирске он так и не построил. Семья перебиралась с квартиры на квартиру. Их последний адрес – улица Покровская, дом Снежницких (ныне ул. Льва Толстого, 71/11). Здесь Август Августович с семьёй прожил с 1913-го по 1918 год.

В 1914 году тут появился на свет младший из его детей Борис. Сын Николай в то время уже был довольно большим мальчиком и многое запомнил: «В квартире на Покровской, кроме кабинета, отец имел маленькую мастерскую, в которой он также много работал, когда уставал от умственной работы. Мать говорила, что отец, прежде чем дать мастеру лепную работу, делал её уменьшенной из дерева. В мастерской отца стоял столярный верстак, слесарные тиски и токарный станок по дереву. У нас, как говорила мать, да и сестра Лидия, мало было купленной мебели, всю мебель делал сам отец, и помогали ему старшие сыновья, кроме, конечно, простых железных кроватей, венских стульев и пианино. Мебель была филёнчатая, лёгкая и разборная. В его кабинет, где он всё время работал, заходить не разрешалось никому, кроме моей матери, так как она у него была помощницей в работе,

Дом купца А.А. Сачкова
(Епархиальное управление, ул. Льва Толстого, 73)

Дом М.П. фон Брадке
(музей «Архитектура эпохи модерна в Симбирске»,
ул. Льва Толстого, 43)

Дом барона Х.Г. фон Штемпеля
(Музей современного изобразительного искусства,
ул. Льва Толстого, 51)

Здание Симбирского отделения Госбанка
(Театр кукол, ул. Гончарова, 10)

Фото Сергея Ойкина

И это всё – Шодэ!

т. е. чертёжником и советчиком. Уборку делал он сам с помощью моей матери, полы мыла домработница, но в присутствии матери, чтобы никто ничего не переложил на другое место, чтобы потом не искать».

На этой же улице – Покровской – с 1905-го по 1911 год по проектам А.А. Шодэ было выстроено четыре уникальных по своему архитектурному облику зданий. Это дом купца А.А. Сачкова, усадьба князя М.Н. Ухтомского, особняк барона фон Штемпеля, дом фон Брадке. Три из них объединяет общая черта: присутствие львов на фасадах – символа могущества и успеха, королевской власти и военной силы, храбрости, мудрости, стойкости и силы воли.

Красивейший особняк купца Сачкова, наверное, вызывает всеобщее восхищение. «Посмотрите только на эти водостоки, украшенные львами, – больше у нас таких зданий нет. Если его рассматривать, то там каждая деталь настолько интересна! Я уже не говорю о конструкции: взять хотя бы световой фонарь в крыше – приём аналогичен тому, что использовали при строительстве Дома-музея Гончарова, – восторгается Ольга Свешникова, зав. научно-исследовательским

отделом архитектурной мастерской «Симбирскпроект» и один из авторов книги о Шодэ. – Для его создания пришлось специально пробивать кровлю. А украшения окна – внутри и снаружи – заслуживают отдельного рассказа. Со стороны дворового фасада сооружена выходящая в сад терраса, на которую можно было попасть прямо из столовой и зала, что было особенно удобно в летнее время. Композиционной основой внутренней планировки дома стало лестничное пространство, освещённое изящным световым фонарём».

Признанной жемчужиной Августа Шодэ стал Дом-памятник И.А. Гончарову, возведённый в центре Симбирска на Венце. Собранные по Всероссийской подписке средства – более 100 000 рублей – было решено потратить на осуществление идеи А.А. Шодэ. Его проект был одобрен комиссией за оригинальность внешнего вида и рациональность планировки.

– В конце XIX – начале XX веков в России стало традицией сооружать дома-памятники в честь выдающихся литераторов. Так, в Уфе есть Аксаковский дом, в Самаре – Пушкинский дом. Перед тем как приступить к работе, Шодэ съездил в Саратов, чтобы посмотреть на Радищевский дом. В результате

у него получилось намного лучше. У нас в 1912–1915 годах был воздвигнут самый красивый дом-памятник отечественному литератору, – считает главный архивист Государственного архива Ульяновской области Антон Шабалкин. – В архиве хранится огромное количество чертежей Августа Шодэ. Среди них и проект дома-памятника И.А. Гончарову. Центр здания был задуман как триумфальная арка. По её краям была предусмотрена установка двух скульптурных групп. Идея так и не была осуществлена. Сейчас, когда в Ульяновске всё чаще поднимается вопрос об установке в городе триумфальной арки, можно и напомнить об этом неосуществлённом замысле Августа Августовича и предложить использовать его чертежи. Вряд ли современным архитекторам удастся придумать что-то лучше.

И Ольга Свешникова, и Антон Шабалкин единодушно считают: «Мы живём в городе, созданном Шодэ. Если убрать его здания, город обезличится».

Отношение к иностранцам – настороженное

Доподлинно известно, что господин Август Шодэ имел французский

паспорт № 984, выданный ему префектурой Парижа в 1904 году. И этот самый документ сильно мешал архитектору в России. Несмотря на то, что Шодэ большую часть своей жизни прожил в Российской империи, был выдающимся архитектором, активно участвовал в общественной жизни, он всегда чувствовал к себе настороженное отношение со стороны властей. Это проявилось и тогда, когда евангелическо-лютеранская генеральная консистория решила хлопотать о награждении Августа Августовича «за общепользную деятельность и особые труды». Шёл январь 1915 года, Первая мировая война была в самом разгаре. Симбирск уже украшала евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии, построенная по его проекту. Однако в департаменте духовных дел МВД России сильно сомневались в политической благонадёжности француза. И даже положительная характеристика зодчего из ведомства симбирского губернатора не помогла: «...проживающий в гор. Симбирске французский подданный Август Августович Шодэ в политическом отношении является лицом благонадёжным. Он отзывчив на все местные благотворительные начинания; нередко участвуя как строитель-художник в постройках общепользных учреждений, он всегда добросовестно и недорого оценивает свои услуги этим учреждениям. В минувшем году родной сын Шодэ поступил в ряды Русской армии, действующей против неприятеля; это обстоятельство говорит об отношении г. Шодэ к текущим военным событиям с лучшей стороны»...

Целый год длилась переписка между ведомствами. В результате наградить Шодэ орденом Святой Анны 3 степени отказались. Департамент духовных дел МВД выразил согласие отметить заслуги архитектора «лишь медалью в порядке постепенности». Получил ли

архитектор медаль – краеведам неизвестно. Между тем сын А.А. Шодэ, тоже Август, пропал без вести на фронтах Первой мировой. Приближались «окаянные дни». В Симбирске наступила власть Комуча, были проведены выборы в городскую думу. В Государственном архиве Ульяновской области сохранился последний документ, раскрывающий ещё одну страницу из жизни зодчего, – это заявление от гражданина Шодэ от 12 августа 1918 года на выборы гласным городской думы Симбирска.

Жить архитектору оставались считанные месяцы. Август Августович оставил семью, уехал в Самару вместе с другими симбирянами, бежавшими от большевиков. Среди выехавших был и другой выдающийся архитектор города Ф.О. Ливчак. Омск, в котором свирепствовал тиф, принял переселенцев холодно. Жизнь Августа Августовича окончилась трагически – брюшной тиф свёл его в могилу на чужой для него земле. Его похоронили на ныне не существующем солдатском кладбище. Перед смертью он очень жалел, что уехал из Симбирска. После потери кормильца семья Шодэ лишилась средств к существованию. Советская власть из квартиры на Покровской изъяла всё самое ценное, все накопления, книги. Вдове Шодэ Марии Петровне пришлось претерпеть немало мытарств, ведь на руках у неё остались трое мальчиков дошкольного возраста – Эрнест, Николай и Борис. Спустя десятилетия, в 1939 году, они осели в Пензе.

Дочь от первого брака Августа Августовича Лидия (в замужестве Никольская) перебралась в Куйбышев. Другая дочь Нина умерла от туберкулёза в 1920-е годы. Сын Георгий в Гражданскую войну воевал на стороне красных.

Он, по семейному преданию, и хоронил отца в Омске. Известны последние слова Августа Августовича Шодэ, записанные со слов Георгия: «Я ведь за всю жизнь никому зла не сделал...».

Замыслы воплощаются в жизнь

Ульяновские краеведы поддерживают связь с потомками архитектора от сыновей Георгия, Эрнеста и Николая. В год 150-летия А.А. Шодэ в августе 2014 года в Ульяновск приезжали три внучки, два правнука и один праправнук архитектора. В областном кукольном театре, в здании, построенном по проекту их предка, в торжественной обстановке им был передан диплом: Август Августович Шодэ посмертно стал почётным гражданином Ульяновска.

Внучка Шодэ доктор химических наук Лидия Георгиевна, москвичка, последняя из всей семьи носящая фамилию деда, была глубоко тронута тем, что в нашем городе помнят об Августе Шодэ!

Фото Владимира Ламзина

Внучка А.А. Шодэ Л.Г. Шодэ с сыном Александром Зисманом. Ульяновск, 2014

Среди пока ещё не осуществлённых задумок краеведов – издание альбома проектов зданий, разработанных архитектором, издание альбома фотографий, присланных на конкурс «Шодэ-позитив», установка мемориальной доски на доме, в котором жила семья зодчего, дальнейший розыск документальной информации, касающейся личности А.А. Шодэ и много чего ещё. Главное – найти заинтересованных спонсоров.

Редакция благодарит Наталью Зубкову, заведующую музейным комплексом «Градостроительство и архитектура Симбирска-Ульяновска», за помощь в подготовке статьи

На конкурс «Шодэ-позитив» поступило сотни работ

Фото Павла Шалагина

Авторы о «Мономахе»

Долгих лет жизни честному, доброму и красивому журналу «Мономах». Издание стало визиткой, представляющей наш край в России. На его страницах прошлое и настоящее протягивают друг другу руки и обращают взоры в будущее. Журнал помогает нам ощутить себя наследниками великой культуры и духовных традиций и в то же время знакомит нас с рождением новых событий и форм, с деятельностью творческих людей. Хочется выразить редакции сердечную благодарность за позитивное направление журнала.

Антонина Лобкарёва

Антонина Васильевна Лобкарёва – научный сотрудник Историко-мемориального центра–музея И.А. Гончарова, продолжительное время возглавляла музей И.А. Гончарова. Она досконально знает биографию и творчество выдающегося нашего земляка, глубоко изучила биографии знаменитых симбирян, чья жизнь так или иначе связана с Иваном Гончаровым, и с неустанным усердием продвигает дорогое для нас имя через различные научные издания, а также через журнал «Мономах».

Суперанские и Симбирск

В ноябре 2014 года исполняется 150 лет со дня рождения Михаила Фёдоровича Суперанского – яркого представителя русской интеллигенции. Разносторонне образованный, он одновременно выступал как квалифицированный финансист и как литературовед, критик-публицист и социолог. В краткой автобиографии, составленной в 1917 году, Суперанский так писал о себе в третьем лице: «Родился 1 ноября 1864 г. в с. Ладве Олонецкой губернии. Окончил курс Петроградской духовной академии в 1889 г. по словесному отделению. В академии больше всего занимался историей русской литературы; но много также читал по политической экономии и социологии, под влиянием писателей так называемой “русской социологической школы”...». Со студенческих лет и в течение почти всей жизни М.Ф. Суперанский сотрудничал с известными российскими изданиями, в которых публиковал статьи, касающиеся вопросов воспитания, истории литературы и социологии.

М.Ф. Суперанский

Имя М.Ф. Суперанского неразрывно связано с нашим краем. В той же автобиографии он отмечал: «С 1892 г. по 1916 г. служил в Симбирской губернии по Министерству финансов: сначала в Крестьянском банке, затем податным инспектором и, наконец, начальником отделения Казённой палаты. Занимая должность податного инспектора, в 1907–1910 гг. состоял преподавателем истории русской литературы в Мариинской женской гимназии». В Симбирск Михаил Фёдорович приехал с молодой женой Александрой Григорьевной (Садовниковой). В семье росло трое детей, супруги купили небольшой, но вместительный дом на Стрелецкой улице.

Рабочий день чиновника в то время заканчивался в 16 часов. Михаил Фёдорович понял, что в свободное время можно многое сделать. Каждые два года он брал двойной отпуск, чтобы поработать в Москве и Петербурге в архивах, выступить с докладами в учёных обществах. М.Ф. Суперанский стал активным членом Учительского взаимно-благотворительного общества, Губернской учёной архивной комиссии, общества Дома трудолюбия. Вдохновлённые педагогическими идеями К.Д. Ушинского, супруги Суперанские считали народное образование залогом построения будущего справедливого общества. Оба они в течение нескольких лет преподавали литературу:

Михаил Фёдорович – в женской гимназии, Александра Григорьевна – в реальном училище.

Но главным делом своей жизни Михаил Фёдорович считал работу по созданию научной биографии И.А. Гончарова. Он приехал в Симбирск вскоре после кончины Ивана Александровича Гончарова, когда ещё были живы люди, знавшие писателя, и почти не изменились места, в которых он бывал. Суперанский решил заняться научной биографией писателя. Во время отпусков он работал в архивах, встречался со столочными литературоведами, докладывал на их собраниях о своих находках, публиковал материалы для биографии И.А. Гончарова в столичных журналах.

Суперанский познакомился со всеми родственниками и друзьями Гончарова, попросил каждого написать подробные воспоминания о писателе. Исследователь стоял у истоков формирования коллекции гончаровских реликвий на родине автора «Обломова», был активным организатором в Симбирске торжеств, посвящённых 100-летию юбилею И.А. Гончарова.

Под стать мужу была и Александра Григорьевна. Как только подросли дети, она активно включилась в общественную жизнь симбирской интеллигенции. Хорошее образование позволило ей приносить пользу людям, особенно в области педагогики и воспитания детей. Вместе с симбирской интеллигенцией, главным образом, учителями и их семьями, Александра Григорьевна участвовала в создании семейно-педагогического кружка, в задачи которого входила разумная организация досуга детей, а также работа с родителями. В кружке регулярно проводились собрания, на которых слушались и обсуждались доклады по вопросам нравственного воспитания, по педагогике, литературе, истории, а также посвящённые памяти известных деятелей культуры. Но самой важной считалась внеклассная работа с детьми. Члены кружка были убеждены, что дети должны как можно больше читать, и первое, что они сделали, – организовали детскую библиотеку. Выписывались детские и взрослые журналы, покупались недорогие издания. Некоторые писатели посылали им свои книги.

С первых лет существования кружка в нём сложилось несколько секций по интересам. Девочек учили шить и вышивать, мальчиков – столярным и переплётным работам, что было очень важно для библиотеки. Руководить этими занятиями приглашали мастеровых. По воскресеньям желающие занимались с художником рисованием. Во время летних каникул в городском Николаевском саду устраивалась площадка для игр, куда могли ежедневно приходить дети из любых семей. Руководили играми со стороны кружка жёны учителей. Раз или два в течение лета организовывались пароходные экскурсии за Волгу. Кроме того, практиковались пешеходные экскурсии по близлежащим местам.

Все мероприятия, проводившиеся кружком, нуждались в финансировании, и на Александре Григорьевне лежала обязанность добывать деньги. С подписным листом она обходила казённые учреждения и частных лиц. Многие удавалось осуществлять

без денег. Когда намечалась экскурсия, кто-нибудь из купцов давал ящик пряников, другой – корзину булок, третий – ещё что-нибудь съедобное. С собой брали самовар и устраивали чаепитие на свежем воздухе. Зимой в Николаевском саду заливали каток. Воду для катка городская дума отпускала бесплатно, Александра Григорьевна шла к пожарным, и они заливали каток.

А.Г. и М.Ф. Суперанские

На Рождество устраивалась ёлка с подарками. Нуждающиеся дети получали кто валенки, кто шапку или рукавицы. Александра Григорьевна заранее узнавала, что и какого размера требуется для каждого ребёнка. Иногда подаренную ребёнку вещь приходилось обменивать на большую, с доплатой. А.Г. Суперанская ежегодно составляла отчёты о работе кружка, они печатались в Симбирской типографии.

В 1915 году Михаил Фёдорович Суперанский был переведён по службе в Петроград и занял должность ревизора Департамента окладных сборов. Поскольку немцы приближались к Петрограду, Александра Григорьевна с детьми осталась в Симбирске ещё на год. Только летом 1916 года Суперанские уехали в Петроград. Симбиряне устроили Александре Григорьевне торжественное прощание, вручили адрес, просили не забывать. Она и не забывала лучшие годы своей жизни, проведённые в Симбирске.

В связи с напряжённым положением в стране М.Ф. Суперанский вынужден был работать исключительно в области финансов. После Октябрьской революции вместе с наркомфином Михаил Фёдорович переехал в Москву. Он делал всё от него зависящее для стабилизации финансовой системы в стране: читал лекции, разрабатывал инструкции, пособия. Андре Мазон, французский исследователь творчества И.А. Гончарова, так охарактеризовал эту сторону деятельности Суперанского: «Он [...] с колоссальной энергией отдавался изучению и организации финансовой

системы, денежного обращения и экономики Новой России, которая тогда только начинала строиться. И ему как организатору экономики следует отдать такую же дань уважения, как и ему – литературному критику».

М.Ф. Суперанский мечтал, что, выйдя на пенсию, займётся главным делом своей жизни – научной биографией И.А. Гончарова. К сожалению, Михаил Фёдорович не успел завершить работу. Он умер в 1930 году, вскоре после выхода на пенсию. Его рукописи, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства, не утратили научного значения и сегодня. Своей активной исследовательской и собирательской деятельностью М.Ф. Суперанский создал серьёзную научную базу в гончароведении, которой до сих пор пользуются учёные. Вспоминания встречи с Суперанским, Андре Мазон писал в 1964 году внучке Михаила Фёдоровича: «Мой многоуважаемый друг Михаил Фёдорович Суперанский был самым понимающим, самым ясно-видящим и самым справедливым критиком трудов И.А. Гончарова».

Память о счастливых годах, проведённых в Симбирске, живёт в семье Суперанских по сей день. Александра Григорьевна хранила экземпляры отчётов о работе семейно-педагогического кружка. Это помогло ей получить пенсию: работа в кружке была засчитана как трудовой стаж. Она начала писать воспоминания о Симбирске, которые, к сожалению, прервались на 1902 году. Её дочь Юлия Михайловна сохранила тоненькую тетрадь с воспоминаниями матери и передала её в музей И.А. Гончарова. Юлия уехала из Симбирска, когда ей было 15 лет, она многое помнила о событиях и жителях города и вела переписку с ульяновскими краеведами. С.Л. Сытин пользовался её воспоминаниями в работе над статьёй «Как жили симбиряне?».

Дочь Юлии Михайловны Александра Васильевна Суперанская – известный учёный, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, член Международного ономастического комитета, Ономастической и Терминологической комиссий Международного комитета славистов. Она несколько раз приезжала в Ульяновск и выступала на конференциях с докладами о деятельности А.Г. и М.Ф. Суперанских и передала в фонды музея И.А. Гончарова и фонды музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» документы и фотографии из семейного архива.

Авторы о «Мономахе»

«Мономах» – мой любимый журнал. Сначала я с интересом его читал, а потом стал публиковать свои краеведческие статьи и заметки. За 20 лет журнал открыл читателям огромный пласт истории нашего края, и это очень важно. Мы не сможем сохранить и отстоять свои идеалы, если потеряем ощущение постоянной связи с ушедшими поколениями. Меня всегда интересовала история родного края, родного Карсуна. Мне удалось проследить родословные Чердынцевых, Лукьянчиковых, Кожевниковых, Борисовых, Сабо, Косогорских, Зефировых и других замечательных земляков и показать, какой след оставили они в истории региона. В этом помогает мне «Мономах». Уже много лет радуется журнал своих читателей краеведческими открытиями, и всё это ложится в копилку истории нашего замечательного Симбирского Ульяновского края.

Валерий Вольтинцев

Валерий Алексеевич Вольтинцев – краевед, коллекционер, почётный гражданин Карсуна и Карсунского района. В его собрании – несколько тысяч открыток с видами Симбирска, губернии и Карсуна. В.А. Вольтинцев – автор книг «Старый Симбирск в открытках», «История Карсуна в событиях и в лицах», «Династия Зефировых в истории Карсуна». Много лет Валерий Алексеевич сотрудничает с журналом «Мономах», пишет исторические очерки, предоставляет иллюстративные материалы.

Карсунские Зефировы

Мы уже рассказывали об известной в Симбирской губернии династии священников Зефировых, и теперь хочется освежить в памяти читателей биографии достойных представителей Карсунского духовенства.

Родоначальниками рода Зефировых почти три века тому назад можно считать Михаила и Никиту Зефировых. Сыном Михаила Зефирова был Артемий, диакон села Популева. У Артемия Михайловича и его жены Матрёны Андреевны родились три дочери и два сына – Филипп и Андрей. Среди представителей этой династии было немало известных людей, но мы остановимся на родословной ветви Филиппа Артемьевича Зефирова (1818–1889). Осенью 2010 года на старом кладбище Карсуна был установлен памятный крест его сыновьям – Степану Филипповичу (1851–1937) и Николаю Филипповичу (1866–1931) Зефировым, которые более трёх десятилетий служили в карсунских приходах. О них и пойдёт речь в этой статье.

Филипп Зефиров

Ф.А. Зефиров после окончания Алатырского духовного училища и Симбирской духовной семинарии прошёл курс обучения в Земледельческом училище недалеко от Петербурга. Содержание было за казённый счёт стипендиатов «Земледельческой школы» – это обязывало выходцев училища содействовать распространению рациональных приёмов сельскохозяйственной культуры среди крестьянского населения.

После обучения Филипп Артемьевич был назначен священником и проходил службу в сёлах Лунга и Чеботаевка Буинского уезда, а 9 мая 1876 был перемещён в село Кувай Алатырского уезда и утверждён в должности законоучителя в местной сельской школе.

Село Кувай (сейчас Сурский район) располагалось среди глухих лесов, где

когда-то было явлено чудо – из земли забил родник и в нём – икона Тихвинской Божией Матери. Святой ключ стал местом массового паломничества.

У Филиппа Артемьевича и матушки Марии Александровны родились сыновья Николай, Степан, Евлампий и Лев, а также дочери Варвара, Анна и Ольга. В 1871 году Мария Александровна умерла, и отец Филипп один воспитывал детей. Жили бедно, порой очень бедствовали, но всем детям отец дал хорошее образование.

В 1889 году Филипп Артемьевич умер, и приход принял его сын Степан Филиппович Зефиров.

Степан Филиппович Зефиров

Степан Зефиров родился в 1851 году в селе Лунге Ардатовского уезда. По окончании курса богословских наук

Филипп Зефирова

Степан Филиппович Зефирова,
протоиерей Крестовоздвиженского
храма в КарсунеМария Александровна Зефирова,
супруга Степана ФилипповичаМария Степановна Зефирова
с племянниками
Борисом, Ниной и РаисойЛев
Филиппович
ЗефироваОльга Филипповна
Зефирова-
Козмодемьянская

в Симбирской духовной семинарии по I-му разряду был утверждён в должности учителя географии и арифметики Алатырского духовного училища, а с 1881 года исправлял должность помощника смотрителя. 10 февраля 1889 года был рукоположен в священники и после смерти отца начал службу в церкви села Кувай. Здесь он прослужил четыре года и оставил о себе добрую память своим истовым благолепным богослужением и яркими проповедями, ввёл общее пение.

29 мая 1893 года отец Степан был направлен в Карсунский уезд протоиереем Крестовоздвиженского собора и назначен председателем Карсунского отделения и благочинным 1-го округа Карсунского уезда. В 1901 году он обратился к духовенству Карсунского уезда «открыть в Карсуне при отделении Братства запись книги»,

чтобы священники организовали обмен книг и по возможности открывали библиотеки-читальни.

В 1908 году Степана Филипповича утвердили в звании члена Попечительского совета при Карсунском четырёхклассном городском училище, а с открытием в Карсуне реального училища он стал законоучителем. Много лет (с 1891-го по 1915 год) он и председательствовал на епархиальных съездах депутатов от духовенства и церковных старост Симбирской епархии. Имел все церковные награды, также был награждён тремя правительственными орденами.

В первые годы Советской власти Степан Филиппович продолжал священнослужение, но после смерти жены в 1921 году и сына Сергея в 1922 году ушёл за штат. Он не пострадал от большевистской власти и даже получал пенсию – за сыновей Михаила и Александра: первый погиб как революционер, другой – в Гражданскую войну как большевик.

Дети Степана Зефирова

Семья Степана Филипповича проживала в двухэтажном каменном доме (он и поныне стоит на Московской улице Карсуна). Все дети были очень способные к учению, занимались музыкой, пением, декламацией, получили хорошее образование.

Старшая дочь Мария Степановна родилась в 1880 году в Алатыре. После окончания Симбирского епархиального женского училища вышла замуж

за учителя Бекетовской школы (сейчас Вешкаймского района) Сергея Николаевича Анненкова. Позднее, с 1905 года, он работал помощником бухгалтера Симбирского отделения государственного банка, а с 1917 года стал видным сотрудником Центросоюза в Москве.

Мария Зефирова-Анненкова рано умерла, её дочь Надежду воспитывали протоиерей Степан Зефирова с женой. Надежда окончила Карсунскую женскую гимназию и после Октябрьской революции уехала к отцу Сергею Анненкову, в дальнейшем стала актрисой Московского театра.

Старший сын Сергей Степанович родился в Алатыре в 1883 году. Окончил Симбирское духовное училище и духовную семинарию. В 1906 году поступил в Казанский университет на юридический факультет. По его окончании приехал в Карсун, а затем выехал в Симбирск, поступив на должность помощника присяжного поверенного при управлении Камо-Бугульминской железной дороги. Женится на вдове удельного чиновника Екатерине Васильевне Дмитриевой.

В дальнейшем безвыездно проживал у отца – протоиерея С.Ф. Зефирова в Карсуне. Умерла жена, и перед революцией Сергей Зефирова вторично женился на Татьяне Сергеевне Толстой. У них был сын Юрий Зефирова, единственный оставшийся в живых наследник рода Зефирова по мужской линии. В настоящее время следы его проживания затерялись.

Другой сын Михаил Степанович родился в 1884 году в Алатыре. Обучался

в Симбирском духовном училище, а затем – в Симбирской духовной семинарии. В мае 1904 года Михаил Зефиров окончил гимназию и был принят в число студентов Казанского университета на физико-математический факультет. На каникулы приезжал в Карсун. Состоял в группе социал-революционеров в Казани. 21 сентября 1906 года Михаил Зефиров бросил метательный снаряд в Симбирского губернатора – генерал-майора Старынкевича – и смертельно его ранил, но сумел скрыться в Казань. В октябре этого же года при изготовлении бомбы он погиб.

Михаил Степанович Зефиров, студент Казанского университета. Виновник гибели Симбирского губернатора Старынкевича. Погиб в Казани при взрыве бомбы в доме Баутина, где была лаборатория революционеров. Фото 1906 года

Николай Степанович родился в 1887 году в Алатыре. Окончил Симбирскую классическую мужскую гимназию и в 1906 году был зачислен студентом в С.-Петербургский политехнический институт. После окончания института его государственная служба и политическая деятельность проходили успешно. Он в совершенстве знал английский язык, ездил в Англию, жил долгое время в Шанхае. Женился на красавице Лидии Сергеевне, имел дочь Елену. Ему прочили блестящее будущее. Началась революция, во время Гражданской войны он оказался в Сибири, где вошёл в состав Сибирского правительства в качестве министра продовольствия. После создания Дальневосточной республики работал в управлении КВЖД, но в дальнейшем по делу КВЖД был сослан в Соловецкие лагеря, где в 1930-е годы погиб от голода. Его дочь, вероятнее всего, осталась в Китае.

Анна Степановна родилась в 1891 году, а в 1909 году окончила Симбирское епархиальное женское училище и стала учительницей в казачьей половине

Карсуна, была участницей молодёжного театрального кружка. Вышла замуж за учителя Николая Ивановича Казбека, у них родился сын Михаил. Последнее время проживали в Сызранском районе Самарской области. Связь с ними прервалась.

Ольга Степановна родилась в 1894 году в Карсуне, обучалась в Карсунской женской гимназии и на высших женских курсах, после 1917 года работала бухгалтером. Первый раз вышла замуж за офицера Анатолия Аполлоновича Никольского, который в 1918 году был по ошибке расстрелян. В браке с Никольским родилась дочь Ия. Второй раз Ольга вышла замуж за А.И. Пищулина, который работал в разных конторах. Всю жизнь она прожила в Карсуне на улице Горького, в доме Подгорнова. Сейчас здесь проживает правнучка протоиерея С.Ф. Зефирова – Евгения Михайловна Муреева.

Константин Степанович родился в 1895 году, а Александр Степанович – в 1897 году, оба брата окончили Симбирскую мужскую гимназию с золотой медалью. Продолжали учение, один – в Казанском университете, другой – в Московском политехническом институте. В Первую мировую войну были офицерами, участвовали в боях с немцами. После революции 1917 года вернулись в родительский дом в Карсун. В качестве актёров выступали в театральной труппе в Карсунском народном доме.

Надя Анненкова (дочь Марии Степановны и Сергея Анненкова) и Юра Зефирова, сын Сергея Степановича. 1913

С началом Гражданской войны Александр воевал за красных, защищал новую Россию, Константин воевал за белых. Оба в 1919 году погибли.

Елена Степановна Зефирова родилась в 1899 году в Карсуне. Окончив женское приходское училище, поступила в Карсунскую женскую гимназию, которую окончила в начале Первой мировой войны. Как и братья, она выступала в Карсунском народном театре и мечтала стать артисткой. Елена уехала в Москву, после в Ярославль, где играла в драматическом театре.

Последняя из детей Степана Филипповича – Надежда Зефирова – родилась и выросла в Карсуне. Работала секретарём-машинисткой в разных конторах Ульяновской области. Последние годы жила в Кинешме вместе с сестрой Еленой.

В целом судьба детей Степана Филипповича Зефирова сложилась трагично – такова была эпоха революционных перемен.

Николай Филиппович Зефиров

После ухода за штат Степан Филиппович передал руководство Благочинным советом своему брату протоиерею Николаю Зефирову.

Николай Филиппович Зефиров родился в селе Лунга в 1867 году. Начальное образование получил в Чеботаевском сельском училище, затем учился в Алатырском духовном училище. Курс богословских наук в Симбирской духовной семинарии прошёл с отличием, и в 1887 году был рукоположен во диаконы, приписан к Николаевской церкви села Чилим Буинского уезда.

15 июля 1888 года рукоположен во священники к Казанской церкви села Жаренок Ардатовского уезда. В ноябре 1900 года назначен священником в с. Малое Станичное Карсунского уезда, а уже через год – настоятелем Михайло-Архангельской церкви в Карсуне. Семья переехала в уездный город. При Архангельской церкви был организован церковный хор и создано общество трезвости с библиотекой.

В церкви Михаила Архангела отец Николай прослужил тридцать лет. В начале века он занимался преподавательской деятельностью в Глазовской приходской школе, в высшем начальном училище обучал Закону Божьему. В Первую империалистическую войну стал священником в военном запасном полку, который стоял в Карсуне. В 1916 году Николая Филипповича возвели в сан протоиерея.

Он получил много наград от Симбирской епархии. С 1925-го по 1929 год был благочинным Карсунского уезда. В 1927 году его награждают высшей наградой православной церкви – митрой. В 1929 году отца Николая направили на епископскую кафедру в Белгород, но из-за болезни он возвратился в Карсун. В своём храме Михаила Архангела Н.Ф. Зефирова служил до самой смерти в марте 1931 года.

Масса народа шла до кладбища пешком. Гроб несли на руках. Похоронили его рядом с сыном Борисом, умершим в 1909 году (он учился в Симбирской духовной семинарии).

Дочери Николая Филипповича

Старшая его дочь Нина Николаевна, 1895 года рождения, окончила в 1913 году Карсунскую женскую гимназию и поступила в Казанскую художественную школу. После революционных событий 1917 года вынуждена была приехать в Карсун. В 1923–1926 годах Нина обучалась в Ленинградском художественно-промышленном техникуме (ныне училище им. В. Мухоминой). Она была очень талантлива,

Нина Николаевна Зефирова.
26 мая 1915 года

академик В.А. Шуко хвалил её работы. Когда училась, сильно голодала. Здоровье ухудшалось, и Нина вернулась в родительский дом в Карсун, получив специализацию «художник-техник по скульптуре». Стала преподавать в Карсунской средней школе, вела уроки пения. Особым увлечением Нины Николаевны была музыка. Она хорошо играла на пианино, сочиняла стихи.

Младшая дочь Николая Зефирова Раиса родилась в 1897 году в селе Шамкино, выросла в Карсуне. Окончила Карсунскую женскую гимназию с углублённым изучением русского языка и литературы. Обучалась на курсах

французского языка в Москве, из-за вспыхнувшей революции вернулась в Карсун. Здесь она вышла замуж за Николая Николаевича Кудрявцева, в дальнейшем известного педагога пения и музыки в школах Ульяновска, исполнителя романсов в театре.

14-летняя Раиса Зефирова,
ученица Карсунской женской
гимназии. Карсун, 1912

У стенда с фотографиями рода Зефировых: Любовь Николаевна (дочь Раисы Николаевны Зефировой) и её дочь Татьяна. Карсунский художественно-краеведческий музей. Сентябрь 2008 года

Вот что пишет в своих воспоминаниях их дочь Люба: «В 1919–1920 годах мои родители Раиса и Николай Кудрявцевы преподавали в Карсунской музыкальной школе. Мама играла на пианино, отец – на скрипке. Часто выступали в те годы в Карсунском народном доме и в других местах. Отец пел тенором, мама любила играть пьесы. Когда, например, она играла при открытых окнах «Бурю на Волге», проходящие мимо любители музыки аплодировали, просили исполнить на бис. А когда в бывшей городской управе открылся кинотеатр, Раиса Николаевна сопровождала игрой на пианино немые кинофильмы – работала тапёром».

После развода с мужем Раиса уехала в Ленинград, где обучилась бухгалтерскому делу и в дальнейшем работала в бухгалтериях разных учреждений. Дочь Любаша осталась с бабушкой.

Незадолго до смерти отца вернулась в Карсун, а затем уехала в Сызрань. В 1979 году с дочерью Любой и внучкой Таней уехала в Выборг и там в 1980 году умерла.

Её дочь Люба вспоминала: «Из-за лишения (как дочери священника) мама завербовалась на работу в Северный край. Я проживала с бабушкой, бабушкой и с няней Катей. После смерти бабушки в 1931 году мы все уехали в Сызрань. Мама устроилась на работу там довольно легко, но оклад был небольшой. И она шила на продажу мягкие игрушки, руководствуясь выкройками из книги «Игрушки своими руками». Сидела ночи напролёт, особенно когда я училась в институте. В годы войны много вязала береток, тюбетеек, кофт, кружев. Все мы увлекались вышивкой и вязанием крючком накидок. В годы невзгод, нужды навыки, приобретённые ещё в гимназии, одарённость сестёр помогали им не только выживать, но и творить для души. Перед войной мама завербовалась на строительство «Свирь-строй».

В это время она писала свою поэму «Жизнь в стихах», посвящая её мне, дочери, последней веточке Зефировского дерева, как она меня называла».

В настоящее время внучка Николая Филипповича Зефирова – Любовь Николаевна Кудрявцева – проживает в Выборге (ей 93 года) вместе с дочерью Татьяной. В 1999 году она приезжала в Ульяновск, посетила Карсун и кладбище. Постояла у родного дома, где жили предки (улица Маяковского, 6), украдкой смахнула слёзы. В сентябре 2008 года Любовь Николаевна и Татьяна снова посетили Карсун, Сызрань, Ульяновск.

6 октября 2010 года на средства родных Зефировых на городском старом кладбище Карсуна, недалеко от входа, был установлен памятный крест достойным священнослужителям Степану Филипповичу и Николаю Филипповичу Зефировым.

Фото из личной коллекции
Валерия Волынцева

Сергей Борисович Петров – кандидат философских наук, доцент УлГУ. Он всегда на острие жизни, важных культурных событий и проектов, которые сам же часто инициирует. Как человека неравнодушного и принципиального, его хорошо знают и уважают жители Ульяновской области – в него верят. Сергей Борисович сотрудничает с «Мономахом» с начала его основания и внёс неоценимый вклад в популяризацию журнала в нашем регионе и далеко за его пределами, включая дальнейшее зарубежье. Темы его исследований всегда неожиданны и интересны.

Авторы о «Мономахе»

«Мономаху» – 20 лет!

Сотрудничаю с «Мономахом» 20 лет без перерыва с первого номера. Горжусь этим, считаю себя обязанным журнал пропагандировать, защищать от нападок, зазывать в нем печататься самых разных людей. Большая радость, когда после публикации материала отзываются люди с другого конца земли и сообщают ранее неизвестное о нашем крае и его знаменитых и незначительных людях.

Сергей Петров

Жители современного Волгограда с благодарностью вспоминают имена всех, кто возродил и благоустроил их родной город после войны. Среди них есть и ульяновцы – Василий Николаевич Симбирцев и Вадим Ефимович Масляев, главные архитекторы Сталинграда-Волгограда, народные архитекторы СССР.

Они возрождали город-герой

Василий Симбирцев родился в Петербурге 14 января 1901 года в семье кронштадтских мещан. Его отец Николай Григорьевич окончил питерское ремесленное училище, несколько лет работал мастером на Путиловском судостроительном заводе. Мать, Юлия Ивановна, урождённая Шиповская, родилась в Великом Новгороде. Через два года после рождения сына семья переехала из столицы в Симбирск, где Н.Г. Симбирцев был принят на должность заведующего художественными мастерскими ремесленного училища, жена его, швея, получила в училище место кастелянши. В 1904 году отец Василия погиб

на охоте от несчастного случая, а мать устроилась продавщицей в казённую винную лавку. Бедная вдова, не получившая образования, Юлия Ивановна старалась сделать всё возможное для обучения сына. Вначале он окончил третье мужское начальное училище, и в августе 1910 года был принят в подготовительный класс Симбирской мужской гимназии, в которой успешно учился до её закрытия в 1918 году, переходя из класса в класс с наградами 1 и 2 степеней. Причём со второго полугодия 1912/13 учебного года был освобождён от платы за обучение по бедности. Сохранился текст обращения матери Василия в педсовет гимназии

с просьбой обучать сына древнегреческому языку, ставшему с 1905 года необязательным предметом. В 1918 году после закрытия гимназии Симбирцев находился в армии сторонников Учредительного собрания, затем – в армии Колчака. В боях участия не принимал. Был санитаром в поезде, затем каптенармусом по вещевой части. В 1919 году заболел сыпным тифом, с апреля по август пробыл в лазарете. В ноябре 1919 года санитарный поезд, где служил будущий архитектор, был перехвачен красными под Новосибирском и включён в состав Красной армии. В нём санитар Симбирцев прослужил до его расформирования в 1921 году.

В 1922 году Василий вернулся в Симбирск и завершил среднее образование в 7 классе 2-й школы им. Ленина. Служба по медицинской части позволила ему получить поддержку от Московского военно-санитарного управления, направившего юношу в 1922 году на испытательно-подготовительное отделение Московского высшего художественно-технического училища (ВХУТЕМАС), где Симбирцев обучался на живописном факультете, затем перешёл на архитектурный. Здесь он обучался под руководством профессоров Н.А. Ладовского, Н.В. Докучаева, В.Ф. Кринского и А.А. Веснина.

Василий
Николаевич
Симбирцев

В 1925 году Василий Симбирцев в группе студентов при содействии наркома просвещения А.В. Луначарского был командирован в Париж на международную выставку декоративных искусств.

В 1928 году он успешно защитил диплом на тему «Дворец Советов в Москве».

Самой известной его работой в столице стало здание театра Красной армии, вступившее в строй в 1940 году.

В начале 1940-х годов Симбирцев служил главным архитектором Военпроекта Московского военного округа, затем в Главном управлении аэродромного строительства НКВД.

В 1943 году его направили в Казань на должность главного архитектора жилищного строительства группы авиационных заводов ГИПРОАВИАПРОМа.

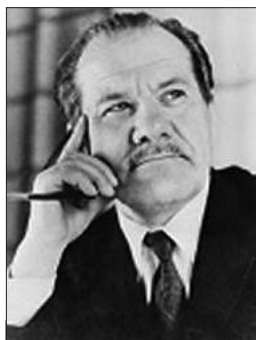
В 1944 году Василий Николаевич становится главным архитектором испепелённого войной героического Сталинграда, разрабатывает, утверждает и воплощает в жизнь грандиозные планы возрождения города.

К 1 сентября 1955 года в послужном списке Симбирцева значилось свыше 100 оригинальных проектов. С коллегами он разработал центральный ансамбль Сталинграда, железнодорожный вокзал, план застройки главного проспекта и нескольких улиц, здания

вузов, техникумов, планетарий, набережную Волги с центральной лестницей, множество других объектов. Особое место в его творчестве занимает разработка проекта мемориала на Мамаевом кургане. В 1975 году за выдающиеся заслуги В.Н. Симбирцеву было присвоено звание народного архитектора СССР. Скончался мастер архитектуры в Москве 19 октября 1982 года.

В 1945 году Комитет по делам архитектуры СССР направил в Сталинград демобилизованного инженер-майора Вадима Ефимовича Масляева. Он родился 14 апреля 1914 года в селе Паньшино Сызранского уезда (ныне Радищевского района Ульяновской области). Здесь окончил среднюю школу, вступил в колхоз, возглавлял комсомольскую ячейку села.

В 1930 году по направлению Райкомхозсоюза поступил в Московский архитектурный институт на факультет промышленных сооружений. Ещё студентом начал работать в «Сельхозстройпроекте» при Наркомземе СССР, принимал участие в проектировании Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ныне ВДНХ). В 1936 году после окончания вуза был направлен на работу в Казахстан, где в 1939 году стал главным архитектором Алма-Аты. В августе 1941 года Вадим Масляев был мобилизован и после обучения на академических курсах в Военно-инженерной

Вадим
Ефимович
Масляев

академии имени Куйбышева направлен в действующую армию. Воевал с декабря 1942 года до последних дней войны в составе 62-й инженерной сапёрной бригады Юго-Западного, 3-го и 1-го Украинских фронтов, форсировал Днепр, Южный Буг, Дунай. Войну завершил в Вене. За отличия в боях был удостоен многих наград, в том числе ордена Ленина.

Прибыв под начало В.Н. Симбирцева, Вадим Масляев возглавил Сталинградскую архитектурно-планировочную мастерскую, преобразованную вскоре в «Сталинградгорпроект». Первой реализованной работой архитектора здесь стал дом с башней на пересечении центральных улиц – Ленина и Коммунистической.

Подводя итог работы нашего земляка за 10 лет, В.Н. Симбирцев написал 20 июня 1956 года: «Архитектор Масляев Вадим Ефимович работает в Сталинграде с 1946 года управляющим крупнейшей и ведущей проектной организации города – «Сталинградгорпроект». Одновременно он ведёт большую творческую работу: по его проектам построен 5-7-этажный дом на улице Ленина, строится здание Сталинградского педагогического института, заканчивается здание Дворца труда. Он активно участвует в архитектурных конкурсах. Имеет широкую подготовку и знания по инженерно-строительному делу и обладает талантом популяризатора».

В 1957 году Масляев назначается главным архитектором города и занимает эту должность до 1984 года. Вершиной его совместного с коллегами творчества стало здание музея-панорамы «Сталинградская битва». В 1976 году Вадим Ефимович был удостоен звания народного архитектора СССР. Скончался наш земляк в Волгограде 15 июня 1988 года.

Открытие музея-панорамы
«Сталинградская битва»

Авторы о «Мономахе»

«Мономаху» – 20 лет!

Меня всегда интересовала история родного края. В 1967 году в газете «Знамя Ильича» Кузоватовского района (теперь она называется «Кузоватовские вести») была впервые опубликована моя краеведческая статья. С тех пор написано и опубликовано в разных изданиях много. Особенно я люблю наш краеведческий журнал «Мономах», умный и интеллигентный. Храню все его номера, начиная с первого.

Константин Новеньков

Константин Иванович Новеньков – учитель истории и краеведения, ныне пенсионер. Много и внимательно работает в архивах, часто находит сведения, не совпадающие с общепринятой точкой зрения, и отстаивает свой взгляд на тему. Ульяновцы знают Константина Ивановича благодаря выступлениям по радио, публикациям в журнале «Мономах» и других региональных изданиях.

Родоначальник династии фотографов Алексей Кубарев

Алексей Евсеевич Кубарев родился в 1879 году неподалёку от губернского Симбирска в деревне Кувшиновка. В начале XX века семья переехала в Симбирск. Об этом говорится в одном из архивных документов, обнаруженных недавно в госархиве Ульяновской области: «Крестьянин деревни Кувшиновки Ключищенской волости Симбирского уезда Евсей Дмитриевич Кубарев живёт в городе Симбирске 1 части по Малой Конной улице в своём доме № 7». Здесь и рос его сын Алексей.

В Симбирске жил и родной брат Евсея Дмитриевича Михаил, ушедший из жизни в 1909 году, в возрасте 58 лет. Об этом стало известно из иска, направленного в суд Евсеем Дмитриевичем о приостановлении утверждения духовного завешания брата, оставившем всё имущество жене Анне Семёновне Кубаревой. Утверждение завешания было приостановлено, и чем закончилось дело по наследству о трёх домах и земле под ними, неизвестно.

В 12 лет Алексей Кубарев начал работать подмастерьем в фотографии Бика, открытой в 1878 году в доме аптекаря Фёдора Ивановича Рунне, расположенном на северо-восточном углу улиц Большой Саратовской и Московской. Мещанин из Вильно Венцель Рубинович Бик по своему основному роду занятий был часовщиком, но в Симбирске с 1880 года он известен как фотограф Борис Романович Бик (такое имя он взял после принятия православия). Через год в его фотографическом заведении трудились уже двое рабочих и два подмастерья. Если считать, что Алексей Кубарев пришёл работать к Бик в 1891 году, то в 1912 году, ко времени

открытия собственной фотографии на Гончаровской улице, Алексею Евсеевичу было 33 года. Не так уж и много для начинающего предпринимателя из крестьян, имеющего хорошую профессиональную подготовку в фотографии Бика, а потом, возможно, у Никитина Спиридона Никитича, купившего всё оборудование у Бика.

Особый интерес к деятельности Бориса Бика в Симбирске основан на том, что в течение нескольких лет он много снимал семью Ульяновых. Благодаря исследователям жизни семьи Ульяновых собраны все сохранившиеся фотографии, относящиеся и к городу Симбирску. Именно из его фотографии вышли многие групповые снимки

и наиболее характерные портреты членов семьи Ульяновых, а также виды города.

В 1915 году Алексей Евсеевич был мобилизован в армию, где занимался тем же, что и в родном городе, только сюжеты для снимков были далеко не мирные, а их героями были люди в погонах и с оружием в руках. Во время событий 1917 года он оказался среди тех, кто поддерживал Советскую власть и был избран членом полкового комитета. Кроме того, он был в полку ещё и дисциплинарным судьёй.

После демобилизации из Красной армии в 1919 году Алексей Евсеевич возвратился в родной город, где первые годы Советской власти «исполнял

фотографические работы при Симбирском губисполкоме». (Молодёжная газета. № 23 (806) 14 июня 2013 года.)

Его фотоснимки, запечатлевшие различные события и значимые персоналии тех лет, являются бесценными документальными свидетельствами. В 1920 году 15 фотографов Симбирска создали объединение, которое вошло отдельной секцией в Симбирский отдел Всеорабиса (Всероссийского объединения работников искусства), где Кубарева избрали председателем. Фотография Кубарева в это время находилась на Гончаровской улице, 32.

Советская власть не могла терпеть бесконтрольной частной инициативы и индивидуального проявления творчества. Все должны быть в коллективе, всё должно быть общее, тем более к этому времени в стране заканчивался период так называемой новой экономической политики, и фотографии города вынуждены были создать художественно-фотографическую кооперативно-промысловую артель «Прожектор». Артель предполагала не только общий труд фотографов, но, что было самым болезненным и страшным для них, обобществление всего фотографического оборудования, нажитого десятками лет труда. Это был своеобразный «колхоз» – твоя фотокамера становилась моей, твой увеличитель становился общим, а потом и ничьим. А ведь фотокамера тех лет – это вам не грабли, она денег стоит. Выручка шла в общую кассу, оценка труда заключалась в выдаче усреднённой заработной платы. Не позволялось никакой подработки, это рассматривалось как перерождение и пресекалось. В эту артель в марте 1930 года был вынужден вступить и Алексей Евсеевич. Его додали. На этом частная деятельность фотографа Кубарева закончилась, зато начались склоки «чем ты лучше меня, а я хуже тебя, теперь мы все равны», зависть молодых и «идейно подкованных сотрудников» к прошлым успехам старых фотографов, знавших все профессиональные тонкости своего ремесла. Всё это порождало конфликты, которые нередко заканчивались доносами. А из доносов тридцатых годов, как известно, наскоро лепились политические дела.

Не миновал этой участи и Алексей Евсеевич. На него написали донос из руководства упомянутой артели. Вот часть его: «...Бывают случаи, что заказчики спрашивают Кубарева, почему теперь вы хуже работаете, а он

Фото Михаила Кубарева

Дмитрий Ильич Ульянов (сидит в центре в 1-м ряду) с женой Александрой Фёдоровной и дочерью Ольгой в Ульяновске. Сентябрь 1941 года

им отвечает, потому что я нахожусь теперь в колхозе. Он же сделал срыв завербованного кустика Немкова, который переходил к нам в артель со своим имуществом, осталось подписать только договор.

Кубарев ему говорит: «Что ты, гражданин Немков, хочешь переходить со своим имуществом к этим жуликам, я, старый дурак, попал на эту удочку, а тебе не советую». После этих слов гражданин Немков отказался подписать договор и более не объявлялся. Артель держала Кубарева пока для того, что пользовалась его аппаратами, которые он не хочет обобществлять, говоря, один раз был дураком, а теперь расстреляйте, не отдам».

Алексея Евсеевича не расстреляли – его лишили избирательных прав, что было равносильно сначала моральной, а затем и физической смерти. Фотограф Кубарев стал одной из жертв необъявленной войны новой большевистской власти против своего народа. Лишенец, так называли этих людей, становился изгоем в своей собственной стране. Лишенца могли выгнать из собственного дома или квартиры, уволить с работы без объяснения причины, исключить детей из школы или института, не начислить пенсию при достижении определённого возраста, отказать в пособии по потере трудоспособности или в медицинской помощи. Венцом этого безобразия было лишение полного продовольственного обеспечения: продукты

выдавались по карточкам, а лишенцам они не полагались.

Лишенцы в нашей стране появились в 1918 году в связи с принятием первой Советской Конституции. Основываясь на Основном законе, Советская власть лишала избирательных прав «лиц, прибегающих к наёмному труду», «живущих на нетрудовой доход», «монахов и служителей религиозных культов», бывших сотрудников полиции и бывших чиновников. Процедуре лишения избирательных прав подвергались все члены семей, упомянутых выше категорий. К 1927 году лишенцы составляли 4% всех жителей страны.

Советская власть вычеркнула из жизни и Алексея Евсеевича Кубарева. 29 марта 1933 года он скорпостижно скончался, не дожив до своих пятидесяти четырёх лет всего месяц.

В 1941 году фотограф Михаил Кубарев, сын Алексея Евсеевича, сделал в саду Дома-музея В.И. Ленина несколько снимков семьи Дмитрия Ильича Ульянова, находившегося в это время в нашем городе. Анатолий Иванович Кондаков (Ульяновский пединститут) в журнале «Семья и школа» № 4 за 1961 год опубликовал одну из этих фотографий вместе со своей статьёй «Беседа с Дмитрием Ильичём».

Фото Михаила Кубарева из личного архива Константина Новенькова

Владимир Кузьмич Воробьёв – историк-исследователь, посвятивший свою жизнь краеведческому поиску. Сфера его научных интересов – народное образование Симбирской губернии, населённые пункты Ульяновской области, история родного Майнского района. Лауреат премии «За заслуги в области региональной историографии 2012 года»

Майнский район в жизни Аркадия Пластова

Авторы о «Мономахе»

Поздравляю наш журнал «Мономах» с 20-летним юбилеем! Желаю ему новых творческих успехов в дальнейшем развитии краеведения родного Ульяновского края! Лет до 100 расти без старости!

Владимир Воробьёв

Творчество великого русского художника, нашего земляка Аркадия Александровича Пластова хорошо известно миллионам россиян. Улицы и бульвары, памятники и музеи его имени, многочисленные статьи и очерки, книги и альбомы, фильмы о нём свидетельствуют об одном: интерес к личности и наследию живописца со временем возрастает, люди будут помнить и чтить его всегда.

Слева направо:
Р.В. Петрова,
А.А. Пластов,
Е.М. Шорина,
В.В. Ракова,
В.Ф. Каширина,
О.В. Дмитриева.
Майна,
1963–1964

В литературе об А.А. Пластове отмечается, что он родился и всю жизнь прожил в селе Прислониха Карсунского района. Однако если уж быть исторически абсолютно точным, то нужно сделать одно немаловажное уточнение: в Карсунском районе как административно-территориальной единице Ульяновской области мастер кисти прожил всего несколько последних лет.

Судите сами: Прислониха многие годы входила в состав сначала Тагайского уезда Симбирского наместничества, затем – Тагайской волости Симбирского уезда Симбирской губернии (Ульяновского округа), в 1928–1930 и 1935–1956 годах – Тагайского района, а в 1930–1935 и с 1956 года – Майнского района. Только в 1965 году это село было отнесено к Карсунскому району. Отсюда следует, что наибольшая часть

жизни А.А. Пластова прошла в Тагайском и Майнском районах, которые также нужно считать его малой родиной, что по большому счёту справедливо.

О тесных связях Аркадия Александровича с населёнными пунктами этих двух районов рассказывают многие известные и малоизвестные документы. О них и пойдёт речь в данных заметках.

В Тагае, старинном и крупном селе на бывшем Московском тракте, художник Пластов бывал многие годы до войны и после неё. Бывал по личным и общественным делам, на знаменитых в то время ярмарках, базарах и конных бегах, на различных районных совещаниях и мероприятиях, а также на зарисовках. Редкие по красоте живописные тагайские виды вдохновляли его на создание таких широко известных художественных полотен, как «Колхозный праздник (Праздник урожая)», «Ярмар-

ка», «Праздник» (над ней он работал в 1954–1967 годах) и некоторых других.

Частенько приезжал живописец в нынешние селения Майнского района. О его поездках в село Комаровку к ученику и другу, заслуженному художнику России, лауреату Государственной премии РСФСР имени И.Е. Репина Виктору Васильевичу Киселёву можно, наверное, написать целую книгу.

Через железнодорожную станцию и райцентр Майна А.А. Пластов ежегодно уезжал в свою московскую мастерскую и возвращался обратно. Он бывал в гостях у местного художника-профессионала Василия Петровича Сахарцева и художника-самородка из села Вязовка Михаила Афанасьевича Куклева.

Сохранились три подлинные фотографии 1963–1965 годов о встречах известного художника с целой группой

жителей рабочего посёлка Майна. На них, кроме него, сына Николая и В.В. Киселёва, изображены семейные пары председателя и секретаря Майнского райисполкома А.П. Дмитриева и А.М. Петрова, директора лесокombината И.В. Шорина, главного врача районной больницы П.П. Ракова и заместителя редактора районной газеты «Ленинец» Ф.И. Каширина. Люди эти были довольно образованные и авторитетные в районе. Петровы знали Аркадия Александровича по общественной работе ещё по Тагайскому району: Анатолий Михайлович был ответственным работником здешнего райкома партии, а Раиса Васильевна учительствовала.

Многолетняя дружба связывала А.А. Пластова с Александром Ивановичем Рябиновым, бывшим фронтовиком, заведующим отделом культуры Майнского райисполкома, затем – директором Майнского комбината бытового обслуживания населения. На титульном листе солидного альбома «Аркадий Александрович Пластов» (автор-составитель Б.М. Никифоров. Москва, «Советский художник», 1972) рукою Николая Аркадьевича Пластова, тоже известного живописца, сделана такая многозначимая надпись: «Дорогой Александр Иванович! Ты был истинным другом отца до самого последнего дня его. В память искренней взаимной любви, которая связывала тебя с отцом долгие годы вашей дружбы, с самыми искренними дружескими чувствами дарю тебе этот альбом. Н. Пластов. 17 янв. 73 г.».

Запись в другом альбоме («Аркадий Пластов». Москва, «Изобразительное искусство», 1973) была более лаконична: «Дорогому Александру Ивановичу на добрую память о его друге, моём отце. Н. Пластов. 12 августа 73 г.».

В 2003 году о встречах с А.А. Пластовым написал воспоминания (по моей настоятельной просьбе) другой житель Майны – Виктор Афанасьевич Бырин, работавший ранее вторым секретарём Майнского райкома КПСС. Отметив, что художник «по существу, был наш земляк» и что связь Прислонихи с посёлком Майна «осуществлялась на машинах райисполкома, райкома партии и лесхоза», мемуарист рассказал об одной совместной поездке его, А.А. Пластова и А.И. Рябинова летом 1958 года в Ульяновск на одно из областных совещаний. Во время поездки у художника при виде одного живописного пейзажа у дороги внезапно возник замысел написать картину под названием «Хлеба и небо», которая, как утверждает В.А. Бырин, позднее была

А.А. Пластов (в центре) с учащимися Ховринской школы Вешкаймского района. Н.М. Кузьмина – третья слева. 1964

выставлена в областной художественной галерее.

Навещали А.А. Пластова в родной Прислонихе и многие жители Майнского района, покорённые силой и правдой его таланта. Так, в июне 1951 года у него в гостях побывали старшеклассники Майнской средней школы, члены краеведческого кружка во главе со своим руководителем, известным краеведом Николаем Анатольевичем Кузминским, а позднее – ученики Карлинской, Уржумской, Загоскинской и других школ, сотрудники учреждений культуры и книголюбы из Майны.

На всю жизнь запечатлелась в памяти встреча с художником-земляком весной 1964 года у Нины Фёдоровны Кузьминой, выпускницы и учительницы Майнской средней школы (см. фото).

– После третьего курса учёбы на филологическом факультете Ульяновского пединститута, – вспоминает она, – я по материальным обстоятельствам перевелась на заочное отделение и начала преподавать в Ховринской школе Вешкаймского района. А в двадцати километрах от села – пластовская Прислониха, и так мне с учениками захотелось побывать там. Весной пешком мы отправились к знаменитому художнику, изображавшему в своих картинах природу и людей ульяновской деревни. В его работе всё было до мелочей знакомо, всё родное. Нам тогда даже не предполагалось, что Аркадий Александрович нас может не принять. Это сейчас думаю, почему же он сразу отложил свои дела и беседовал с нами, спрашивал, чем понравились его работы, видим ли мы своими глазами красоту родного села. Ребята не чувствовали усталости

от того, что прошагали столько километров. В их памяти осталась улыбка и простота нашего земляка. Случайно одновременно с нами в Прислониху в тот же день пришли и майские школьники, а их учитель Михаил Алексеевич Кормеев сделал на память эти дорогие для нас фотографии.

Майнский пенсионер Юрий Николаевич Бобров хорошо помнит тот погожий день, когда он, водитель Майнского промбыткомбината, по наряду директора А.И. Рябинова привозил Пластовым в Прислониху дрова для отопления дома.

«Разгружали дрова с машины вдвоём с внуком художника Николаем, – вспоминает ветеран труда. – Вся семья благодарила меня за оказанную услугу, а сам Аркадий Александрович настойчиво приглашал зайти в дом и попросил няню накормить. Это было так неожиданно, ведь я был для них совершенно незнакомым парнем. К тому же я только выполнял поручение своего директора».

Я более чем уверен в том, что приведённые в заметках материалы о связях А.А. Пластова с жителями Майнского района являются далеко не единственными. Будет правильно и поучительно, если все так или иначе причастные к нему земляки поделятся своими документами, фотографиями, автографами и рассказами о встречах с ним, чтобы сохранить и сберечь для потомков всё, что связано с его жизнью и творчеством. Остаётся только добавить, что эти заметки написаны на основании документов и материалов, хранящихся в фондах Майнского районного историко-краеведческого музея.

Иван Эдуардович Сивопляс – научный сотрудник ГИМЗ «Родина В.И. Ленина», много лет работал в Государственном архиве Ульяновской области. Его многочисленные публикации в «Мономахе» всегда узнаваемы: опытный историк и яркий публицист, он имеет свой запоминающийся голос. К этому стоит добавить, что Иван Сивопляс – талантливый поэт и художник.

Авторы о «Мономахе»

«Мономаху» – 20 лет!

В мае 2014 года в школьном музее Дениса Давыдова в селе Верхняя Маза я увидел разлохмаченный, захватанный, зачитанный буквально до дыр давний, ещё 2002 года, номер журнала «Мономах», посвящённый поэту и партизану. Нет лучшей похвалы для издателей и авторов, чем такая «работа» многих и многих читательских рук, детских по преимуществу. Она красноречивее самых громких, хвалебных слов.

Иван Сивопляс

Симбирский
деревянный театр.
1867

Симбирские театральные зарисовки

Фото Альберга Баха

Цитаты и контексты

В фойе Ульяновского областного драматического театра имени И.А. Гончарова помещена цитата из классика, чьим именем величается учреждение культуры: «Я рад за Симбирск, что в нём есть театр. И.А. Гончаров».

Чеканная лаконичность фразы заставляет вспомнить другого классика и симбирского уроженца: «Из всех искусств для нас важнейшим является

кино... В.И. Ленин». Ленинский текст имел продолжение и разъяснение: «... пока народ безграмотен».

В письме из родного города 13 июля 1849 года Иван Александрович также был более велеречив:

«Был в здешнем театре: это было бы смешно, если б не было очень скучно. Симбиряки похлопывают, хотя ни в ком нет признака дарования. Но я рад за Симбирск, что в нём есть театр, какой бы то ни был. Глупо бы было мне,

приехавши из Петербурга, глумиться над здешними актёрами, и оттого я сохранил приличную важность, позёвывая исподтишка».

Мы воспитаны ценить мнение «сильных мира сего», особым образом тех, кто заслужил своё место в истории талантами и трудами. Но сколько людей, столько и мнений – справедливо гласит народная мудрость, и мнение даже самого прославленного и маститого мудреца остаётся субъективным взглядом отдельного человека. Иван Александрович и сам признаётся, конечно, после столиц, после помпезного блеска и бархата императорских театров, актёрских «имён» и сановной публики...

Симбирские зрители хлопали, знают, зрелище не оставляло их равнодушными. Им нравилось, а это главный и самый доступный критерий в оценке любого произведения искусства.

И ещё цитата, на сей раз из полицейского рапорта: «20 февраля сего 1912 года в городе Карсуне, на основании телеграммы Пристава посада Мелекесса, были задержаны две гимназистки Мелекесской гимназии: Александра Филиппова, 17 лет, и Александра Пядышева, 14 лет, скрывшиеся из Мелекесса в поисках артистов игравшей в Мелекессе театральной труппы. При задержании обе гимназистки пытались лишиться себя жизни, приняв раствор креазота, но им своевременно оказана медицинская помощь, и жизнь их находится вне опасности. В тот же день, 20 февраля, они переданы родственникам, явившимся за ними из Мелекесса».

Сколько событий вместили в себя эти скупые полицейские строчки! Накал страстей, достойный мелодрамы! Жизнь – театр, и каждый играет в ней свои роли, и нет того, кто не мечтал бы сыграть в настоящем театре!..

Театр, в котором бывал Гончаров

Альберт Бах, фотограф из Кёнигсберга, владелец фотоателье в Симбирске, запечатлел на редком снимке 1867 года Симбирский театр, тот самый, в котором бывал И.А. Гончаров. Два ряда кустов среди воспетого поэтом Дмитрием Минаевым «булеvara», деревянные тротуары, одинокий фонарь, немощёная мостовая. Деревянное здание театра располагалось примерно на пересечении современных улиц Гончарова и К. Либкнехта.

Он открылся для зрителей в 1846 году. В строительстве здания самое действенное участие принял симбирский

губернский предводитель дворянства Михаил Михайлович Наумов, вложивший в него 6000 рублей из собственных средств. Готовый театр М.М. Наумов подарил симбирскому мещанину Александру Матвеевичу Слепнёву. Широта жеста и статус устроителя одновременно свидетельствовали как о важном месте театра в общественной жизни Симбирска, так и о том, что прямо заниматься театральными делами для губернского предводителя считалось предосудительным.

Помещение «слепнёвского» театра было рассчитано на 400 зрителей. Конечно, ему было далеко до роскоши императорских театров. Но и здесь наличествовали драпированные тканями ложи, бронзовые стенные и висячие канделябры. Зрителя завлекали не только игрой актёров, но и соответствующим антуражем. Ведь театр был развлечением не из дешёвых. Заядлый театрал в позапрошлом столетии – это не просто ценитель прекрасного, но и человек, демонстрирующий обществу свои капиталы.

Театр был местом веселым. Вечером 20 апреля 1866 года фельдфебель Леонтий Штанский с супругой купили билеты в партер. Но «потом, спустя некоторое время, когда ещё не началась пьеса, Штанский попросил кассира поменять эти билеты на вход в галерею». Кресла в партере стояли от рубля до двух, тогда как «удовольствие» постоять на галёрке обходилось всего в 30 копеек. О перемещениях Штанского стало известно директору Симбирского театра, потомственному дворянину Дмитрию Константиновичу Хотеву. Он очень возмутился. Но совсем не потому, что фельдфебель уселся в креслах, среди «чистой» публики, а тем, что он сдал дорогие билеты!

В числе немногих общественных сооружений театр пережил великий симбирский пожар 1864 года. Корреспондент столичных «Санкт-Петербургских ведомостей» ядовито иронизировал по этому поводу: «Как бы в насмешку, пожар, истребивший дотла целый город, оставил невредимым в самой середине его дрянной, деревянный театришко!». Зато для части горожан это стало доброй приметой, надеждой на скорое возрождение Симбирска.

Театральный жест капитана и «Сердючка» из Симбирска

У судьбы, сохранившей от буйства стихии здание театра, кажется, был свой особый расчёт. Считается, что

именно на этой сцене дебютировал в 1867 году как профессиональный актёр симбирский уроженец Василий Николаевич Андреев-Бурлак (1843–1888), выдающийся артист, рассказчик, литератор, зачинатель жанра моноспектакля на отечественной сцене.

В.Н. Андреев-Бурлак

В двадцать лет дворянский сын Василий Андреев стал работать помощником капитана на Волге. С детства он имел склонность к лицедейству, но особый случай вдруг сделал моряка актёром. На пароходе, которым управлял В.Н. Андреев, шумно загуляла компания купцов-милёнщиков. Гости пили, пели и шумели в парадном буфете, перекрывая шум машины и бас корабельного гудка. И вдруг один из купцов, ражий детина, всерьёз взялся бить людей и посуду. Доложили Василию Николаевичу. Решительно распахнув дверь, тот ворвался в буфет и закричал что есть мочи прямо в лицо буяну: «Пожар! Спасайся, кто может!». Перепуганный купчина кинулся к выходу, ударился головой о притолоку, разбил лоб, потерял сознание.

Наутро купец, сияя огромной шишкой, дружески хлопнул Василия Николаевича по плечу: «Знаешь что? Бросай своё капитанство, поступай в актёры, большие деньжищи зашибать станешь. Как увидел я вчера твою рожу, да как ты заорал, я мать родную забыл, кинулся спасаться, а дальше ничего не помню!...». И Василий внял голосу своего «горячего» поклонника.

Решительно поменял своё жизненное амплу в пользу Мельпомены ещё один

симбирянин – Константин Зефиринович Пузинский (1836–1916), получивший всероссийскую известность, выступая в амплуа «комических старух».

Женщины в роли мужчин и особенно мужчины в женской роли – вечный сюжет для комедий, и прямой путь к успеху для многих актёров. К.З. Пузинский, подобно В.Н. Андрееву-Бурлаку, вначале не думал о профессиональной сцене. Дипломированный юрист, он служил в Симбирске судебным следователем. Но ещё с гимназической юности Константин участвовал в любительских спектаклях, разыгрывал комические сцены, им самим и сочинённые, имея особый успех в женских ролях.

«Он играл так натурально, что и представить было нельзя, что перед вами мужчина, только загримированная женщиной», – восторгались современники. Впрочем, в 1862 году сатирик Дмитрий Минаев «припечатал» восходящую «звезду» в своей поэме «Симбирская губернская фотография»: «...затянутый до боли/ Гермафродит среди мужчин./ Изящный только в женской роли./ Живёшь, Пузинский Константин».

В 1869 году, 33-летний К.З. Пузинский стал профессиональным актёром. Он пользовался постоянным успехом, выступая во многих и многих театрах Российской империи. На 40-летний юбилей артистической деятельности К.З. Пузинского в 1909 году откликнулись развёрнутыми статьями и портретами ведущие театральные издания страны.

В тот юбилейный год, 73-летним стариком, исполнитель ролей комических старух вернулся в родной город. Возраст брал своё, жить в гастрольном ритме – а театры тогда ежегодно обновляли труппу – дальше было невероятно трудно. Симбирский полицмейстер В.А. Пифиев поселил К.З. Пузинского у себя в доме и добивался, чтобы его в привычном амплуа ежегодно принимали в меняющуюся труппу Симбирского театра. В сезон 1910/1911 годов он играл в одной труппе с великим Александром Таировым (1885–1950), будущим основателем Московского камерного театра: «комическая старуха» на 75 рублях месячного оклада и «герой-любовник» с 325 рублями в месяц!

Романсы и финансы

Кстати говоря, Александр Таиров был одной из самых высокооплачиваемых звёзд-мужчин, блиставших на

Константин
Зефиринович
Пузинский

К.З. Пузинский
в женских ролях

дореволюционной симбирской сцене. В сезон 1904/1905 годов (с запрещённой «Гейшей») первый тенор, виленинский мещанин Фёдор Казимиров, по сцене Дунаев, зарабатывал в месяц по 400 рублей, а в сезон 1879/1880 годов игравший «первые комические роли» нижегородский мещанин Пётр Бедняков, по сцене Красовский, получал по 350 рублей в месяц. Труд актрис в старину оплачивался куда выше мужского. Непревзойдённым в истории дореволюционной труппы гонораром в 525 рублей могла похвастать в сезон 1897/1898 годов лирическая певица, жена обер-офицерского сына Варвара Дункель, по сцене Иванова.

«Тысячниками» или «тысячницами» именовали в дореволюционном прошлом признанных «звёзд», чьи ежемесячные гонорары исчислялись числом с тремя нолями после цифири. Театры, предлагавшие «звёздам» трёхзначные суммы, в шутку именовали «третьеразрядными». К их «разряду» относился и театр в Симбирске.

Но деньги эти ещё надо было зарабатывать. «Отовсюду идут сведения о плохих сборах в театрах, – писал в 1908 году столичный журнал «Театр

и искусство». – В этом отношении Симбирск не делает исключения, напротив, является яркой иллюстрацией поразительному индифферентизму публики. Симбирская публика предпочитает цирк театру и, смотря по тому, есть ли в цирке интересные «номера» или нет, – театр пустует или делает сборы. В октябре в цирке была «борьба» – в театре «пустыня», в начале ноября чемпионат в цирке кончился – театр стал делать сборы. Теперь в цирке опять «борьба» – и театр влачит жалкое существование. А что будет, когда приедут «борчихи», уже и не представляем!».

Но финансовые неудачи становились замечательным поводом к творчеству, к самоиронии. Игравший в симбирской труппе в тот не лучший сезон артист Георгий Гулов представил в день своего бенефиса комедию собственного сочинения: «Курьёзное происшествие в Симбирске: Жених-атлет или французская борьба на заклад в 200 рублей». И хотя сам бенефициант в роли некоего графа Кучургина не имел успеха, «многообещающий спектакль дал ожидаемый сбор, что-то около 250 рублей»!..

Нина Николаевна Дроголюб – коренная симбирянка, медик по образованию, литератор по призванию. Пишет стихи, рассказы, сказки. Автор книги «Домик на Венце». Ярко и увлекательно рассказывает она читателям «Мономаха» о симбирянах и ульяновцах, оставивших живой след в истории нашего города и края.

Три барышни из рода Жадовских

Авторы о «Мономахе»

Двадцать лет назад родился в нашем старинном городе, наречённом в 1648 году Симбирском, а впоследствии ставший Ульяновском, журнал. Симпатичный такой журнал, которому «родители» дали громкое и обязывающее имя – «Мономах». Сейчас он вступил в цветущий юношеский возраст. Пожелаем же ему дальнейшего роста, широкого кругозора, познания мира и любви читателей!

Нина Дроголюб

XIX век дал России много талантливых и одарённых писателей. На исконно мужскую литературную арену Отечества тогда робко вступали первые женщины-авторы. На поприще драматургии, литературы и поэзии специалистами показали себя три писательницы из рода Жадовских: Аграфена, Елизавета и Юлия, самая яркая из них.

Жадовские – русский дворянский род. У его истоков стояли Иван и Егун Семёновичи Жадовские, «за московское осадное сидение» пожалованные вотчинами в 1620 году. Их род внесён в шестую часть родословных книг Казанской, Костромской, Нижегородской, Петербургской, Симбирской, Тульской, Ярославской губерний.

Аграфена – почитательница европейской мелодрамы

Аграфена Жадовская, родившаяся в конце XVIII века, дочь симбирского дворянина, богатого помещика и известного масона Ивана Васильевича Жадовского. В Библиографическом словаре русских писателей и поэтов князя Голицына (1889) об Аграфене Ивановне сказано, что она, «будучи хорошо образована, по натуре своей пылкая и восторженная, обладала большим сценическим талантом и занималась литературой». Аграфена Ивановна получила прекрасное домашнее образование в имении родителя своего, богатейшего и образованного симбирского помещика, имевшего прекрасную библиотеку из произведений лучших европейских и российских авторов –

писателей, поэтов, драматургов, философов, учёных. В имении Жадовских был крепостной театр, на сцене которого ставились пьесы, сцены из опер и балетов.

Стоит ли удивляться, что девочка, выросшая в такой атмосфере, жадно впитывала знания из книг, пьес, поэм. Тонко чувствующая натура, обладавшая к тому же твёрдым целеустремлённым характером лидера, Аграфена сумела организовать вокруг себя дворянскую молодёжь. И какая это была молодёжь! К концу XVIII века Симбирск был первым после Казани центром передовой мысли. Здесь сформировалось крупное влиятельное гнездо масонов, очень рано в Симбирске образовался театр, вначале в виде крепостного, где роли исполняли крепостные актёры и актёрки (театры

Дурасова, Жадовского и др.), а потом и публичного, городского в 90-х годах XVIII века. В библиотеках дворянских усадеб хранились книги русских и европейских авторов самого разнообразного содержания, образовывавшие юных дворян. Тон общественной жизни города и губернии задавали семьи Бекетовых, Дурасовых, Жадовских, Ивашевых, Баратаевых, Ермоловых, Языковых. Многие из этих дворян были образованными, незаурядными людьми. Так, князь Баратаев (1784–1856), будучи учёным-нумизматом, состоял членом Парижской академии наук. Имена четырёх сыновей из семейства Ивана Петровича Тургенева получили впоследствии широкую известность. Андрей Иванович Тургенев тринадцатилетним отроком написал стихи, посвящённые Симбирскому театру:

«Разлука с Симбирским театром». После окончания Московского Императорского университета Андрей Тургенев служил в Москве, а затем в Петербурге, где внезапно скончался. Вигель писал про него: «Андрей Тургенев, со всею скромностью великих достоинств, стоял на распутье всех дорог, ведущих к славе, какую ни избрал бы он, можно утвердительно сказать, что он далеко бы по ней ушёл».

Вот такую молодёжь организовала вокруг себя в драматический кружок Аграфена Жадовская. И члены кружка со всей отвагой, свойственной молодости, ринулись завоевывать публику. А для этого действительно нужна была смелость и решительность, ибо занятие актёрством в то далёкое время было привилегией людей «подлого» сословия. Не принято было «фиглярствовать» дворянам. Это был воистину революционный шаг. Аграфена перевела с французского чувствительную драму «Английский купец Бот», которая и была показана в городском театре Симбирска в 1804 году. Спектакль произвёл фурор! В 1803 году появилась популярная пьеса, сентиментальная драма «Юлия, следствие обольщения». Автор её П.В. Сушков жил в то время в Симбирске и был также участником театрального кружка Аграфены Ивановны. Переделанная ими в оперу пьеса Сушкова обошла всю театральную провинцию!

Елизавета – объект критики революционных демократов

Следующей представительницей клана Жадовских является Елизавета Александровна Жадовская, поэтесса 50-х годов XIX века, которой частенько доставалось от критиков – революционных демократов Белинского и Добролюбова. Особенно резко отозвался Добролюбов о стихотворном переводе Елизаветы поэмы Джона Мильтона, известного поэта, пуританина и борца за свободу личности против государственности.

«Издание чистенькое, но на это смотреть не должно». «О стихах же г-жи Елизаветы Жадовской можно судить по следующему обращению к Мильтону, которое напечатано на особой четвертке в начале книги, очевидно, ради её утолщения.

*Мильтон, божественный писатель,
Настрой мне лиру сам мою
Сердец и душ очарователь,
Дай повторить мне песнь твою:*

*Её начну с четвёртой темы,
Её, её я пробрянчу.
Дай дивный лад твоей поэмы
И вдохновенье; – так начну.
И устремляет он, печальный,
Свой взор на пышный вертоград:
Эдемских прелестей отрадой
Его томится злобный взгляд,
Тут к небесам он взор возвращает,
Где лучезарный блеск светил
Собой природу освещает,
Где их чертог блестящий был.*

Нет, не за то осуждаем мы г-жу Елизавету Жадовскую, что она перевела Мильтона, а за то, что плохо перевела, перевела не всё, что следовало, а выдала так, что будто всё ею сделано. Наши замечания имеют вот какой смысл: зачем г-жа Жадовская выдрала из поэмы Мильтона отрывки, и отрывки далеко не лучшие, зачем перевела их на плохие стихи старой русской прозы, зачем перепутала даже то, что сама выбрала, а главное – зачем свои вирши издала под названием поэмы Мильтона «Потерянный рай».

Мне кажется, что г-н Добролюбов предвзято подошёл к творчеству г-жи Жадовской. Да и Джона Мильтона не пощадил. Ох уж эти критики! К тому же поэму известного английского поэта знал весь просвещённый мир, и обвинение г-на Добролюбова в плагиате по отношению к русской поэтессе и литератору звучит, выражаясь современным языком, некорректно. Видимо, революционный демократ Добролюбов доставил Елизавете Жадовской немало неприятных минут своей критикой.

Юлия – кроткая и добрая душа

А теперь вспомним добрым словом третью писательницу из рода Жадовских – Юлию Валериановну. Это самая талантливая и самая трагическая фигура из женщин-литераторов. Само её рождение принесло в семью Валериана Жадовского, чиновника по особым поручениям ярославского губернатора, страдания и боль родительских сердец. Девочка родилась без левой руки, а на правой ручке не хватало двух пальчиков. Можно представить, сколько слёз пролила её матушка, стоя на коленях перед иконой Богородицы и вопрошая: «За что?». Благодаря заботам кормилицы девочка выжила, хотя и была слабенькой. Но через год малютку ждал ещё один удар: после рождения брата Павла умерла матушка. Отец отдал Юлечку на воспитание её тётке

А.И. Корниловой, страстно любившей литературу и писавшей стихи и статьи, которые помещались в изданиях 1820-х годов. Малышка росла в окружении заботливой тётушки, души не чаявшей в ней, нянюшки и гувернанток, обучающих маленькую барышню языкам. Поговорка о том, что если Господь не додал в одном, то полной мерой восполнит в другом, полностью оправдалась на Юлии. Девочка обладала способностями к наукам, к тому же у неё было доброе сердце и покладистый характер. Тётушка обожала свою внучатую племянницу. Девочка много читала (в имени, конечно, была библиотека), беседовала с тётушкой о книгах, авторах. Юлия много гуляла по парку, окружавшему господский дом, там у неё были любимые укромные местечки, где она наблюдала за гнёздами малиновки и горихвостки, слушала соловья, вдыхала ароматы ландышей и цветущей сирени. А когда приходила пора ягод и грибов, Юлия ходила с дворовыми девушками в весёлую берёзовую рощу. Девушки разбредались по роще, и та наполнялась ауканьем и весёлым девичьим смехом. Временами в имени собирались гости, тогда дом наполнялся суетой. Готовились праздничные блюда, с мебели снимались чехлы, горничные носились по дому, готовя комнаты гостям. А вечерами в гостиной звучали музыка, романсы, стихи. Потрескивая, горели масляные светильники, в открытые окна лился аромат ночных цветов, парк освещала полная луна. Спустя много лет Юлия Валериановна опишет всё это в своих романах.

После домашнего обучения, приличествующего барышне её круга, Юлия поступает в Костроме в пансионат Прибытковой. У неё начинается новая жизнь. В пансионате Юлия обратила на себя внимание преподавателей своими способностями, а особенно преподавателя русской словесности П.М. Перелесского. Можно представить, как трудно было Юлии вписываться в окружающую её новую среду, непринуждённо вести себя с девочками-пансионёрками, переносить любопытные, сочувствующие взгляды. Но судьба, отгнав у неё физическое совершенство, послала ей ясный ум и талант. Её любили все за кроткий нрав, отзывчивость и доброе сердце.

Первая любовь обрушилась на впечатлительную, легко ранимую Юлию, как майская гроза. Молодой учитель словесности и его ученица влюбились друг в друга безоглядно, горячо

и безнадежно. Будущего у этой любви не могло быть. Отец не хотел и слышать о браке дочери с бывшим семинаристом, да к тому же он совершенно справедливо сомневался в искренности чувств молодого учителя. Отец очень любил свою обиженную судьбой дочь и старался оберегать её от охотников за богатым приданым неопытной и наивной барышни. Кроткая Юлия беспрекословно подчинилась воле отца, но разлука с любимым тяжело переживалась ею. Никогда, никогда не встретит она человека, который так полюбит её.

Юлия переехала к отцу в Ярославль и для неё наступили годы домашнего затворничества. Но именно глубокие душевные переживания подвигли её на литературную деятельность. Тайком от отца начала она писать стихи, и только тёмная ночь да пуховая подушка, в которую Юлия зарывалась лицом, знали о её слезах и стихах, которые она сочиняла. Стихи так и лились из её страдающей души. Батюшка, узнав об увлечении дочери, повёз её в Петербург и Москву, чтобы дать ход её дарованию.

В Москве Юлия Валериановна познакомилась с М.П. Погодиным, напечатавшим в «Москвитянине» несколько её стихотворений. В Петербурге – с Хомяковым, Загоскиным, Иваном Аксаковым, с князем Вяземским, Губером, Дружининым, Тургеневым. В 1846 году вышли в свет её стихотворения. Живя исключительно сердцем, сохранив до конца жизни бесхитростную веру в любовь, Юлия Валериановна стояла на одном уровне с большинством образованных женщин своего времени, отличаясь от них лишь большей начитанностью и литературным талантом. Лирика Юлии Жадовской – «поэзия женской неволи». Основная её тема – разлука с любимым, сословное неравенство, оплакивание несостоявшейся любви, смиренное преклонение перед природой, которую она узнала и любила, проживая в имении тётюшки.

Крупнейшие композиторы XIX века сочиняли музыку на её стихи, некоторые из романсов известны и поныне, как, например, «Ты скоро меня позабудешь» и «Я всё ещё его, безумная, люблю» А.С. Даргомыжского. Современники увидели в поэзии Юлии Жадовской историю тоскующей, но сильной и непокорившейся женской души. Её поэзия, интимная и страстная, полна любви, нежности и веры. И сколько современных девушек и женщин могут повторить за Юлией:

Н.А. Лавров.
Портрет Юлии Жадовской.
1845

*Я помню взгляд,
мне не забыть тот взгляд!
Он предо мной горит неотразимо:
В нём часть блеск,
в нём чудной страсти яд,
Огонь тоски, любви невыразимой.
Я всё ещё его, безумная, люблю!
При имени его душа моя трепещет;
Тоска по-прежнему
сжимает грудь мою,
И взор горячею слезой
неволью блещет.
Я всё ещё его, безумная, люблю!*

Белинский раскритиковал её первый сборник, а Добролюбов отнёсся к нему гораздо благосклоннее.

Прозаические произведения Юлии Жадовской посвящены той же теме сословного неравенства. Романы «Простой случай» и «В стороне от большой дороги» – истории любви девушки-дворянки и бедного гувернёра. Во втором романе автором использованы воспоминания детства, жизни в имении

тетушки. Страницы его проникнуты тёплым чувством любви к родной природе, бабушке, заменившей героине рано умершую мать, к имению, где героиня знает и любит каждый уголок.

Последние произведения Ю.В. Жадовской не имели успеха. Это настолько огорчило её, что она перестала писать. В 1862 году Юлия решила выйти замуж за старого доктора К.Б. Севена, чтобы обрести материальную независимость от отца.

Брат Юлии, Павел Валерианович Жадовский (1825–1891), окончил венецский корпус, участвовал в венгерской и севастопольской кампаниях, был ранен. Павел, как и сестра, был литературно одарён, выпустил книгу воспоминаний «Молдавия и Валахия» (1856), «Басни и стихотворения», «Картины военного быта» и «Житейские сцены» (1859). Тираж последней книги был конфискован, видимо, из-за чрезмерного натурализма произведения.

Авторы о «Мономахе»

«Мономаху» – 20 лет!

Журнал основательно вошёл в мою жизнь с 1996 года, и с этого времени не проходит дня, чтобы я не заглянула в один из его номеров, стоящих рядами по годам на моём стеллаже с краеведческой литературой. Он для меня давно уже стал настоящей энциклопедией края, в которой я нахожу много нового и интересного как для своей работы, так и для общего развития. Желаю журналу и впредь оставаться таким же информационно насыщенным, интересным, читаемым жителями Ульяновской области.

Татьяна Громова

Татьяна Алексеевна Громова – старший научный сотрудник Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова, автор книг и многочисленных ярких статей по истории, культуре и географии нашего края, автор Ульяновской-Симбирской энциклопедии. Татьяна Алексеевна является членом редакционного совета журнала и неизменным помощником в подготовке каждого выпуска.

Роковая любовь Екатерины Арнольд

У каждого человека своя судьба. Есть судьбы счастливые и не очень. Екатерину Дмитриевну фон Арнольд судьба не баловала с детства. Когда ей было девять лет, умер её отец, Дмитрий Николаевич Нагаткин, помещик села Петровка Бугурусланского уезда Самарской губернии, где у Нагаткиных было небольшое имение, доставшееся от предков. Вскоре после войны с Наполеоном отец Дмитрия Николаевича, ротмистр Николай Борисович Нагаткин, вышел в отставку, женился и поступил на службу земским исправником Бугурусланского уезда. Большая семья, в которой было девять детей, жила по зимам в Бугуруслане, а летом переселялась в Петровку.

С родным уездом связал свою судьбу и сам Дмитрий Николаевич. Он получил домашнее образование, затем поступил на службу попечителем сельских запасных магазинов помещичьих крестьян Бугурусланского уезда. В двадцать семь лет получил классный чин коллежского регистратора, через четыре года – губернского секретаря. Позже, будучи в чине титулярного советника, посватался к засидевшейся в девушках Софье Дмитриевне Рузской. Брак продлился всего десять лет и закончился со смертью супруга в 1878 году.

Через два года умерла и Софья Дмитриевна. Опекун над одиннадцатилетней Екатериной Нагаткиной взяла её родная бездетная тётка, сестра отца Наталья Николаевна Нагаткина. Она жила в Симбирске в собственном деревянном доме на улице Покровской. Жила небогато, но и ни в чём себе не отказывала. Доход ей приносили родовое и приобретённые имения. Одно из них в селе Тимофеевка Симбирского уезда ей досталось по завещанию от тётушки, такой же, как и она, старой девы Александры Ивановны Веригиной. В 1873 году к этой земле она прикупила ещё 230 десятин земли в селе Старое Никулино

у Сергея Никифоровича Добротворского, а в 1880 году к недвижимому имуществу добавилось около 140 десятин леса, приобретённого с торгов в селе Подлесном того же Симбирского уезда. Обеспечив таким образом собственную старость, она позаботилась и о племяннице. Её, как круглую сироту, Наталья Николаевна почти сразу же определила в Елизаветинский пансион при симбирской Мариинской гимназии.

Гимназисток из Мариинки всегда можно было отличить по одежде. Они носили строгое коричневое платье, на кофточке которого было установленное количество складочек, расположенных на определённом расстоянии друг от друга. Поверх платья надевался чёрный фартук, а на нём присутствовала вышитая чёрными нитками аббревиатура «МГ». Но даже в этом строгом наряде красивая и стройная Катенька Нагаткина выглядела эффектно.

Училась она не очень прилежно, поскольку дальнейшая карьера домашней учительницы или наставницы (звание давалось при наличии золотой или серебряной медали), какая ожидала выпускниц гимназии, её не прельщала. Она мечтала удачно выйти замуж и воспитывать собственных детей.

В одном классе с Екатериной Нагаткиной учились Варвара Половцова и Ольга Ульянова, с которыми она быстро подружилась. Там же училась и её двоюродная сестра Ольга Петрова. По большим праздникам в гимназии устраивались балы, на которые приглашали кадетов и молодых офицеров из военной гимназии, расположенной чуть выше на той же Покровской улице. На одном из вечеров Катенька Нагаткина познакомилась со своим ровесником, кадетом Александром Желудовским. Между молодыми людьми возникло взаимное чувство, и они с нетерпением ждали каждой очередной встречи. Каникулярное время двоюродные сёстры Екатерина Нагаткина и Ольга Петрова проводили у Натальи Николаевны. Зимой на Святки она устраивала для молодёжи вечера, на которые девушки приглашали своих знакомых. Среди прочих Екатерина всегда приглашала Александра Желудовского, Ольга – молодого знакомого офицера, воспитателя Кадетского корпуса Владимира Густавовича фон Арнольда.

В 1885 году на очередной гимназический бал тот пришёл с младшим братом Романом Густавовичем, только что назначенным в Симбирский кадетский корпус на должность воспитателя младших классов. Ему очень понравилась симпатичная гимназистка Екатерина Нагаткина. Хорошо образованный молодой офицер и на неё произвёл впечатление, но не более того.

Роман Густавович в своё время окончил Нижегородский императора Александра II дворянский институт, затем 2-е военное Константиновское училище, из которого был выпущен в 1880 году в чине подпоручика с прикомандированием к лейб-гвардии Финляндскому пехотному полку. В феврале 1885 года, подав прошение на имя военного министра, был переведён в Симбирский кадетский корпус, где уже работал офицером-воспитателем его старший брат Владимир Густавович.

В списках офицеров корпуса они значились как Арнольд 1-й и Арнольд 2-й. Вскоре братья стали вдвоём бывать в доме Натальи Николаевны Нагаткиной. Роман Густавович ей понравился сразу, а особенно то, как быстро он делал карьеру. Через два года после прибытия в Симбирск он уже состоял в чине капитана. Наталья Николаевна всячески поощряла ухаживания офицера и считала его наилучшей партией для племянницы. Однако девушка объявила тётке, что за Романа Густавовича замуж не пойдёт, поскольку влюблена

в Александра Желудовского, только что окончившего кадетский корпус. Но тётка и слышать о нём не хотела. Чтобы сломить сопротивление племянницы, она объявила ей, что если та не выйдет замуж за фон Арнольда, она лишит её наследства.

Девушка смирилась со своей участью. Зимой 1888 года была сыграна свадьба, и молодожёны поселились в доме Нагаткиной на Покровской улице. Тётка успела помянуть и первых двух внуков – Наталью и Николая, а в 1895 году умерла, оставив племяннице дом в Симбирске и четыреста десятин земли в Симбирской губернии.

Вместе с отцовским наследством в Бугурусланском уезде Самарской губернии Екатерина Дмитриевна стала владелицей земельной собственности в полторы тысячи десятин. Между тем Роман Густавович в 1901 году получил чин полковника, но к этому времени семейная жизнь его с женой совсем разладилась. После смерти тётки Екатерина Дмитриевна, почувствовав свободу, начала тайно встречаться с Александром Петровичем Желудовским, и даже отъезд его в один из уездов, где он получил должность земского начальника, не спасал положения.

Екатерина Дмитриевна фон Арнольд с дочерью Натальей. Симбирск, 1903

Весь Симбирск был в курсе семейных дел четы фон Арнольд. Роман Густавович страдал молча, а в 1905 году перевёлся в Омский 1-й Сибирский имени Александра I кадетский корпус ротным командиром. Екатерина Дмитриевна с ним не поехала. С тремя детьми она осталась в Симбирске, успешно

Бывший дом Е.А. Нагаткиной-фон Арнольда на ул. Покровской (ныне ул. Л. Толстого, 22). 2014

управляя имением. В селе Тимофеевка устроила конный завод рысистых лошадей, поставляла их для армии. В Симбирске к старому тёткиному дому сделала двухэтажный пристрой и до самой революции безбедно проживала в родном городе.

До неё доходили слухи, что Роман Густавович живёт один и пьёт «горькую». В 1914 году в чине генерал-майора он вышел в отставку по болезни, которая в следующем году свела его в могилу. Он умер в Москве в возрасте пятидесяти восьми лет.

Приобретённая свобода не сделала счастливее Екатерину Дмитриевну. Вторично замуж она не выходила, а в 1914 году на фронте от вражеской пули пал её «милый друг» Александр Петрович Желудовский, через три года во время немецкой бомбежки санитарного поезда погибла двадцатичетырёхлетняя дочь Наталья Романовна Вологина, окончившая, как и мама, Мариинскую гимназию, курсы сестёр милосердия, будучи замужем за симбирским адвокатом Юрием Алексеевичем Вологиным.

Пережив это горе, революцию и Гражданскую войну, Екатерина Дмитриевна покинула Симбирск и уехала к сыновьям. Оба они служили юристами. Старший Николай Романович – в Москве, младший Дмитрий Романович сначала в коллегии адвокатов в Симбирске, затем в Куйбышеве, где был арестован и погиб в одном из сталинских лагерей. Репрессии не обошли стороной и старшего сына, он был сослан в Архангельск, куда вслед за ним поехала разделить его участь Екатерина Дмитриевна. Там она и скончалась в 1939 году, немного не дожив до семидесяти лет. Сын Николай Романович пережил её всего на три года.

По материалам «Семейной хроники фамилии Арнольд»

Фото Лилии Янушевской

Юрий Петрович Осипов – геолог, ныне пенсионер. История геологоразведки края в его памяти – как в надёжном хранилище. Рассказами из своего геологического прошлого Юрий Петрович делится с читателями журнала «Мономах» и заражает их интересом к подземным глубинам Средне-Волжского края, передаёт им гордость за достигнутые в советские годы успехи отрасли, которой он посвятил всю свою жизнь.

Газовые чудеса ульяновских недр

**Искали нефть –
нашли газ радон**

Бур-палеонтолог

Обнаружение газа радона в недрах Новоспасского района Ульяновской области во второй половине XX века стало полной неожиданностью даже для выдавших виды геологов...

Тогда на самой границе с Самарской областью, возле исчезнувшего хутора Банкет, ульяновские специалисты искали нефть. Уже на первой скважине геофизик Ю.В. Кочергин зафиксировал высокую радиоактивность на большой глубине. Проверить этот показатель поручили гидрогеологическому отряду Ульяновской комплексной геологоразведочной партии, возглавляемому Н.А. Казаковым. Было установлено, что в верхнекаменноугольных отложениях 300 миллионов лет назад природа «запрятала» урано-битумное оруднение, а минеральные воды, циркулирующие в этих горных породах, насыщаются газом радоном, являющимся одним из промежуточных звеньев в цепи распада урана-238.

На этом исследовании не закончились. Специализированная партия № 115 ПГО «Кольцовгеология» (рук. В.А. Родиошкин) определила ореол распространения радоновых вод и их запасы. Радоновые воды на месторождении «Банкет» относятся к группе лечебно-минеральных вод, пригодных для лечения множества заболеваний различных систем и органов человеческого организма. Радон – самый тяжёлый, самый редкий, самый дорогой из всех существующих на земле газов.

Открытие месторождения радона в нашей области – уникальный и единственный случай для Среднего Поволжья и сопредельных с ним регионов.

Почти сорок лет назад, при сооружении водозабора для водоснабжения нового микрорайона на Верхней Террасе, скважина № 7 стала газировать сероводородом...

Скважину ликвидировали без выяснения причин. Однако когда стали сооружать скважины на Архангельском месторождении, то сероводород стал появляться и здесь...

Для наших мест эти явления были неожиданными и загадочными... Как же оказался сероводородный газ в пресных подземных водах, циркулирующих на глубине 50-60 метров в четвертичных (самых молодых) горных породах?

...Много-много тысячелетий назад, когда Волга несла свои воды там, где сейчас находится Архангельский подземный водозабор, вероятно, произошла природная катастрофа, в которой погибло огромное количество животных, оказавшихся погребёнными под мощными слоями песка и глины. Об этом свидетельствуют многочисленные обломки костей, поднятых из-под земли при сооружении артезианских скважин на водозаборе...

Шли тысячелетия. В речных отложениях гальки, гравия и песка стали циркулировать пресные подземные воды, а захоронённые органические останки, разлагаясь без доступа кислорода, превратились в сероводород и другие вещества. Часть газа улетучилась, а другая оказалась «запертой» между газонепроницаемыми горными породами-пластами, именуемыми в геологии стратиграфическими ловушками...

В этих ловушках и хранился газ до тех пор, пока рядом с ними не были пробурены водозаборные скважины.

Авторы о «Мономахе»

Краеведческий журнал «Мономах» позволяет соприкоснуться с историей нашего края, жизнью и благородными деяниями наших далёких и близких предков, с малоизвестными сведениями о своеобразных природных образованиях.

Так держать и впредь!

Юрий Осипов

Не исключено, что газ с содержанием серы оказался в водоносном горизонте путём миграции его из нижележащих пермских отложений, в толще которых залегают гипс. Залежи гипсосодержащих пород на самой границе Ульяновского Заволжья с Татарией залегают не очень глубоко. Разлагаясь в недрах, гипс и является, видимо, поставщиком сероводорода и других серосодержащих газов в пресные подземные воды, циркулирующие в вышележащих горных породах...

Подземная вода газифицирует

После ввода в эксплуатацию Ростовского подземного водозабора, который уже 35 лет обеспечивает питьевой водой объекты Ундоровской курортной зоны, сразу же стали возникать неожиданные сюрпризы...

Если в пробах воды, отобранных в скважинах, железо практически отсутствовало, то в санатории его содержание достигало предельной концентрации. Остроту проблемы разрешили специалисты Московской академии коммунального хозяйства. Оказалось, что ростовкинская подземная вода очень благоприятна для жизнедеятельности железобактерий. Пока подземная вода течёт по 16-километровому чугунному водоводу железобактерии превращают содержащее в ней растворённое двууглекислотное железо в нерастворимое оксидное, которое и выпадает в осадок красно-коричневого цвета, именуемого в обиходе ржавчиной. Она-то и создаёт массу неудобств для потребителей...

Но на этом сюрпризы ростовкинской воды не заканчиваются! Дело в том, что процесс образования оксидного железа сопровождается образованием и выделением из воды углекислого газа, который скапливается в верхних участках водовода, образует газовые «пробки», препятствующие продвижению воды внутри водовода, что зачастую нарушает водоснабжение посёлка...

Кстати, подземная вода на Ростовском водозаборе по качественным характеристикам имеет большое сходство с водой, низвергающейся в Малиновом овраге, так как в обоих случаях эти воды формируются в одном и том же водоносном горизонте – Нижневолжском ярусе Верхнеюрских отложений.

Газовый «завод» под землёй

Почти сорок лет назад, на северо-западной окраине рабочего посёлка Майна, около местного молокозавода

Ульяновское СУ треста «Промбурвод» осуществляло бурение водозаборной скважины № 48900. При сварке очередной обсадной трубы неожиданно на устье скважины вспыхнул газовый факел высотой более метра. Работы на скважине, конечно, прекратили и приняли всевозможные меры противопожарной безопасности. Газ горел несколько суток, а затем неожиданно погас...

Рядом и в округе ничего газосодержащего не находилось. Откуда же здесь оказался горючий газ, да тем более под землёй!?

Дело в том, что рядом с молокозаводом находились поля фильтрации, куда не один год сбрасывались сточные воды завода. В отходах переработки молока в избытке имеются азотосодержащие вещества. Частично сточные воды проникли в меловой пласт, залегающий здесь сравнительно неглубоко. В пласте без доступа кислорода органически связанный азот под действием анаэробных бактерий преобразовался в аммиак. Газ способен улетучиваться, но в данном случае из пласта исчез не весь газ. Часть его оказалась «запертой» в стратиграфической ловушке, в купол которой и попал бур, а скважина стала своеобразным вентиляционным каналом этого природного резервуара. Когда же газ выгорел, то факел исчез сам собой...

Попутный, но не бесполезный...

Более четверти века добывается в нашей области нефть. Сегодняшняя её добыча составляет почти миллион тонн в год. Вместе с нефтью из недр поступает и газ. Называют его попутным. С каждой тонной нефти извлекается и в большинстве своём тут же сжигается на факеле до 10 и более кубометров попутного газа, хотя он и является кладом ценнейших веществ: метана, этана, пропана, бутана, гелия, сероводорода, азота, углекислоты и т. д.

Углеводородные горючие составляющие попутного нефтяного газа по своей теплотворной способности превышают теплотворную способность нефти в 1,6 раза, бытового сетевого газа – в 2 раза, высокосортного каменного угля – в 2,5 раза и т. д. Несмотря на то что исходное сырьё для получения баллонного газа в области имеется, пропан-бутан продолжает завозиться из соседних регионов...

Мировой опыт показывает, что использование попутного газа в нефтехимической промышленности в 10-15 раз

эффективнее его применения в качестве топлива, так как попутный газ является исходным сырьём для получения синтетического каучука, этилена, метанола и т. д.

Сжигание попутного газа на факеле

«Кладовые» негорючего газа

50 лет назад геологи Ульяновской партии при разведке залежей песчаника возле села Каранино Сенгилеевского района обнаружили в шурфах природный газ. Он обычно появлялся на глубине 3-4 метра, когда проходчики вскрывали пласты кварцевого песчаника.

Химический анализ газа не производился. Однако было установлено, что он затрудняет дыхание, не поддерживает горение и представляет множество хлопот проходчикам при его удалении из шурфов... Также было отмечено, что он давал о себе знать только летом, а с наступлением похолоданий его появление не замечалось...

В отличие от горючих газов, которые довольно широко распространены в земной коре, скопления в недрах и выходы на поверхность негорючих газов в природе встречаются крайне редко. Проявления негорючих газов в шурфах и колодцах происходит в случае, когда из почвенных нитритов высвобождается и поступает в атмосферу свободный азот...

Азотные газовые месторождения известны в ряде регионов Предуралья. В нашей области выходы негорючих газов наблюдались в 1961 году около с. Екатериновка Барышского района...

Авторы о «Мономахе»

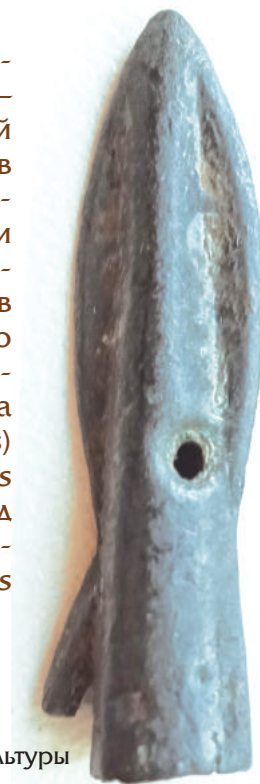
Быть гражданином и патриотом Отечества невозможно без любви и уважения к историческому, культурному и природному наследию малой родины. Журнал «Мономах» – самый лучший и обширный источник популярной краеведческой информации о Симбирском-Ульяновском крае. Журнал делает всё, чтобы ульяновцы знали, любили и гордились своей малой родиной. «Мономах» стал поистине краеугольным камнем, заложенным в основу формирования региональной идентичности жителей нашей области.

Дмитрий Семенов

Дмитрий Юрьевич Семенов – ихтиолог, кандидат биологических наук, доцент кафедры биологии, экологии и природопользования УлГУ, методист ЦДТ № 6. Молодой и активный автор журнала (сотрудничает с изданием с 2013 года) уже успел полюбовиться постоянным читателям «Мономаха». Почти все его статьи связаны с Винновской роцей – его родным районом города. Он с увлечением работает не только со студентами вузов, но и со школьниками, а также проводит экскурсии по Винновской роце для всех желающих.

Винновская роца в древности и средневековье

По археологическим данным, первые люди – человек работающий (*Homo ergaster*) – появились на территории современной Винновской роци около 1,7-1,8 миллионов лет назад (одно из самых ранних местонахождений каменных орудий на территории Евразии). Каменные орудия человека работающего зафиксированы в слое галечников древнего, ныне исчезнувшего Свяжского притока. Кроме того, в окрестностях Винновской роци найдены каменные орудия труда человека прямоходящего (*Homo erectus*) и человека неандертальского (*Homo sapiens neanderthalensis*). Около 30 тысяч лет назад здесь появились первые люди современного типа – человек разумный (*Homo sapiens sapiens*) – охотники на диких лошадей.

Наконечник стрелы ананьинской археологической культуры

В эпоху бронзы в середине II тыс. до н. э. на территории Винновской роци и в её окрестностях возникли поселения срубной культурно-исторической общности, которые располагались по берегам волжской протоки Чувич (в настоящее время затоплена водами Куйбышевского водохранилища) и вдоль устьев винновских ручьёв. Один из таких посёлков располагался в северо-восточной части роци на территории заброшенного рыбозавода, где была

обнаружена керамика и фрагменты костей животных. На этом же месте был обнаружен артефакт раннего железного века (VII – VI вв. до н. э.) – двулопастный наконечник стрелы листовидной формы с острым шипом на выступающей втулке, относящийся к ананьинской археологической культуре. Ананьинская археологическая культура существовала в одно время со скифами. Вероятно, данный наконечник был привезён с Кавказа или Нижней Волги (регион обитания скифов).

В пользу этого предположения говорит факт отсутствия на Верхней и Средней Волге находок литейных форм для этого типа наконечников. Такие наконечники использовались и для охоты, и для боя. Раны, наносимые ими, как правило, не были смертельными, но при попадании в тело животного благодаря шипу и слабому креплению (щепкой через отверстие, заметное на фото), наконечник становился неизвлекаем. Это в дальнейшем приводило к ослаблению жертвы, которая оставляла за собой кровавый след и тем самым облегчала поиски охотнику. Бронзовые наконечники в эпоху бронзы могли выполнять и функцию современных денег в качестве разменной монеты.

В Винновской роще известны также находки периода Волжской Булгарии (X–XIII вв.): скандинавская равноплечная фибула, монетовидная подвеска, фрагменты гончарной посуды и ручной жернов из белого известняка для помола зерна.

В районе Винновской роши расстояние между текущими в противоположных направлениях реками Свягой и Волгой всего около 1,5 км. Этим пользовались для переволака судов средневековые путешественники, перемещавшиеся водным путём – наиболее доступным и экономичным в то время видом транспорта. Можно предположить, что сначала суда заводились по системе запруд в овраге Большая Винна (располагается южнее горы, на которой находится современная беседка-памятник И.А. Гончарову) до участка, расположенного под современным аттракционом «Колесо обозрения», далее суда устанавливались на брёвна, колёса или волокуши и с помощью тягловых животных перемещались через водораздел из р. Волги в р. Свягу. Аналогичный маршрут для небольших судов, которые можно переносить на руках, мог проходить и в овраге Малая Винна (второе название – Фашинный овраг), расположенном севернее горы, на которой сейчас находится беседка-памятник И.А. Гончарову. Существует предположение, что на вышеуказанной горерасполагался небольшой дозорный пункт, контролирующий волок, на что косвенно указывают обнаруженные на этом участке фрагменты болгарской керамики,

Скандинавская равноплечная фибула

Булгарская монетовидная подвеска

а также монетовидная подвеска. Использование винновского волока позволяло судам двигаться не против сильного течения р. Волги, а сплавляться вниз по течению р. Свяги и тем самым ускорять путь из Нижнего в Верхнее Поволжье на 3-5 дней.

На месте нынешнего симбирского Венца располагалась крупная болгарская пограничная крепость Симбир, построенная для защиты южных рубежей болгарского государства от степных кочевников. Другой функцией крепости был контроль над волоком из р. Волги в р. Свягу.

В середине IX века между Западной Европой и тюркско-арабским миром сформировался торговый путь «из варяг в арабы», проходивший через побережье Балтийского моря, Северную Русь, р. Волгу и Каспийское море. В Хазарский Каганат, Багдадский Халифат

и другие восточные страны вывозились рабы, меха, мёд, воск и другие товары. Обрато везли серебряные монеты, пряности, китайский шёлк и тому подобное. Особенно активную военно-торговую деятельность на этой магистрали проявляли скандинавы, известные в Восточной Европе как русы. Из Балтийского моря в р. Волгу русы попадали через р. Неву, Ладожское озеро и далее по небольшим рекам и волокам в притоки р. Волги.

По одной из версий, название города Симбирска происходит от древнескандинавского «sinn bor» – «путь волока», обозначающего место переволаки судов из р. Волги в р. Свягу. Название урочища, данное скандинавами в IX – X вв., возможно, унаследовал болгарский посёлок, возникший во второй половине X века, затем – золотоордынский город, разрушенный Тамерланом в конце XIV века, и, наконец, русская крепость, построенная в середине XVII века.

Необходимо отметить, что в древности и раннем средневековье в германо-скандинавской, балтской и славянской мифологии существовал широко распространённый культ дуба, который чаще всего отождествлялся с богом грома – Тором, Перкунасом и Перуном соответственно. Принимая во внимание, что Винновская роща является классической нагорной дубравой, а также присутствие среди археологических находок вещей скандинавского происхождения и наличие рядом переволаки, можно предположить, что Винновская роща в указанный временной период могла выполнять функцию святилища и быть связующим звеном между земными и небесными мирами.

Лев Николаевич Нецветаев – доцент кафедры архитектурно-строительного проектирования УлГТУ, член Союза архитекторов России, член Союза художников России. Лев Николаевич – чуткий художник, эрудит, блестящий поэт и публицист. С первых лет существования «Мономаха» он на общественных началах был художником-оформителем журнала и поныне остаётся преданным другом и помощником редакции.

Игры нашего двора

Вселение нашей семьи в 12-метровую комнату в кирпичном доме по ул. Федерации, 33 (теперь 37) не обошлось без горячей словесной схватки. Через стену от этой комнаты жили Тарасовы. Тарасов-глава работал в банке. У них была одна большая комната, в которой они жили втроём с дочерью Розой, лет на пять старше меня. И вот дядя Вася Тарасов очень захотел завладеть и той комнатой, которую моему отцу уже официально пообещали. Видимо, он имел ключ, потому что к моменту нашего вселения на подоконниках дозревали их помидоры. При стечении соседей произошла бурная сцена, в ходе которой Василий Иванович патетически произнёс: «Я костями лягу за эту комнату». На что папа ответил: «Это надо было на войне делать», – и этим сразу завоевал симпатии всех соседей, ибо Тарасов на фронт «не ходил», в то время как у папы была жёлтая колодка тяжёлого ранения.

Но рассказ пойдёт о дворе этого дома – средоточии нашей мальчишеской жизни. Нам сильно повезло: по всей улице Федерации не было дворов, столь притягательных для пацанвы, как наш, и мальчишки из других домов не могли нам не завидовать.

Моё «мушкетёрство». Шпага – железная (подарок Андрюши Шербакова)

В нашем дворе было целых два густонаселённых дома: двухэтажный деревянный и кирпичный с обширным подвалом, в котором хранился картофель; в глубине был просторный двор, окружённый строениями складов, пустых и действующих. В его южном ряду первой была кузница – большое полутёмное помещение с характерным запахом горелого железа. Светились угли и пламя горна, стучал молот по раскалённым полосам металла, превращая его то в кочергу, то в дверную скобу, то в другой предмет людского обихода. Сюда же приводили лошадей для перековки, и кузнец, коренастый, небольшого роста (не помню его имени), зажав ногу лошади меж своих железных коленей, заколачивал гвозди в отверстия подковы. Лошадь временами дёргалась от боли, и он рывкал на неё, держа в зубах гвозди.

Уже одна кузница была бы слабой любого двора, но в нашем были и другие, не менее яркие приманки. Например, крутая деревянная лестница, ведущая на высокую площадку, лишённую перил, с дверью на чердак, откуда снежной зимой мы с замиранием сердца прыгали вниз в подготовленную кучу снега.

Авторы о «Мономахе»

«Мономах» – очень важная и дорогая часть моей жизни. С начала 1960-х годов, ещё студентом, я втянулся в азартное сотрудничество с газетными редакциями и много рисовал для «Ульяновской правды» и «Ульяновского комсомольца». Тогда требовались и рисованные плакаты к праздникам, и всевозможные рубрики, не говоря об иллюстрациях к фельетонам и регулярно выходившим литературным страницам. Через четверть века перестройка начисто вымела с газетных полос и рисунки, и литературу. И для меня не глотком воды, а буквально воскрешающим родником стало появление этого замечательного журнала. Каждый раз – новые темы и новые задачи для рисунков, а порой и заметки, и очерки. От мамы мне передавалась любовь к краеведению, а это основная направленность журнала. Если сюда добавить сердечную, буквально семейную атмосферу общения с его «водительницами», то можно представить, каким магнитом он был и остаётся для меня.

Лев Нецветаев

Как-то вечером мы прыгали с невысокой крыши «Водоканала» (его от нашего двора отделял только двор пекарни). Выбрав сугроб попухлее, я приземлился на него и взвыл от боли: это был чугунный котёл, несильно занесённый снегом. Дома, разумеется, об этом – ни слова. Лишь утром, когда мама для ускорения сама стала натягивать мне чулки (позабытая ныне деталь одежды), я не удержался от стога. Она стала допытываться о причине, но я был стоек, как партизан.

А одевала меня мама так рано, до школы, чтобы взять с собой в очередь – очевидно, за мукой, т. к. вдвоём можно было купить вдвое больше. Очередь вообще была яркой приметой послевоенного, да и более позднего времени. Вот в связи с ней вспомнился забавный момент. Неподалёку от нас жила женщина, страдающая тиком одного глаза (давняя контузия от молнии). И если она, заняв очередь, ненадолго отлучалась, то потом её просьбу впереди стоящим подтврдить законность её места встречали дружным: «Нечего подмигивать!»

Одним из любимых нами мест был просторный тёмный чердак, к которому и вела упомянутая вышка, над крупным старинным складом из красного кирпича. Пол, покрытый чуть ли не вековой пылью, ритмично перегораживали могучие сосновые балки, через них приходилось перешагивать, а детворе помельче – перелезть. Где-то мы добывали карбид (негашёная известь). Брошенный в воду кусок карбида шипел, образуя вонючую пену, и таял в ходе этого процесса. Впечатляющим развлечением было крошить кусочки карбида в бутылку, добавив туда воды, забыть заготовленной деревянной чуркой и ждать взрыва, спрятавшись за каким-либо укрытием. Надёжнее всего было делать это на чердаке, где никак не ожидалось появление взрослых. Источником воды мог быть только чей-то готовый к облегчению организм – так и было. Потом бурно шипящую бутылку «запечатывали» и разбегались, прячась за балками. Ожидание было томительным, но и высунуться было опасно: осколки разлетались, как пули.

В какой-то период милиция была частично «кавалеризована» – посажена на лошадей. И вот как-то зимой на нашей улице два конника обнаружили пьяного, и один из них спешил для охраны «объекта», а второй спросил: «Ребята, кто ездил верхом?». Я, как сын кавалериста, не мог упустить эту счастливую возможность и вскоре был

подсажен в седло. До стремян я, видимо, не доставал. Во всяком случае, когда лошадь неожиданно рванула галопом, они охлёстывали её по бокам, а я медленно, но верно стал сбиваться вбок, представляя себя уже под копытами, но ещё более страшась того, что лошадь влетит в какие-нибудь невысокие ворота, сделав меня двойником майн-ридовского всадника без головы. Но Бог милował: копыта меня не задели, я лежу на заснеженной мостовой, натянутая уздечка мёртвой хваткой зажата в кулаке, и лошадь гарцует вокруг поверженного горе-всадника.

Быт сороковых-пятидесятых. Мама с керосинкой в общем коридоре

Странно вспомнить, но мы довольно часто играли в смиреннейшую игру «ручечек» с непременно участием девчонок. Игра быстро надоедала, зато позволяла мальчишкам выразить симпатии своей избраннице.

Куда живее был «штандер». Водящий подбрасывал высоко вверх мячик и говорил «штандер, штандер...», выкрикивая при этом чьё-то имя. Названный должен был поймать мяч и крикнуть «штандер!». В этот момент игроки разбегались как можно дальше и замирали на своих местах. Новый водящий выбирал того, кто был к нему ближе, и, сделав несколько (оговорённых заранее) прыжков, старался попасть в него мячом. Если попал, тот становился водящим; если нет – ситуация повторялась. Хорошие бегуны были практически недосыгаемы. Игра учила и скорости, и меткости попадания.

Но самой увлекательной (чисто мальчишеской) была игра в деньги. Расцвела она на Пасху. Невзирая на все запреты, люди её праздновали, а ребяташки усердно «славили»: стучались

к соседям со словами «Христос воскрес!»). И разживались не только яйцами и конфетками, но и денежкой. А если есть деньги, как в них не сыграть?

Чаще играли «в пристенок». Ребром монеты первый ударяет по стене, дабы монета рикошетом отскочила на землю. Второй делает то же со своей монетой, стараясь рассчитать так, чтобы она упала как можно ближе к лежащей на земле монете «противника». И если пальцами растянутой пятерни он дотягивается от своей монеты до другой, он забирает обе, и всё начинается снова. Если же второй не добился успеха, обе монеты остаются на земле, а первый игрок новой монеткой делает то же самое: если успешно, то, забрав обе близко лежащие монеты, одной из них пытается выиграть и третью.

Другую азартную игру мы почему-то называли «с битка»: «С битка сыгранём?». Битой, или биткой, был тяжеловатый металлический предмет круглой или овальной формы: бляха, свинцовая отливка. У меня для этого имелся крупный медный пятак елизаветинских времён с надписью «Сибирская монета» производства братьев Строгановых – увесистая штука.

Далеко не весь состав юного населения нашего двора

Проводилась линия кона. Посередине этой линии составляли «пенёчек» из положенных друг на друга монет. Каждый клал по 10 или 20 копеек – как уговорятся – «орлом» вверх. Вторая линия была за несколько шагов от кона. От неё (в очередности жребия) бросалась битка с великим желанием попасть в стоящий на кону столбик (или пенёчек) монет. Когда бросающий успевал крикнуть «сбостав!», он имел право собрать в свою пользу все перевернувшиеся от удара монеты. Но соперники старались раньше его крикнуть «несот!» (сокращённое «несостав»), и в этом случае лежащие «решки» переворачивали на «орла», и бросающий старался ударом битки по краешку монеты перевернуть её на «решку» и выиграть монету. Если

же переворот не получился, битка переходила к следующему по очереди. Самые умелые были в выигрыше. Если же никто не попадал в денежный кон, то первым бил по нему тот, чья битка упала всех ближе к кону. Бьющий по столбику имел шанс ударить так удачно, что переворачивалось сразу несколько монет (они переходили в его карман). Он бил и дальше, до первой неудачи, после чего битка переходила к следующему (по близости броска).

Бывали у нас затеи рискованные, если не сказать – преступные. В здании нашей школы № 15 раньше размещалась полицейская часть, совмещённая с пожарными. Над зданием возвышалась деревянная каланча с постоянно маячившей там фигурой дежурного. И вот временами мы тихонько забирались внутрь каланчи (вход не запирался) и осторожно, стараясь не скрипеть, поднимались довольно высоко, но так, чтобы дежурный не успел нас догнать, если бы погнался. Вот мы уже слышим поскрипывание пола под его сапогами; тогда, по сигналу, мы орала изо всех сил, пугая полусонного от однообразия дежурного, и опрометью кидались вниз по крутой винтовой лестнице. К счастью, никто не срывался.

Были и другие глупые и рискованные выходы. Как я упоминал, в подвале нашего дома был овощной склад, имеющий небольшие окна-продухи с решётками – эти окна выходили на улицу возле самого тротуара. Метнув внутрь заточенный прут с длинной бечёвкой, можно было попасть в картофелину и вытянуть её. Помню, как, слегка вооружившись картофельными «снарядами», мы начали обстрел прохожих на противоположной стороне улицы. Занятие, безусловно, идиотское. Сделав «залп», все мчались в спасительные закоулки нашего двора. Однажды я слишком поздно заметил бегущего на меня мужчину. Он настиг меня уже во дворе и крепко отмолотил по голове. Я думал, что она у меня после этого распухнет, но нет – видимых последствий не осталось.

С ужасом и стыдом вспоминаю своеобразное «испытание смелости», навеянное влиянием нашего атамана Генки Гусева (два его старших брата то и дело «сидели», да и он потом продолжил эту традицию). К хлебному магазину, стоящему на углу Федерации и спуска к улицам Мира и Красноармейской, время от времени из пекарни подъезжал фургоныч с хлебом или булками (его подвозил от пекарни, расположенной наискосок, сам работник). Так вот, я, примерный

школьник и послушный сын, решил (днём! принародно!) украсть булку из этого фургона! Подошёл, цапнул – и что есть силы припустил за угол школы, потом на Островского, а там через двор, где жили Жадановы, влез на крыши сараев нашего двора, спустился и заперся с этой страшной уликой в деревянной уборной. Выбросить булку в то несъётое время не могло даже прийти в голову, и я, совершенно не желая есть, мучительно её жевал в далеко не «трапезном» интерьере. Это ужасное состояние заметно отбило охоту к подобным «испытаниям».

Дом № 33 на ул. Федерации (справа). Наши окна – боковые

В июне 2013-го я встретился в трамвае с Колей Семёновым, и он сказал, что мы это совершили вдвоём и по его инициативе. «Да ведь просто есть хотелось», – сказал он. Вспомнив тогдашнюю нищету их семьи, я поверил. Да, это я ел насильно, но не Коля!

А вот и ещё одно «мероприятие», которое было, как мы полагали, скорее актом возмездия за воровство, чем самим воровством. С крыши сараев мы наблюдали почти безлюдный двор пекарни и вдруг увидели, как озирающийся пекарь прячет в куче древесных стружек куриные яйца. И решили «реквизировать реквизированное». Нас было трое-четверо, я был старшим. Спустились не без страха во двор пекарни, подбежали к холму стружек, набрали яйца и рассовали их куда попало. И тут с ужасом увидели выбегающего разгневанного пекаря. Наши сараи позади, а забор и сарай «Водоканала» – рядом... Кидаемся к ним, я подсаживаю Игоря с Мишкой, теряю на этом время, взбираюсь сам на крышу сарая, а пекарь – следом, вот-вот схватит... Я стремительно прыгаю во двор «Водоканала», и меня словно бы сильным током передёргивает боль левой руки: и в локте, и в запястье она явно деформирована. Бреду домой, придерживая её: любое шевеление болезненно. Говорю родителям, что сломал руку.

Приехала «скорая» и забрала меня. Меня положили в коридоре и выдали великоватую одёжку, из-за чего при подъёме на «эшафот» (операционный стол) с меня свалились кальсоны. Кто-то из медиков позубоскалил: «Ну, ты, жених...». Потом – вага и запах хлороформа, и приказ: «Считай». Я каким-то уже далёким голосом сказал «раз, два, три...» и вырубился. Когда очнулся, рядом сидела медсестра. Меня вырвало, она продолжала сидеть, ожидая повторного извержения. Я сказал ей, что его не будет. «Откуда ты знаешь?». Я сказал, что мы неоднократно угорали, и потому я знаю...

Ох, эти угары! Папа, протопив печь, ради экономии дров стремился закрыть заслонку пораньше, и вот головная боль начинала ухать в ритме пульса, и голова словно бы раскалывалась от этих толчков. Таков был настоящий угар. Мы выбирались на морозную, без стёкол, общую веранду и сидели, как пингвины, не шевелясь, ибо малейшее движение усиливало нестерпимую головную боль.

Сразу за нашим дровяником налево была вышеупомянутая кузница, а напротив, на правой стороне двора, был спуск (ступеньки) к воротам продуктового склада. Эти полуподвальные двери открывались с появлением грузовика, нагруженного либо мешками с сахарным песком, либо ящиками карамели. Тут уж мы были начеку! Под видом помощи забирались в кузов и начинали разгрузку, норовя уронить ящик с конфетами на угол, дабы он треснул, и можно было пригоршню конфет сунуть в карман. Завскладом белёсый дядя Ваня вовсе не гневался на нашу «неловкость», а только говорил: «Взвесим...».

С сахаром было ещё проще: заточенный карандаш вонзался в мешок, рот прикинул к этой крошечной дырке – и сахарный песок засасывался внутрь, забывая дыхание. Так что время от времени нам перепали даровые углеводы. Где ещё можно было найти двор, равноценный нашему?

Выше упоминалось соседство нашего двора с пекарней. Пекари, которых, видимо, обыскивали в проходной, иногда перед выходом перебрасывали в тупичок между сараями пару горячих булочек. Поэтому мы регулярно проверяли этот закуток и порой бывали вознаграждены – за счёт, разумеется, раздосадованного пекаря, предполагавшего порадовать домашних. Но мы тогда не осознавали оборотной стороны своей удачи.

Авторы о «Мономах»

«Небесные посланники» – так называлась моя книга прозы, где прототипами рассказов и повестей выступили самые дорогие мне люди. На самом деле каждый человек, кого мы встречаем на жизненном пути, послан нам свыше. Судьба подарила мне много незабываемых встреч, но особенно щедрым на незаурядных и добрых друзей оказался период, связанный с работой в редакции «Мономаха». Это не только коллеги, авторы, краеведы, но и многочисленные герои статей и очерков, живущие в разных уголках страны и нашего региона. И я понимаю, что мне несказанно повезло: есть родной «Мономах», есть близкие по духу люди и есть дело, которому отдано почти 20 лет жизни. Очень надеюсь, что оно не пропадёт и даст добрые всходы.

Ольга Шейпак

Ольга Георгиевна Шейпак – главный редактор журнала «Мономах», заслуженный работник средств массовой информации Ульяновской области, лауреат Всероссийской литературной премии имени И.А. Гончарова. Сотрудничество с «Мономахом» начала в 1994 году и остаётся убеждённым сторонником главной концепции журнала и его девиза «С пользой для Отечества».

Мера наполненности

Этой осенью я познакомилась с удивительным человеком. Когда шла на эту встречу, уже знала, что Владимир Васильевич Дёмин открыл миру Людмилу Зыкину, Ольгу Воронец и других, чьи имена навсегда вписаны в историю нашей культуры. Я готовилась увидеть почтенного старика, но передо мной стоял моложавый, с красивой осанкой мужчина. Открытая улыбка, горящие глаза, порывистость движений – всё выдавало в нём незаурядного человека, режиссёра, артиста, музыканта.

В.В. Дёмин на рабочем месте. Москва, "Народное радио", 2005

Владимир Васильевич бывал в Ульяновске, любовался волжскими просторами с Венца, а ещё на волжском теплоходе у него родилась идея сценария фильма-концерта о не известной ещё никому Ольге Воронец, которая, стоя на борту, поёт о великой русской реке. Но – обо всём по порядку...

Владимир Дёмин родился в Барнауле, когда советская власть отмечала свой первый десятилетний юбилей. Мальчик с детства любил музыку и в седьмом классе создал

Владимир Дёмин (слева) с братом. Барнаул, 1929

в родной школе ансамбль песни и пляски, который уже через полгода принял участие в краевом смотре художественной самодеятельности и занял первое место. Он сам придумывал сценарий, подбирал репертуар для своего коллектива. Аккомпанируя себе на гитаре, исполнял старинные романсы, разные народные и популярные эстрадные песни.

Посмотрев детский приключенческий фильм «Сибиряки», Володя был потрясён игрой своего ровесника Александра Кузнецова, исполнителя главной роли, раздобыл его адрес и написал ему о своей мечте стать актёром. Неожиданно пришёл ответ от Саши Кузнецова, завязалась переписка, много дельных и добрых советов получил Володя от уже известного актёра. Забегая вперёд, скажем, что позже, когда Дёмин станет студентом ГИТИСа,

Кузнецов предложит ему свой кров и дружба их растянется на долгие годы.

Александр Кузнецов не раз бывал в Ульяновске, и о его судьбе стоит сказать подробнее. Он был очень известным артистом, но в конце 1940-х годов серьёзно увлёкся альпинизмом, поступил в Московский государственный педагогический институт имени Ленина – сразу на два факультета – географический и физического воспитания. Кузнецов оставил о себе память как писатель, учёный-орнитолог, альпинист, совершил более ста восхождений на вершины Альп, Кавказа, Тянь-Шаня, Памира, Алтая и Камчатки.

А теперь вернёмся в военный Барнаул, куда был эвакуирован Московский камерный театр, которым руководил Александр Таиров. Здесь же играла его супруга, гениальная актриса Алиса Коонен. Володя Дёмин был очень увлечён театром и проявлял всяческую заботу об артистах: возил им на саночках дрова, помогал по хозяйству. При театре была организована студия, здесь он получил первые уроки актёрского мастерства, сценического движения и первые роли. В спектакле «Пока не остановится сердце», поставленном по пьесе К. Паустовского, ему дали роль немца. Вот что он рассказал об этом спектакле:

– По сценарию немецкое командование требует от актёров играть спектакль, но они отказываются. Тогда немцы приказывают всем актёрам выйти на улицу. Зажжён костёр, и один из немецких солдат выхватывает из рук актрисы ребёнка и бросает его в костёр. Обезумевшую актрису – мать ребёнка – заставляют плясать у костра... Роль этой актрисы в спектакле исполняла Алиса Коонен. Я играл немца, который хохочет в самый трагический момент сюжета. Страшная сцена... Даже у нас, студийцев, было какое-то оцепенение от потрясающей игры Алисы Георгиевны... После спектакля она сказала мне: «Володя, ваш клокочущий хохот очень помог мне вжиться в образ».

Школу Дёмин окончил в 1944 году. Верный своей мечте, он написал заявление в ГИТИС, но ответ не пришёл. Тогда Володя решил поступать в Ленинградский театральный институт, который находился в эвакуации в Новосибирске. Выхватить во время войны из города без вызова было невозможно, а из Новосибирска пришла телеграмма: «Не выезжайте приём окончен». Телеграфная лента наклеивалась на бумагу, и сообразительный юноша, недолго думая, оторвал «не» и приклеил в другое место. Получилось: «Выезжайте приём

не окончен». И с этой телеграммой выехал в Новосибирск. Там пришлось во всём признаться. Руководство хохотало от души, а потом всё-таки собрали комиссию. Владимира читал стихотворение С. Щипачёва «На рассвете», написанное от лица украинского мальчика, у которого убили маму. Во время чтения абитуриент заплакал – его, конечно же, приняли.

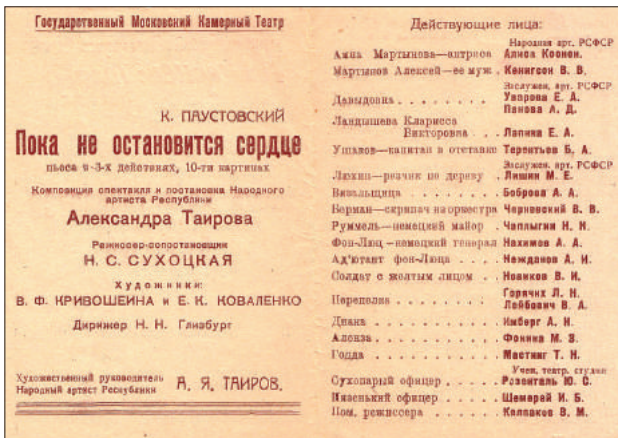
Проучился он в театральном институте недолго: позвонила из Барнаула мама и сказала, что из ГИТИСа пришёл вызов (шла война, и письмо где-то долго лежало). Владимир засобирился в Москву. Теперь у него была справка, что он – студент первого курса Ленинградского театрального института, но не было билета. Выручила гитара. Кто-то из пассажиров попросил его спеть, и он не отказался – песня всегда была ему в радость. Вошёл контролёр, проверил у всех билеты, а артиста отвлекать от искусства не стал: душевно поёт...

«А что было бы, если б меня сняли с поезда?» – пожимает плечами Владимир Васильевич спустя семьдесят лет.

В ГИТИСе ему сказали, что первый курс уже набран, его ведёт Белокуров: можно подождать, когда он освободится, и поговорить с ним. И юноша уговорил Владимира Вячеславовича послушать его. Дёмин понравился руководителю курса: он прекрасно пел и читал, легко держался на сцене. В тот день Белокуров спешил на спектакль, в котором был занят, – он играл во МХАТе главные роли. Мастер взял чистый листок бумаги и в левом верхнем углу написал: «Прошу принять на актёрский факультет Белокуров», бросив на ходу: «А теперь пиши заявление». Так виза зачисления была поставлена раньше, чем написано заявление.

Владимир Вячеславович Белокуров – почти наш земляк, он родился на берегах Волги, в деревне Нижний Услон Татарской губернии, свою актёрскую карьеру начинал в Казанском драматическом театре. В 1951 году В.В. Белокуров стал лауреатом Сталинской премии, а в 1965 году – народным артистом СССР.

С искренней благодарностью вспоминает Владимир Дёмин своего великого мастера. Быстро пролетели годы учёбы. Сначала выпускник ГИТИСа служил в Московском гастрольном реалистическом театре, затем – в Гастрольном Бюро СССР – ведущим программ. И тут судьба столкнула Владимира Дёмина с выдающимися актёрами и музыкантами: Борисом Бабочкиным, Петром Алейниковым,

Программка спектакля Московского камерного театра под руководством народного артиста РСФСР Александра Таирова по пьесе К. Паустовского «Пока не остановится сердце». В главной роли – народная артистка РСФСР Алиса Коонен. В списке артистов, играющих немецких солдат и офицеров, – Владимир Дёмин. Барнаул, 1943

Деборой Пантофель-Нечецкой. Вот как он сам вспоминает то время:

– Я был очень юн, и когда впервые отправился на гастроли со звёздами, очень волновался. Получил на артистов билеты, подхожу к поезду и замер от страха: кто я такой? Наконец, кое-как собрался с силами и подбежал к группе – сыграл, будто запыхался. Но талантливые люди просты в общении. Мы с пианисткой Ниной Афанасьевой заняли свои места в купе, и она говорит мне: «Дебора Яковлевна не позволит здесь ехать – заберёт нас в мягкий вагон». И действительно, вскоре она прислала за нами одного из музыкантов, и мы пересели в её купе. Не успел я расположиться на второй полке, как Дебора Яковлевна предложила перекусить: сама накрыла стол и даже разлила по стопочкам коньяк. А ведь она уже была народной артисткой, лауреатом Сталинской премии. Пантофель-Нечецкая – это необыкновенной красоты колоратурное сопрано! Когда она распевалась в гостинице, к её двери сбегался весь обслуживающий персонал.

Со многими знаменитыми артистами сталкивала Дёмина работа, и со всеми он сохранял тёплые, дружеские отношения. Тесная дружба связывала Владимира Васильевича с актёром Борисом Андреевичем Бабочкиным.

– Как-то оказались мы с ним на гастрольях в Саратове, – рассказывает Дёмин. – А это – малая родина Бабочкина. Выдалось свободное время, и мы отправились на рыбалку. Надо было перебраться на лодке через затон. «Попроси рыбаков, – говорит Борис, – мне неудобно, узнают...». Скромный он был человек. Я пошёл к рыбакам: «Перебросьте нас через затон». «Кого это нас?» – передразнили они, а я отвечаю: «Четверых, один из нас – Чапаев». – «Чапаев же умер!» – «Да нет, вон сидит!». Они глядят – и правда, Чапаев! Обрадовались, засуетились... Не забыть мне и нашей с Бабочкиным поездки на теплоходе по Волге. Борис Андреевич очень любил Волгу. Я сидел, слушал его рассказы и жалел, что не захватил программу спектакля «Чапаев», в котором тоже играл Чапаева – то была моя первая главная роль. Нетрудно догадаться, с кого рисовал я своего Чапаева. И вот он рядом, легендарный Бабочкин! Мы сидели на палубе и пели его любимого «Чёрного ворона».

Владимир Васильевич Дёмин работал в Государственном комитете СССР по телевидению и радиовещанию, когда ему поручили сделать передачу о хоре Гостелерадио. Руководил русским

Автограф Ольги Воронцев на пластинке, подаренной В. Дёмину: «Милый Володечка! Я восхищаюсь твоим энтузиазмом и желанием помочь ближним своим. На память дарю эту пластинку в знак уважения и дружбы. Ольга Воронцев. Москва, 16.02.65»

Ольга Воронцев, Владимир Дёмин и Надежда Грибкова. Москва, 1969

С Людмилой Зыкиной у В.В. Дёмина дома. (Любили петь дуэтом студенческие и задушевные песни.) Москва, 1965

В роли пастора в спектакле «Дуэнья» Р. Шеридана. Львов, 1953

Автограф Анатолия Лошака на афише: «На добрую память истинному ценителю певческого искусства Владимиру Васильевичу Дёмину».

Анатолий Лошак – народный артист России, один из лучших в мире «вердиевских» голосов (стажировался в миланском театре «Ла Скала» у Карло Бергонци), солист Московского академического музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко

Владимир Дёмин и Александр Кузнецов на съёмках фильма «Глинка». 1946 год. Этот фильм вышел на экраны в 1947 году с участием знаменитых актёров: Бориса Чиркова, Петра Алейникова, Валентины Серовой, Михаила Державина

народным хором Николай Васильевич Кутузов, а солисткой была его жена – Екатерина Семёнкина. Молодой режиссёр, придя на концерт, выделил среди хористок яркую девушку и решил взять у неё интервью, чтобы она рассказала о коллективе, в котором работает.

– Я спросил у Кати Семёнкиной, кто эта девушка и можно ли взять её телефон, – вспоминает Владимир Васильевич. – «А, да это Людка Зыкина, – ответила Катя. – Запишите телефон, но не говорите, что это я дала». Тогда она была ещё Людка...

Познакомившись с Людмилой Зыкиной поближе, Дёмин убедил её уйти из хора и начать сольную карьеру, и вскоре она устроилась в Московский концерт. Но первое её сольное выступление в Октябрьском зале Дома Советов прошло неудачно: на третьей песне у Людмилы пропал голос. Она была в отчаянии.

– К тому времени мы уже подружились, и я решил поддержать её: предложил подготовить большую сольную программу с оркестром Осипова, – продолжает свой рассказ Владимир Васильевич. – Я вызвался написать сценарий, в котором бы через песню отразились женские судьбы в разные исторические эпохи – от крепостного права до наших дней. Людмила Георгиевна уехала на гастроли, а я засел за сценарий. Композитор Захаров написал музыку, которая связала в единый музыкальный контекст все отобранные песни, а художник-декоратор Мамонтов нашёл очень удачное решение для оформления: на марлевых полотнах были нарисованы берёзы, оркестр находился на заднем плане, а Зыкина выходила будто бы из-за берёзок. Песенная программа называлась «Тебе, женщина». Когда я предложил Зыкиной включить в программу песню «Все люди спят, лишь мать не спит», она испуганно замахала руками: «Нет, эту песню сама Архипова пела! Там такой сложный вокализ – это будет жалкое

подражание». Но я сказал ей: «А ты не пой, ты – рыдай!»

Концерт прошёл в Колонном зале и имел ошеломляющий успех. Вскоре программа была записана на Центральном телевидении, и наутро исполнительница проснулась знаменитой. С этой программой в короткий промежуток времени Людмила Зыкина выступила во всех престижных концертных залах страны и стала лауреатом Государственной премии СССР.

А Владимир Васильевич продолжал работать на радио. Как-то к нему подошла коллега по радио Жанна и попросила послушать одну девушку. Дёмин согласился. Он сидел на записи очередной радиопередачи, когда Жанна сообщила, что Ольга Воронец и её муж, баянист Рафаил Бобков, уже пришли. «Ждите в зале. Пусть распевается». – «Она уже распелась». – «Пусть ещё распевается».

– Закончили писать передачу, вхожу в зал, – рассказывает Владимир Васильевич. – Стоит тоненькая девушка в вишнёвом платье – очень красивая. Запела – дух захватывает. Жанна мне шепчет: «Сегодня ещё лучше поёт, чем в тот раз, когда я впервые услышала». И я сразу же загорелся помочь ей с новой программой. В итоге сделали не одну программу. Подружились, стали общаться...

Однажды Ольга Воронец обратилась к нему с просьбой помочь с телевизионной программой: «Владимир Васильевич, предлагают снять документальный фильм обо мне. А я только тебе доверяю: ты меня знаешь и сделаешь хорошо. Помоги!»

Дёмин согласился, но никак не мог найти интересный ход подачи материала. Предстоял отпуск, и он отправился на теплоходе «Юрий Долгорукий» по маршруту «Москва – Астрахань». Вопрос, как сделать программу для Ольги Воронец, не отпускал ни на минуту. Владимир Васильевич знакомился с волжскими городами, побывал

в Ульяновске, и где-то здесь, у берегов разинского размаха, неожиданно созрело решение... Он стоял на палубе, любясь пейзажем, когда услышал песню о Волге – её пела одна из отдыхающих. «Я же слышал голос Ольги Воронец – её песню о Волге! Вот с чего должен начинаться рассказ о певице», – подумал Дёмин и помчался в каюту, к пишущей машинке. Так родился будущий сценарий фильма-концерта, открывшего миру новую звезду – Ольгу Воронец.

Действие фильма начинается на теплоходе, где Дёмин подходит к незнакомой девушке, которая поёт: «Далеко степь за Волгу ушла». «Вы волжанка?» – спрашивает он её. «Нет, я из Смоленска». После премьеры фильма-концерта Ольга Воронец и её муж Рафаил пригласили Демина в гости – отпраздновать это событие. Он начал отказываться, но Ольга нашла аргумент: «Клавдия Ивановна ждёт, уже и стол накрыла». Владимир Васильевич опешил: «Какая Клавдия Ивановна?» – «Да Шульженко, соседка и друг семьи».

Тут уж было не до отказа! Заехали за женой Демина и направились к Воронец. А там уже хозяйничала Клавдия Шульженко – она специально, чтобы вовремя накрыть стол для Олиных гостей, вырвалась из подмосковного санатория. Стали благодарить и осыпать комплиментами Клавдию Ивановну, и она рассказала, как добиралась. Когда она вышла к воротам санатория, там стояла правительственная машина. Шульженко попросила водителя подвести её, но он резко ей отказал. И вдруг вышел сам чиновник: увидев любимую певицу, бросился её обнимать, и водитель понял, что оплошал –

не узнал, начал извиняться. В Москву они её, конечно же, доставили.

После той премьеры прошли совместно созданные десятки, сотни передач с Ольгой Воронец. А недавно её не стало.

– Мы были дружны до самого конца, – признался, тяжело вздохнув, Владимир Васильевич. – Последнее время, правда, общались в основном по телефону. Всё обсуждали: телепередачи, фильмы, книги, рецепты... Это для меня тяжёлая потеря. Четыре года назад не стало Людвы Зыкиной, теперь и Ольга ушла от нас.

С Людмилой Зыкиной они также постоянно созванивались, до последнего дня. А увиделся на её юбилее. Она пригласила Демина на банкет в «Метрополь», где собрался весь цвет российской эстрады. Людмила Георгиевна уже не вставала, была в коляске. Он к ней подошёл, она обрадовалась, протянула к нему руки – слёзы в глазах. Он взял её руки, приложил к своим щекам. Не было слов, были её глаза – добрые и благодарные... И столько в том молчании таилось чувств, признаний... Владимир Васильевич поцеловал её руки и ушёл – на банкет не остался. Понимал, что дни её сочтены...

Владимир Дёмин никогда не расставался с песней. Он был первым исполнителем знаменитой песни «А у нас во дворе», побывал с концертами почти во всех уголках большой страны, его выступления проходили на многих погранзаставах. Уместно вспомнить и такой важный факт его биографии: в 1957 году В.В. Дёмин подготовил концертную программу VI Всемирного фестиваля молодёжи

и студентов в Москве (он был автором сценария и режиссёром) и даже написал гимн фестиваля.

До недавнего времени Владимир Васильевич работал на Народном радио, а параллельно – с иновещанием, где ставились радиоспектакли по русской классике на английском языке. На Народном радио и по сей день идут по воскресным дням, в 9 часов утра, его передачи «В мире прекрасного». Совсем недавно у него дома была записана передача с дочерью Руслановой – Маргаритой, с которой Дёмин дружит уже много лет.

– Надоели эти кричащие шоу о Руслановой, Воронец, Зыкиной, – признаётся Владимир Васильевич, – то бриллианты делят, то квартиры, генетические анализы проводят, доказывая наличие детей незаконных. Вот и решили мы с Маргаритой рассказать о величайших артистах, которых надо ценить и помнить за их творчество.

Общий стаж работы В.В. Демина на радио – 56 лет! Он связал свою судьбу с журналистикой в молодости, потому в 1960-е годы решил получить ещё одно высшее образование и пошёл на факультет журналистики полиграфического института. Его педагогом был великий лингвист профессор Дитмар Эльяшевич Розенталь, автор многочисленных трудов и учебников. И в институте Дёмин находил время делать концертные программы, сам пел. Розенталь очень любил его и как студента, и как артиста, певца. Видимо, от него Владимир Васильевич заразился любовью к родному языку: его речь безукоризненно чиста, красива и богата, голос отточен, каждый звук выверен.

И всё же главное достоинство Владимира Демина – его умение хранить память. К сожалению, многим нынешним деятелям культуры это несвойственно. Незамеченным в масштабах страны остался юбилей уникальной актрисы Алисы Коонен, забываются имена великих певцов и актёров – того же Александра Таирова, с именем которого связаны театральные сезоны в симбирском театре начала XX века. Так обкрадывается национальная память, мелеет океан русской культуры.

«Жизнь моя проходит наполненно», – подытожил в конце нашей беседы Дёмин. Наполненно – значит, бесполезно. У каждого из нас своя мера пребывания на земле, своя мера наполненности, и если первая зависит от Бога, вторая – от человека, который сам решает, как ему распорядиться дарованными пятью талантами.

Ольга Воронец с Иваном Суржиковым в гостях у Владимира Демина. Москва. 1997

Ирина Львовна Зубова – кандидат философских наук, доцент УлГУ, автор многих научных статей по истории и культуре нашего края. Ирина Львовна – вдова выдающегося подвижника культуры Александра Николаевича Зубова, много лет возглавлявшего музей-заповедник «Родина В.И. Ленина», и ей близко и дорого всё то, что можно назвать достоянием региона. Сотрудничество Ирины Зубовой с журналом «Мономах» началось недавно, но редакция верит, что оно непременно продолжится и окрепнет.

Авторы о «Мономахе»

«Мономах» – краеведческий журнал глобального масштаба. Он соединяет Времена, Пространства, Поколения, дает опору для нашего существования и инновационного развития.

Ирина Зубова

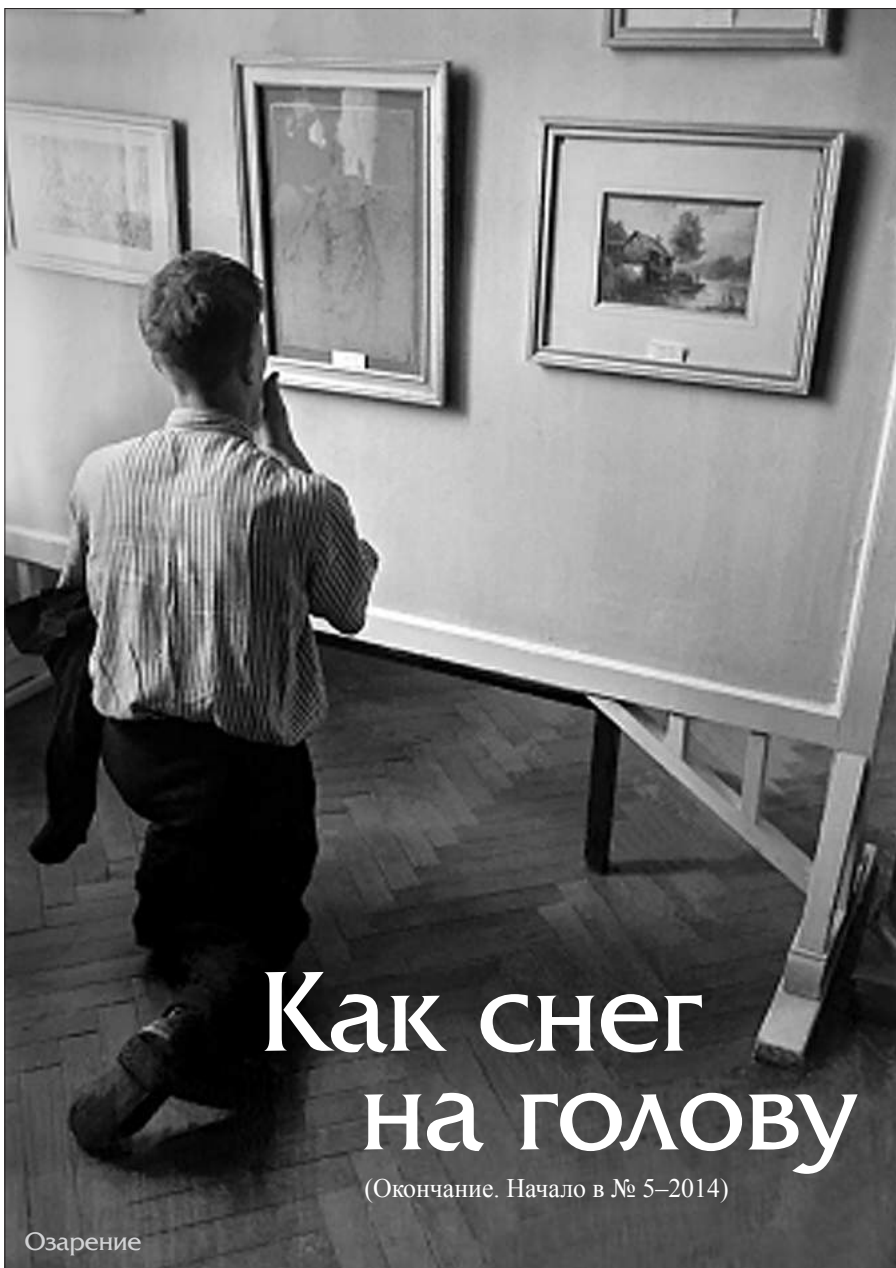

Фото С. Заволокина

Авторы о «Мономахе»

Путь умножения духовных ценностей вызывает чувство восторга. Журнал тематически богатый и интересный. Симбиряне достойны, чтобы о них рассказывали.

Леонид Лазарев

Как снег на голову

(Окончание. Начало в № 5–2014)

Озарение

Леонид Николаевич Лазарев – известный российский фотохудожник. В конце 1950-х годов как фотокорреспондент начал работу в журнале «Советская женщина», позже – в «Кругозоре». Неоднократно был лауреатом этих журналов. В 1962 году получил звание лауреата на Всесоюзной выставке художественной фотографии и, по мнению зарубежной прессы, попал в список лучших фотографов мира. В 1974 году стал лауреатом премии Международного фотоконкурса журнала «Новое время». В 1977 году Леонид Лазарев окончил ВГИК, кинооператорский факультет. Как фотограф-постановщик участвовал в создании спектаклей Росконцерта СССР.

В 2010–2011 годах персональные фотовыставки прошли в Нью-Йорке и конгрессе США, а Третьяковская галереяполнила своё собрание его фотоработами.

Леонид Лазарев внезапно ворвался в фотоискусство. Он пришёл быстро и навсегда, избавив себя от длительного и поэтапного приближения к цели. Планка сразу оказалась поднятой на максимальную высоту. Можно сказать, что подобно парашютисту, на созданном им фотоизображении он, «как снег на голову», попал в мир прекрасного. Свой рассказ о фотохудожнике, начатый в журнале «Мономах» № 5–2014, продолжает Ирина Зубова.

В 1958 году в Ульяновске Леонид Лазарев родился как фотохудожник. Рождение человека в новом качестве обусловлено всей предшествующей жизнью, но именно в Ульяновске все обстоятельства сложились счастливым образом в единое целое, открывающее дар творческого восприятия мира, которое художник призван нести людям.

Снимки, сделанные в Ульяновском областном краеведческом музее, рассказывают о состоянии восторга, озарения, выбора пути.

Возвышенное состояние души переживали не только юные посетители музея, попавшие в кадр, но и сам автор. Прошло более чем полвека, однако обстоятельства и атмосферу, царившую тогда в храме искусства, признанный в мире мастер фотографии помнит в деталях. Он специально не просил своих героев занять то или иное место в интерьере, принять нужную позу. Уже тогда Леонид Лазарев выработал для себя правило, следование которому в значительной степени гарантировало успех. Профессионал не имеет права командовать, должен уважительно и даже с любовью относиться к персонажу – объекту съемки. Необходимо тактично, исподволь, не привлекая внимания, поддерживать естественное непринужденное поведение участников фотографического действия. Соблюдение этого, на первый взгляд крайне простого кредо, требовало от исполнителя незаурядных физических сил и интеллектуальной энергии. Во время работы приходилось мгновенно проявлять реакцию, поймать нужный момент и постоянно двигаться, то подходить ближе, то удаляться, приседать. Любимый фотоаппарат «Ленинград» было удобно держать в руке, он снабжён удобным видоискателем, мгновенно выполняет команду на спуск. Последняя характеристика выгодно отличает его от современных цифровых камер, работающих с замедлением. Но в его конструкции отсутствовал объектив с переменным фокусным расстоянием. Оператор, снимающий в режиме реального хода событий, компенсировал этот недостаток быстротой

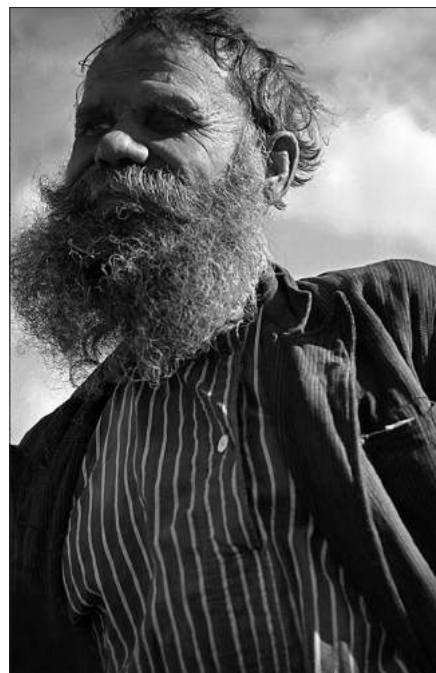

Будущие художники

своих движений. Уже после часа такой напряжённой работы накапывала усталость, приходило ощущение разбитости. Сейчас, признается Леонид Лазарев, он сам удивляется своей удаче в Ульяновске. Для её повторения нет прежней энергетики, да и трудно найти, подобные музейной, сцены искреннего удивления, неподдельного желания проникнуть в мир культуры современной жизни. Фотохудожнику хотелось бы узнать, насколько судьба проявила благосклонность к его потрясающим героям.

В Ульяновске, вспоминает Леонид Лазарев, в его сознании постоянно всплывал образ бурлаков И. Репина, а в ушах звучал голос Ф. Шалапина, тянувший знаменитую «Дубинушку». Эти представления подкрепились снимками, сделанными в порту. Среди них портрет «Волгарь». Именно так, решил московский житель, выглядит типичный волгарь, достойный литературного описания: коренастый, жилистый, немолодой мужчина, в котором чувствуются жизненная мощь и сила.

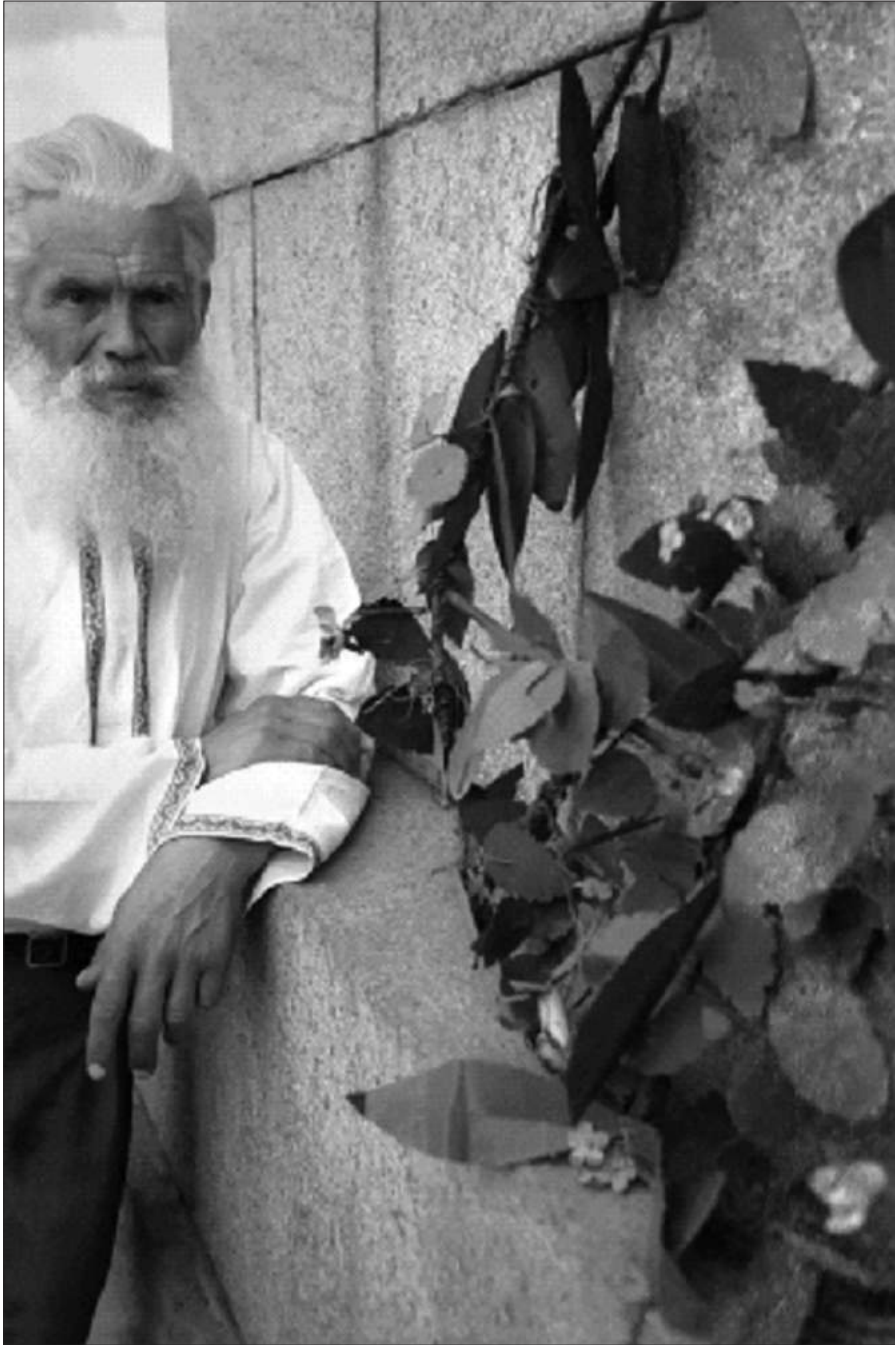
К разряду работ, имеющих художественную ценность, Л. Лазарев относит и портрет старика на фоне пьедестала памятника Ленину. Крепость характера пожилого человека сочетается с прочностью гранитного

Волгарь

постамент. Старик – сельский житель, такой же крепкий и выразительный, как волгарь. На таких простых из народа людях испокон веков держалась вся Россия.

В Ульяновске рождаются сильные люди не только в народной среде. Ульяновск – родина В.И. Ленина.

Старик

Много раз, не жалея дорогостоящей плёнки, столичный житель фотографировал памятник В.И. Ленину на площади, но получалось обычно. Пришлось мобилизовать знания по технике фотографии, по композиции, чтобы передать грандиозность мысли и воли этого человека, создать шедевр чёрно-белой фотографии. Метод съёмки – ракурс с нижней точки, контраст цвета, усиление эффекта. Впоследствии ему доводилось фотографировать по заданию редакции журнала «Кругозор» другие памятники В.И. Ленину, например, на Финляндском вокзале,

но превзойти по выразительности и убедительности законченное произведение на заре карьеры не удавалось. Интересно, что именно на Брюссельской международной выставке 1958 года, для которой трудился Л. Лазарев, вариант скульптуры, созданный М.Г. Манизером для нашего города, получил высшую награду.

Ответственность за своё дело приняла Л. Лазарева обнародовать изображения, прошедшие самый строгий личный контроль качества. Кадры, по его мнению не соответствующие высочайшим стандартам, он откладывает

В.И. Ленин

Колхозницы в областном центре

в сторону. Долгое время в его архиве хранилось отбракованное фотоизображение 1958 года «Колхозницы в областном центре». Оно относится к разряду жанровых, где делается акцент на людях. На дальнем плане снимка отчетливо просматривается здание торговых рядов, на месте которого будет построен универмаг – ЦУМ.

Только много лет спустя Л. Лазарев согласился, что снимок он недооценил. Журнал «Мономах» публикует его впервые.

Фото Леонида Лазарева

Авторы о «Мономах»

Уже 15 лет я сотрудничаю с журналом. И с той поры с нетерпением ожидаю каждый номер «Мономах». Всегда нахожу в нём что-то новое и из истории родного края, и из литературной жизни Симбирска-Ульяновска, и о наших знаменитых земляках. Не так уж много ныне таких журналов, которые остаются верными завету сеять мудрое, доброе, вечное. В наш суровый коммерческий век «Мономах» отстаивает исконно русские национальные ценности. Редакция журнала ведёт поиск новых талантов, поднимает актуальные темы культурной жизни нашего края. Желаю изданию и впредь придерживаться такого курса и благодарю коллектив журнала и всех авторов за те литературные подарки, которые они дарят читателям журнала.

Владимир Радаев

Владимир Иванович Радаев – заслуженный работник культуры РСФСР, историк, журналист, политолог. Большую часть своей жизни Владимир Иванович посвятил военно-патриотическому воспитанию молодёжи. Ныне он научный сотрудник Ленинского мемориала, где отвечает за тему «Роль ульяновцев в Великой Отечественной войне». Однако круг его краеведческих интересов гораздо шире, и в каждой своей статье перед читателями «Мономах» он раскрывается по-новому.

День СТАЛИНСКИХ СОКОЛОВ

Каждое утро я считал дни, оставшиеся до долгожданного праздника – Дня советской авиации. В том, 1950, году все мы – Михаил, Геннадий и я, ученики 9-й начальной школы Ульяновска, бесповоротно решили стать покорителями воздушного океана.

Уже неделю местный радиоузел каждое утро начинал с серии радиопередач: о предстоящих торжествах, о беседах и лекциях, проведённых в воинских частях, трёх военных училищах города и посвящённых роли Ленина и Сталина в развитии нашей авиации. В Доме офицеров состоялась встреча общественности Ульяновска с фронтовиками-лётчиками. Ветеранов Военно-воздушного флота приглашали на предприятия, в Дома культуры и клубы.

15 июля в клубе «УльЗИС» прошёл вечер Военно-воздушного флота. Лётчики Ульяновского аэропорта в честь праздника взяли обязательство завершить план годовых перевозок к 7 ноября. Безаварийная работа пилота 3-го класса Михаила Тренина – участника минувшей войны и орденоносца – была отмечена в статье «Ульяновской правды». Он налетал расстояние в 150 000 километров, совершая рейсы в качестве «скорой помощи» по доставке тяжелобольных из районов в областную больницу. Руководством аэропорта была отмечена и работа комсомольца Леонида Осина, бесперебойно доставляющего в районы почту и свежие газеты.

Все эти сообщения находили своё место в самодельном рукописном альбоме нашего «командира» Михаила Петрова и горячо обсуждались на «штабных заседаниях» у него в саду.

Утром 16 июля я прежде всего взглянул на барометр – синяя стрелка замерла между делениями «ясно» и «великая сушь» – значит, воздушный парад состоится. Но на все мои просьбы отпустить меня вместе с моими приятелями на аэродром за Свяигу мать ответила категорическим отказом (я недавно переболел простудой). Пилюлю подсластили – вечером мы с отцом отправимся на торжества в ЦПКиО им. Свердлова.

На первой странице праздничного выпуска «Ульяновской правды» был опубликован приказ министра Вооружённых сил СССР Василевского, поздравляющего личный состав ВВФ, ГВФ и всех граждан страны с Днём советской авиации. Всю верхнюю часть первой страницы занимал рисунок. На временной трибуне на аэродроме стоял товарищ Сталин в окружении трёх заслуженных пилотов. Иосиф Виссарионович обнимал пионера, в руках которого была модель аэроплана. Бесконечное людское море, собравшееся на аэродроме, пристально глядело на небо, в котором парили покорители воздушных стихий.

Вечером мы встретились в «штабе» и рассказали друг другу о том, что удалось посмотреть. На аэродроме местного аэроклуба побывали мои товарищи. Когда закончилась официальная часть (выступил секретарь Ульяновского горкома Норкин), они увидели

Послевоенный плакат

«Пятёрка» МиГ-15бис над МГУ. Август 1953 года. Фото Ю. Скуратова (из журнала «Крылья родины»)

демонстрацию авиамodelей кружка Дворца пионеров. Чемпионом аэроклуба по технике пилотирования моделей стал ученик Яблоков. Победителям в разных состязаниях вручал грамоты и призы руководитель авиамodelьного кружка Н. Подберёзкин. Вере Кузнецовой – за дальность полёта модели планера. Алексееву – за модель самолёта без хвоста с компрессорным двигателем. Самая оригинальная модель кружковцев – воздушный корабль «Летающее крыло» – была отобрана для участия во Всесоюзном конкурсе.

Ульяновские пилоты продемонстрировали повороты, «бочки», петли Нестерова и «мёртвую петлю». Их сменили планеристы Соколов и Борисов. Они то плавно снижались, то набирали высоту и, в конце концов, скрылись за горизонтом. 325-й прыжок с парашютом сделал мастер спорта Владимир Харитонов. Своё мастерство продемонстрировали члены аэроклуба чемпион по парашютному спорту Царапкин и Мелиза Новожилова. Мои друзья не сводили глаз с инструктора пилотов Героя Советского Союза С.Л. Индыка, участника Финской и Великой Отечественной войны. Для Геннадия, который впервые был на этом аэродроме, самым захватывающим оказался полёт в кабине лёгкого самолёта. Лётчики катали всех желающих посмотреть на город с высоты птичьего полёта бесплатно.

На следующий день я рассказал друзьям о выставке в летнем павильоне ЦПКиО им. Свердлова. Для моих товарищей стали новостью приведённые мною данные о проводимых

в сложных метеорологических условиях ночных полётах заслуженного аса Н. Новикова. Кроме точных цифр, свидетельствующих об успехах советской авиации, я описал модели всех самолётов, выставленных на стендах, двигатели моторов, гироскопы. Окончательно добил я своих товарищей, продекламировав стихотворение из «Ульяновской правды» «Родина крылатых» Сергея Васильева.

Повестка дня заседания «штаба», кажется, была исчерпана.

– А теперь дайте клятву, что никому об этом не расскажете!

Что могло быть крепче клятвы октябрят, готовящихся вступить в пионеры!

Михаил под страшным секретом рассказал нам, что в следующем 1951 году в Ульяновск будет переведена высшая лётная школа из Бугуруслана. И таким образом, снова, как это было в довоенное и военное время, в Ульяновске будет находиться авиационное учебное заведение, а близ Баратаевки за городом будет строиться новый большой аэродром. Мы чуть не свалились с облюбованных нами сучьев заветного вяза, услышав это. Много позже я узнал, что ещё в 1949 году маршал гражданской авиации СССР Жаворонков по совету начальника ГВФ легендарного лётчика Георгия Байдукова принял решение о переводе лётной школы из Башкирии в наш областной центр. Ходили слухи, что Герой Советского Союза И.Ф. Якуров, назначенный начальником-инструктором второго лётного отряда, в свою очередь рекомендовал Байдукову Ульяновск как место дислокации

высшего лётного учебного заведения. Иван Федотович, довоенный выпускник Ульяновской лётной школы, в годы Великой Отечественной служил на «летающих танках» – штурмовиках Ил-2 – под командованием Г.Ф. Байдукова. Кроме того, в Ульяновске были подходящие здания для размещения лётного состава.

Каким образом получил Михаил эту информацию, для нас до сих пор остаётся загадкой.

Послесловие

Из нашей троицы свою мечту о воздухоплавании осуществил Михаил Петров. Никакие чрезвычайные происшествия и травмы не смогли сбить его с раз и навсегда выбранного пути: ни авария на планере, ни отказ мотора самолёта, ни трижды (!) не раскрывшийся основной парашют (каждый раз его выручали запасные). Всего мастер спорта СССР осуществил более 3000 парашютных прыжков. Но, в конце концов, после очередной медкомиссии Михаил перешёл на работу инструктора по парашютному спорту и занялся подготовкой ульяновских десантников.

Геннадий тоже в какой-то степени стал причастен к авиации. Долгое время работал на авиационном приборостроительном заводе в Ульяновске. А мне, гуманитария, оставалось только слушать их рассказы об интересной работе и завидовать своим товарищам, которых в 1940-1950-е годы гордо именовали «сталинскими соколами».

Георгий Борисович Стоцкий – инженер-строитель, ныне на пенсии. Уроженец Сенгилея, постоянный читатель и автор журнала «Мономах», племянник выдающегося военачальника, генерал-лейтенанта Николая Александровича Гагена. Георгий Стоцкий много сил и времени посвящает сбору материалов о своей родословной, а также увековечению памяти знаменитого дяди.

Любовь Аврова, девушка с фотопортрета

Авторы о «Мономахе»

Журнал «Мономах» учит добру, любви к Отечеству, к родной земле, к своей истории, своим предкам. И мы должны понимать, что если не сможем всё это сохранить, у нас нет будущего. Надо очень серьёзно относиться к историческому краеведению и беречь наш «Мономах».

Георгий Стоцкий

«Мономаху» – 20 лет!

На обратной стороне портрета – дарственная надпись: «Петроград. 20.03.21. В знак памяти и глубокого уважения к Вам, Александр Карлович и Вера Ивановна, примите от меня мою фотографию. Привет всем Вашим. Л. Аврова».

Александр Карлович Гаген, мой дедушка, был управляющим имением графа Рибоьера в селе Промзино Алатырского уезда Симбирской губернии с 1901-го по 1917 год. Он много сделал для развития хозяйства и строительства в селе, создал добровольную пожарную дружину. Вера Ивановна – его жена – урождённая Орлова из Санкт-Петербурга.

Со слов их младшей дочери Зои, моей матери, известно, что Любовь Аврова дружила с их старшим сыном Николаем, который учился в 1910–1915 годах в реальном училище города Алатырь. Аврова училась в Алатырской гимназии и посещала семью Гаген в Промзине, так как была знакома и с Зоей, тогда ещё девочкой 8–10 лет.

Любовь Аврова – хорошая знакомая семьи Гаген по селу Промзино

В журнале «Мономах» № 1 за 2002 год была опубликована заметка Людмилы Дягилевой «Комендант Петрограда Авров». Уроженец Ардатовского уезда Симбирской губернии Дмитрий Николаевич Авров сражался с контрреволюцией в Симбирске и Казани, где был тяжело ранен и скрывался в Симбирске у сестры Марии Николаевны. Затем был переведён в Петроград и стал первым революционным комендантом, охранявшим главу правительства В.И. Ленина.

В нашем семейном архиве хранится фотопортрет с подписью «Л. Аврова», и я решил выяснить, кем эта привлекательная женщина приходится коменданту.

В 1915 году Николай добровольцем ушёл на фронт Первой мировой войны. Вернулся в Промзино только в конце 1918 года, а летом 1919 года стал служить в Симбирской краснознамённой школе. В 1912 году он женился на Храмовой Елизавете Григорьевне, и его отношения с Любью Авровой прекратились.

Мне же очень хотелось узнать, не родственница ли она Димитрию и Марии.

Но вот случайно среди старых тетрадей матери я нашёл три почтовые открытки. Две с поздравлением Зои Александровны и её семьи с Новым годом. В третьей следующая запись от 31/X – 81 г. «К сожалению, Ваша открытка не застала Любу в живых. Она скончалась 22/X – с. г. муж Л.Н. Авровой А. Романовский».

Значит, Димитрий, Мария и Любовь Николаевичи – родные брат и сестры.

Люба Аврова в 1920 году уехала в Петроград к брату, вышла замуж и жила там до смерти, изредка переписываясь с семьёй Гаген, а затем с семьёй Зои Стоцкой (Гаген).

Антон Юрьевич Шабалкин – ведущий архивист Государственного архива Ульяновской области. Без заминок и проволочек ответит на любой вопрос, касающийся истории Симбирского-Ульяновского края, или точно укажет адресата, у которого можно получить ответ. Все документы и фотографии содержит в исключительном порядке и за несколько секунд извлечёт с электронного носителя нужные сведения, прокомментировав их при этом самым полным образом.

Авторы о «Мономахе»

В 1980–1990-х годах возникло огромное количество газет и журналов. Многие из них, просуществовав несколько месяцев, а то и меньше, благополучно канули в лету. Купив в 1994 году очередной новый журнал в чёрной глянцево-обложке с надписью «Мономах», подумал: неплохо, но вряд ли за первым номером последует второй... К счастью, я ошибся. Спустя три года журналистка Инна Буганина привела меня в редакцию, и я впервые опубликовался в «Мономахе». Во многом благодаря журналу доносили краеведческий материал до читателей наши великие краеведы: отец и сын Сытины, Жорес Александрович Трофимов, Мира Мионовна Савич, Борис Васильевич Аржанцев и многие другие. А сегодня «Мономах» празднует уже своё 20-летие. И тем, кто сомневается в его жизнеспособности, хочется ответить словами Рабиновича из анекдота: «Не дождётесь!».

Антон Шабалкин

Военная история строкой архивных документов

Государственному архиву Ульяновской области в 2014 году исполнилось 95 лет. В тиши его архивохранилищ на бумаге, пергаменте, шёлке, бересте, фотопластинах запечатлена история нескольких столетий. Шутка ли, самый древний документ датирован 1546 годом – до основания Симбирска оставалось ещё более столетия. Высочайшие грамоты и метрические книги, губернаторские постановления и журналы городской думы, пухлые судебные дела и чертежи городских строений – всего и не перечислишь.

Сегодня хочется начать рассказ о документах по военной истории Отечества. Немало кровопролитных баталий довелось пережить нашей стране. Но, как писал Пушкин: «...Перетерпев судеб удары, окрепла Русь».

Основная документация воинских частей, учреждений, училищ, госпиталей хранится в центральных архивах: Российском государственном военно-историческом архиве в Москве и Центральном архиве Министерства обороны РФ в Подольске. В областных архивах можно, как правило, найти документы не о самих сражениях, а об участниках боёв – в первую очередь, в личных и семейных фондах.

Разгильдяевская слава

В 1875 году князь Василий Иванович Баюшев, проживавший в Симбирске на Покровской улице, получил из департамента герольдии Правительствующего Сената Высочайше утверждённый «Герб рода отставного штабс-капитана князя Баюшева». Надо заметить, что оформить родовой герб было делом хлопотным и дорогостоящим, позволить которое могли себе далеко не все дворяне.

Герб князя Баюшева украшали корона, мантия, серебряные кони, рыцарские шлемы... А в центре, в гербовом щите наискосок располагалось «зелёное восточное знамя на червлёном древке в виде копья, украшенное сверху таковым же полумесяцем». Это знамя было боевым трофеем, добытым в Смугное время прапрапрапрадедом Василия Ивановича.

Тогда, в начале XVII века, Россию терзали поляки, литовцы, всевозможные самозванцы и авантюристы. А с юго-востока, пользуясь слабостью государства, вторглись ногайские орды. Кочевники стремительно налетали, выжигали целые селения, грабили, убивали, а здоровых и крепких пленников угоняли в рабство. Мордовский князь Баюш Разгильдеев (Разгильдяев) служил в ту пору в городе Алатыре. Собрав под своё начало «мурз и мордву и всяких служивых людей», он нанёс ногайцам решительный удар летом тревожного 1612 года близ мордовской деревни Чукалы.

Подвиг Баюша так описан в древней грамоте: «И как он Баюш пришёл на Чукалы, и тут с ногайскими людьми был бой два дня, и в деревне Чукалы от ногайских людей в осаде сидели,

и на вылазках много ногайских людей побили и переранили. Да и в Ардатовском лесу был бой с ногайскими людьми, и побили ногайских людей с пятьсот человек. Да и у них же, ногайцев, убили мурзу Курмамета, и знамя взяли, и их прогнали к озёрам, и многие от того побоя ногайские люди потопли, и отгромили у ногайских людей на том деле пленников семь тысяч».

Современный мордовский историк Владимир Кузьмич Абрамов отмечал: «Так закончилась эта битва, одна из крупнейших в стране в период Смутного времени. Организаторский и полководческий талант мордовского князя и доблесть его воинов спасли от смерти и рабства десятка тысяч русских и мордовских крестьян, оберегли юго-восточную окраину страны. Но главная заслуга Баюша в тот исторический момент российской истории заключалась в том, что он защитил тылы ополчения Минина и Пожарского, обеспечил возможность приступить к освобождению Москвы, способствуя, таким образом, воссозданию единого многонационального Российского государства».

Причём сам Баюш не прятался за спины своих ратников, а лично участвовал в битве: «...на том деле сбили с коня и отшибли у него на тем бою коня».

Два князя – Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и легендарный спаситель Отечества Дмитрий Михайлович Пожарский – «с товарищи, и по совету всей земли» пожаловали 24 января 1613 года Баюша Мурзу Разгильдеева «за многую службу и за отечество» в российские князья. Позже титул подтвердил, взойдя на трон, первый из Романовых – царь Михаил Фёдорович. А знамя, которое Разгильдеев отбил у Курмамета, украсило герб его дальнего потомка.

Герб рода князя В.И. Баюшева. 1875

Род князей Баюшевых из века в век служил оружием Российскому государству. Дед Василия Ивановича – Василий Степанович служил в 1758–1763 годах в сенатской роте и лейб-гвардии конном полку, а в 27 лет «за имеющимися у него болезнями» вышел в «отставку на своё пропитание» и поселился в селе Жедрино (ныне Кузоватовского района).

Кикины и «украинский узел»

Пока ещё мало изучен семейный фонд Кикиных. Этот старинный дворянский род вёл своё начало от Логина Михайловича Кикина, выходца из Польши, поступившего на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому. А среди тех государевых людей, на которых мог положиться молодой царь Михаил Фёдорович, был воевода Иван Фёдорович Кикин. Его семья в полной мере вкусила тяготы и ужасы начала XVII века. Племянник и тёзка Ивана Фёдоровича Кикина – Иван Семёнович, как гласят семейные хроники, был «убит на Коломне с Пятницкой башни на приступе от воровских казаков, как была на Коломне воровка Маринка расстриги Гришки Отрепьева жена». Речь идёт о Марине Мнишек.

Родным братьям Ивана Фёдоровича тоже не повезло. Сам он писался «Иваном Меньшим», поскольку старшего брата тоже звали Иваном, соответственно – «Большим». Однако Смута вскоре лишила Кикиных этого уточнения. «Иван Большой Фёдорович, – гласит семейная хроника, – убит на Москве в осаде блаженныя памяти при государе царе и великом князе Василье Ивановиче всея России, бездетен». Другой брат – Пётр Фёдорович – уже при воцарении Романовых попал в плен к татарам и «был в полону на каторге многое время», пока его не выкупили в Азове. Такая судьба семьи воистину живой и кровотокающий учебник истории...

Ивану Меньшому Фёдоровичу Кикину повезло больше. Его карьера складывалась успешно. В Смуту он не перебежал от самозванца к самозванцу, поэтому пользовался доверием молодого Романова.

1 мая 1631 года царь Михаил Фёдорович выдал грамоту воеводе Кикину быть с дворянами, детьми боярскими, новокрещёнными, казаками и стрельцами на городской службе в Кропивне (ныне село Черкасской области Украины). Собрав всех служилых людей, Кикин должен был устроить им проверку

и отписать в столицу. А потом: «промышлял бы еси нашим делом о всём по нынешнему наказу, и смотря по тамошнему делу» – гласит грамота. То есть царь доверял своему верному слуге действовать по обстановке.

На Украине и тогда было неспокойно, тревожили и крымский хан, и поляки, и другие европейские соседи. Поэтому не случайно Иван Фёдорович был командирован в Кропивен. Царский наказ предписывал: «...по посаду и по слободам ездить в день и в ночь беспрестанно для обереганья, чтобы в городе на Кропивне и в остроге на посаде и по слободам всё было бережно и стройно».

В следующее царствование военно-дипломатическими отношениями с Украиной занимался уже племянник Ивана Фёдоровича (сын татарского пленника Петра) Василий Петрович. Он стал фактически посредником между царём Алексеем Михайловичем и гетманом Богданом Хмельницким. Войско Запорожское и его командиры были людьми, мягко говоря, весьма своенравными и своевольными, поэтому Василию Кикину приходилось обладать изворотливостью дипломата и талантом разведчика.

Василий Петрович должен был извещать Хмельницкого о победах русского оружия над шведами и вести с ним переговоры о совместных действиях. В то же время Москва не до конца доверяла гетману. Тогдашние украинские лидеры, как и сейчас, активно искали контактов и союзников на Западе, что, разумеется, не нравилось Кремлю. И Василий Петрович Кикин по разным каналам тайно разузнавал о контактах украинцев, например с венграми, и доносил царю. При этом стольник не чурался разговаривать с рядовыми казаками, разузнавая, куда их направлял гетман и какой монетой с ними расплачивались.

Ситуация резко обострилась летом 1657 года в связи со смертью Богдана Хмельницкого. Сразу оживился, желая воспользоваться ситуацией, крымский хан Мехмед IV Герай. Царь Алексей Михайлович отправил на помощь запорожцам, «жалую их и не хотя их видеть в разоренье», русское войско. Кстати, среди военачальников, направленных на Украину, значится и основатель Симбирска Богдан Хитрово. Василию же Кикину предстояло координировать действия союзников и избегать конфликтов между «москалями» и «хохлами».

Кроме этого Василий Петрович зондировал почву – кто сменит гетмана Богдана? России было выгодно, чтобы

гетманская булава перешла к сыну Хмельницкого Юрию. Но, увы, 16-летнему Юрию Хмельницкому, избранному радой, бремя власти оказалось непосильным. И гетманом стал генеральный писарь Хмельницкого Иван Выговский, резко изменивший политический курс гетманщины. В союзе со вчерашними врагами поляками и крымцами он начал воевать с русскими войсками и украинскими казаками, сохранившими верность России.

В 1658 году последовал очередной «Наказ стольнику Василию Петровичу Кикину о переговорах с гетманом Иваном Выговским о разных беспорядках в Войске Запорожском; о разведывании о политических сношениях гетмана и об отношении к нему войска». Однако было уже поздно – на смену дипломатии пришёл грохот пушек и звон сабель. Впрочем, сами украинцы вскоре, подняв восстание, свергли Выговского. Но это уже другая история, из разряда непростых отношений между братскими славянскими народами...

Возвращаясь к роду Кикиных, перенесёмся в XIX век. Стоит упомянуть, что единственный уроженец Симбирской губернии, чей портрет украшает знаменитую Военную галерею Зимнего дворца, – дежурный генерал при ставке Кутузова в 1812 году, впоследствии сенатор, видный общественный деятель и меценат Пётр Андреевич Кикин – правнук Василия Петровича Кикина.

У генерала Кикина в родословных списках значится два имени: Варфоломей-Пётр. При крещении он был наречен Варфоломеем. Но данное священником имя плохо сочеталось с карьерой военного. И генерал-майор Кикин вошел в историю как Пётр Андреевич.

Помимо военного поприща он прославился, служа статс-секретарем по принятию прошений на высочайшее имя. Если Кикин считал, что император Александр I принял несправедливое решение по прошению, то возвращался, спорил с царём и иногда добивался пересмотра решения. К тому же, как меценат и один из создателей Общества поощрения художников, он оказал содействие великим русским живописцам Карлу Брюллову, Алексею Венецианову и Александру Иванову.

А вот поэтический талант своего племянника – Николая Языкова – почтенный сановник не разглядел... Что ж, и на Кикиных бывает проруха!..

Петровский воин Иван Шалимов

Настало время вспомнить добрым словом военные дела Петра Великого. Но рассказать не о славных полководцах – «птенцах гнезда Петрова», а об одном из множества честных служивых.

Шалимовы (в некоторых документах фамилия писалась через «е» – «Шелимовы») исправно служили царям на бранных полях. Отец Ивана – свяжежник Гаврила Захарович – воевал «под Смоленском и под Ригою и в литовских походах». А позже, поселившись в жалованном имении в Алатырском уезде, как и положено стрельцам, находился в полной воинской готовности. «Подмною конь, пара пистолей, да [...] человек в ношу [то есть оруженосец]», – сообщал Гаврила Шалимов в одном из документов.

Его средний сын Иван Гаврилович служил уже в новых, петровских регулярных войсках. В «сказке» (то есть показаниях) Иван Шалимов подробно расписал свою военную судьбу. Довелось ему ещё в рейтарах (конных войсках) ходить в Таванский поход и под Азов. Служил он, видно, неплохо, раз в 1701 году «по разбору боярина князя Бориса Алексеевича Голицына, из рейтар записан в драгуны». Тогда был сформирован полк полковника Семёна Ивановича Кропотова, с 1706 года он именовался Троицким драгунским полком и сыграл заметную роль в Северной войне. В том же 1701 году на Шалимова обратил внимание знаменитый фельдмаршал Борис Петрович Шереметьев и определил в каптенармусы. Каптенармус – унтер-офицерское воинское звание ведающего учётом и хранением имущества и выдачей провианта, а также оружием, снаряжением и одеждой.

Тогда же, в 1701 году, Иван Шалимов под командой Михаила Шереметьева, сына фельдмаршала, «был на баталии под Ряпиною мызою, против шведского майора Ряпина». А затем каптенармус Шалимов участвовал во многих баталиях Северной войны. Он бился в 1703 году под Нарвой, штурмовал в 1704 году Юрьев Литовский, в 1706 году совершал поход в Великую Польшу и воевал под Калишем, в 1708 году бился под Лесным – перечисляем лишь малую часть сражений, поскольку названия многих местечек и имена шведских генералов мало что скажут нашему современнику.

А вот русских фельдмаршалов, под чьим началом сражался Иван Шалимов, назвать стоит. Это уже упоми-

навшийся «Шереметьев благородный» и легендарный «светлейший князь Александр Данилович Меншиков» – тот самый «полудержавный властелин», ближайший сподвижник царя-реформатора. Довелось ли Ивану Гавриловичу Шалимову видеться с самим Петром I, документы не сообщают.

В 1705 году Шалимов был ранен в правое плечо, но вскоре вернулся в строй. В 1709-м он участвовал в ряде боёв, но вот в великой Полтавской баталии – не довелось. То ли полк проходил переформирование после прежних сражений, то ли бился на другом участке. Хотя, кто знает, окажись Иван под Полтавой, остался бы он в живых или нет...

В 1710 году Иван Гаврилович «был на баталии [...] при взятии Риги, Пернова и Ревеля». А в 1711 году отправился с Меншиковым в Померанские походы. Померания – историческая территория к югу от Балтийского моря. Была под контролем шведской короны, после Северной войны отошла к Пруссии. Ныне эти земли поделены между Польшей и Германией. Там-то, в Померании, и завершилась военная карьера каптенармуса Шалимова. По распоряжению светлейшего князя Меншикова и «по досмотру докторскому, за болезнью и за раны» было решено, что Ивану «в полевой службе быть не возможно». И был он отпущен осенью 1713 года из лагеря от города Штетина к Москве.

Далее цитируем царский указ, данный 25 ноября 1713 года из Военной канцелярии ротному каптенармусу Троицкого драгунского полка Ивану Гавриловичу Шалимову об увольнении его с военной службы:

«И в военной канцелярии он явился и осматриван, а по осмотру: правую ногу в колене свело; и ноября в 19 день послан он для лечения в гошпиталь; и в гошпитали, по осмотру дохтура Николая Бидлы, он, Иван, служить не может и лечить его нельзя, правою ногою не владеет». 23 ноября было указано, что Ивана «на службу высылать не велено покуль выздоровеет». Но при Петре каждый солдат и офицер оставались на строжайшем учёте. «Откосить» от воинской службы не давали даже очевидным калякам. И в указе была грозная приписка: «...А как выздоровеет и ему явиться в военной канцелярии вскоре; а буде выздоровеет, а в военной канцелярии вскоре не явится, и за то ему быть в смертной казни, а пожитки его, движимые и недвижимые, взяты будут на Великого Государя бесповоротно...». Переводя на современный язык – высшая мера с полной конфискацией.

Что интересно, дело Шалимова в военной канцелярии рассматривал генерал-аудитор Иван Васильевич Кикин – сын того самого Василия Петровича Кикина. Дьяк Фёдор Сорокин 25 ноября 1713 года подписал указ, на лист накали черноты сургуца и придавили печатью. К сожалению (или к счастью – как посмотреть), нога у отставного капитанармуса Шалимова не выздоровела, и об окончательной победе русского оружия над шведами Иван Гаврилович узнал, уже находясь на покое в своём имени.

За время службы в войсках дела дома немного расстроились. Были случаи побегов крестьян. А сосед-помещик Лев Александрович Милославский не прочь был приписать чужих мужичков себе в вотчину. Не иначе как надеялся, что сгинет Иван на полях сражений... Вечная история – пока кто-то проливает кровь, в тылу всегда найдутся ушлые дельцы, пытающиеся урвать свою выгоду. Пришлось Ивану Гавриловичу судиться с обидчиком. А с двумя священниками Саранского уезда, на которых некоторое время работали другие его беглые, Шалимов договорился полюбовно.

Военное дело отца продолжил его сын – капрал Ревельского полка Никита Иванович Шалимов.

«...Российское войско весьма храбро и с места не уступает»

Век оснадцатый был богат на баталии. Одни из них, как Полтавский бой или сражения Суворова, у всех на слуху. Другие памяты лишь историкам. Вспомним одно из решающих сражений Семилетней войны 1756–1763 годов.

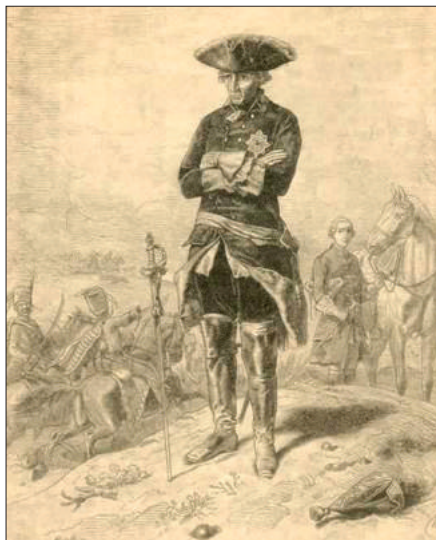
1 августа 1759 года русская армия под командованием генерал-аншефа графа Петра Семёновича Салтыкова разгромила войска Фридриха II Великого в битве при Кунерсдорфе. Патетическое описание героизма и храбрости россиян хранится в личном фонде Петра Никифоровича Ивашева. Увы, неизвестно, кто автор строк, написанных по горячим следам после битвы. Кому интересны подробности, может найти сведения в специальной литературе и Интернете, здесь же хочется воспроизвести хотя бы фрагменты эмоционального описания сражения.

«О храброй российской народ! О герой, которого я весьма почитаю! Позволь, чтобы я первой чрез усердие, которому твоя храбрость причина, твои славные военные действия пел; правда меня ободряет и говорит место меня».

Вот грозный противник, сравниваемый с Александром Македонским: «[...] Фридрих свою храбрую лютость показывает, он несправедливо похищает государства, разоряет города и в дальних местах беспокойство и бедности причиняет. [...] Он один идёт против сто неприятелев; то кинется на орла, то на лилию. Какое намерение! Хочет ли он, как Александр, всем светом завладеть и его сожечь?». Упомянутые орёл и лилия олицетворяли, соответственно, Австрию и Францию.

Пётр Салтыков (1698–1772)

Фридрих после сражения

Однако пока Фридрих покорял чужие земли, российские войска стремительно развивали наступление в Пруссии – «Уж известие об этом прославилось, все в Берлине от страха дрожат...». «...Храбрый король летит весь в пыле, скорее, как молния, [...] собирает остатки его войска и ободряет этиими словами боязливых. «Что в наших

городах нас побеждают и ругают; родились пруссак, чтобы ему быть рабом? Нет, друзья, ободрите эту ослабленную храбрость: кто своё отечество обороняет, не дважды победён!...». Но русский полководец и всё войско готовы дать отпор: «...знатный и щастливый Салтыков [...] видит, что к нему приступает это храброе войско, но не токмо, оное увидя, не оробел, но благодарной гнев в себе чувствует. Ободрён надеждою, которую причиняет победа; он готовится приобрести наивысшую славу, ему уж кажется, что он новые лавры достаёт, и что сами боги его славными действиями ревнуют».

Всякой из его воинов готов за ним следовать, с такою надеждою ту же храбрость получает; и в усердном гневе, который начальник великих действий, все с ним общим голосом присягают: во имя ЕЛИСАВЕТЫ, во имя отечества победить или, храбро оборонившись, умереть, предпочитать смерть неволе; и токмо в крайней нужде уступить».

Во время сражения часть русской армии, окружённая превосходящим неприятелем, начала отступать, но контратака отважного Салтыкова решила исход баталии.

Фридрих тщетно пытался переломить ситуацию. Как известно, он тогда отправил в Берлин письмо, полное отчаяния. «Последствия этой битвы будут ужасней, чем сама битва. У меня больше нет никаких резервов и, по правде говоря, я верю в то, что всё потеряно. Гибели своего Отечества я не переживу. Прощайте навсегда. Фридрих». От полного краха короля тогда спасли несогласованность и нерешительность его противников.

А автор описания, сын просвещённого века, видел и понимал весь кошмар побоища, превосходящего, по его словам, сражения древности: «Баталия кончается, ночь спасает остатки, которые бы ещё убили. Но какое печальное позорище представляется, я ужасаюсь: в разорённом Кунерсдорфе токмо военное кладбище и страшные могилы видят. На Одере кровь, кости, убийство, и разбитые трупы плавают. Кто бы мог описать сие жестокое сражение?».

«О российской народ! – восклицает автор. – Ты истинно достоин быть названным героем; ты дважды победу одержал над твоими бледными противниками». В завершение он призывает показать, «что ЕЛИСАВЕТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО ДОЧЬ», проводя параллель между Фридрихом и Карлом XII. И ожидает «повеления», чтобы «в Берлине ворота отпереть».

В объективе —

Сергей Анатольевич Ойкин — заведующий отделом автоматизации и информационных технологий Ульяновского областного краеведческого музея. С 1995 года — постоянный фотокорреспондент «Мономаха» на общественных началах. Сергей Анатольевич — патриот своего края, знающий краевед, тонкий фотохудожник и преданный друг журнала. Его фотоиллюстрации — это философские раздумья о жизни, психологические зарисовки, этюды мимолётного настроения.

Авторы о «Мономахе»

Фотографии Сергея Ойкина

«Мономаху» — 20 лет!

Когда фотографируешь человека — хочется поймать, запечатлеть незначительные на первый взгляд, почти неуловимые состояния его, в которых вдруг проглянет истина. Так и идут чередой девичьи лики, листья, трепещущие на ветру, поникшие лепестки... В какой-то момент понимаешь, что повторённое настроение является как мировоззрение, а повторённое мировоззрение — это уже сама жизнь. Благодарен журналу за то, что вместе с его светлыми страницами я перелистываю одновременно и лучшие её дни.

Сергей Ойкин

Гармония мира

Владимир Александрович Никитин – профессиональный фотограф, сотрудник Средневолжского филиала ФГУП «Спецпроектреставрация».

Снимки Владимира Александровича украшают журнал «Мономах» с 1996 года. Владимир Никитин старается зафиксировать неповторимые моменты окружающего мира: детские, ещё бесхитростные, эмоции, лица стариков с их неповторимой фактурой, животных в городской среде обитания.

Фотографии Владимира Никитина

Авторы о «Мономахе»

Мне всегда приятно, когда в «Мономахе» публикуют мои фотографии. Иногда их выбирают на обложку, иногда – для иллюстрации статьи. В силу особенностей работы я много хожу по Ульяновску, бываю практически везде, наблюдаю жизнь города и снимаю всё, что покажется мне интересным. Опубликованные в журнале фотографии доносят моё видение жизни до всех читателей издания, а это то, что нужно любому мастеру.

Владимир Никитин

«Мономаху» – 20 лет!

Елена Николаевна Сергеева – искусствовед, заведующая музеем современного изобразительного искусства им. А.А. Пластова, доцент кафедры художественного проектирования УлГУ. Благодаря её стараниям музей пополнился произведениями Зинаиды Серебряковой, Аристарха Ленчулова, Роберта Фалька, Алексея Кравченко, Владимира Фаворского и многих других выдающихся художников. Елена Николаевна – автор более 250 выставочных проектов, её связывает многолетнее творческое сотрудничество с ГМИИ имени А.С. Пушкина, а ныне ведётся работа по открытию Представительства этого музея в Ульяновске.

Василий Шеломов. Скульптор

Авторы о «Мономахе»

Журнал «Мономах» – это огромные возможности для каждого читателя идентифицировать себя в современном обществе, получить сведения о древней и недавней истории края, о природе и мире животных, об особенностях архитектуры и ремёслах. Но прежде всего это рассказы о людях, творящих прекрасное, а значит, вечное. Большое внимание в издании уделено изобразительному искусству края. О творчестве многих мастеров впервые поведал именно журнал «Мономах», став проводником в мир современного художественного процесса. Журнал взял на себя великую миссию, заложенную 20 лет назад, и несёт её достойно. Мы гордимся журналом, интерес к которому неизбежно высок.

Елена Сергеева

Василий Петрович Шеломов родился в 1936 году в Свердловской области. Окончил Нижнетагильское училище прикладных искусств (1955–1958), затем Пензенское художественное училище, скульптурное отделение (1963). С 1964-го по 1970 год учился в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина на скульптурном отделении (мастерская М.А. Керзина). С 1970 года жил и работал в Ульяновске, член Ульяновской организации Союза художников РСФСР с 1974 года, участвовал во многих областных, республиканских, всесоюзных выставках. Кроме скульптуры занимался графикой. Преподавал в Ульяновском государственном техническом университете. В.П. Шеломов стал одним из первых лауреатов Премии имени А.А. Пластова. Скончался в 2011 году.

Работы В.П. Шеломова представлены в Ульяновском областном художественном музее.

Он мог быть только скульптором. По образному пониманию пространства и богатырской смелости этого вида искусства в целом. По невероятно обострённому чувству основательности материалов и потрясающей мягкости нюансировок. По осязательности «трёхмерной массы» и по возможности определения в каждой скульптуре, её деталях (или, напротив, в их почти отсутствии) глубинной сути события. Перед ним были распахнуты пути, ведущие к освоению великих традиций мирового искусства скульптуры, помноженные на прикосновение к национальным откровениям. Он умел соединить эти нити прошлого с настоящим, иногда кажется – с будущим, при этом чаще всего неукоснительно соблюдая исторические каноны. Его талант большого мастера позволил создать свой «шеломовский мир», соединяющий возможности «высокого» и «низкого» искусства.

Василий Шеломов пришёл в искусство на исходе «сурового стиля», отголоски которого ещё какое-то время оставались действенным концентратом новаторства в сложной

неоднозначной системе часто рефлексирующего советского искусства, и в его недрах формирующегося неоромантизма. В его творчестве естественно соединились экспрессионистические

В.П. Шеломов. Дмитрий Прилуцкий. 2003

В.П. Шеломов. Из серии «Апостолы». 1983

тенденции и черты авангарда, традиции искусства Древней Руси и античности. Уже первые произведения наполняются глубоким философским смыслом, повышенной эмоциональностью, мягким юмором, часто сарказмом. Сильный мастер композиции, он создаёт произведения широкого сюжетно-тематического диапазона как небольшого размера (иногда это миниатюры), так и монументальных форм.

С самого появления в Ульяновске Шеломов становится одним из ярких представителей нового поколения художников-«семидесятников». Он обращается к острым мотивам современности, к редко появляющимся тогда композициям на евангельские сюжеты. Портреты современников соседствуют в мастерской с работами, трансформирующими античные и ренессансные образы. Нарочито грубые формы завораживают, меткость передачи смысла события была сродни фольклорным

непослушаниям, нарушением привычных правил.

Скульптор участвует в выставках, и посетители ходят специально «на Шеломова». Однако его первая персональная выставка состоялась только в 1993 году в Музее современного изобразительного искусства им. А.А. Пластова, заняв все пять выставочных залов. В экспозиции было представлено более 140 произведений скульптуры, листов оригинальной графики. Выставка была высоко оценена известным искусствоведом – специалистом в области искусства второй половины XIX – XX веков ГМИИ им. А.С. Пушкина М.А. Бессоновой. Она отметила, что творчество ульяновского художника Василия Шеломова относится к той линии современной скульптуры, к которой принадлежат Вадим Сидур и Эрнст Неизвестный. Мощная творческая манера исполнения, ясная философская линия, внимание к символам

В.П. Шеломов. Мечтатель. 1990

В.П. Шеломов. Архаические маски

мирового и, особо, национального искусства, новаторские приемы выявления замысла – всё это было изначально заложено и в творчестве Шеломова. Та же бескомпромиссность, неустранимость и уверенность в собственной правоте – основа творчества В.П. Шеломова. По прошествии времени поражают не столько творческие параллели, сколько вообще сама параллельность существования этих мастеров.

Портреты. Изображений современников у Шеломова не так много. Все персонажи сосредоточены в себе, неулыбчивы. В портретах индивидуальные черты естественным образом приобретали обобщённое звучание, становились знаками времени. В композициях, посвящённых русским писателям, художник, напротив, проходит путь от обобщённого представления Великого творческого озарения (потому излюбленным в композиции становится фигура, закутанная в шинель, плащ, наконец, в домашний халат) к подчёркиванию хорошо знакомого облика. Почти во всех работах – минимум деталей, чаще скрытое движение (то-то художник любил прятать движение в складках одежды). Одной из лучших работ Шеломова стала скульптура Н.В. Гоголя, с метко переданными парадоксами жизни и творчества писателя. Художник постоянно возвращается к начальному зрительскому восприятию –

В.П. Шеломов
Н.В. Гоголь.
1980

В.П. Шеломов. Лист из серии
«Страдания Христа». 1993

силуэт фигуры Гоголя сродни облику встревоженной птицы. Портрет писателя наделяется чертами его персонажей, постоянно меняющихся. И вот найден ракурс, в котором «захвачена» невыносимая душевная боль, страдания, неотвратимость беды.

Иван Чонкин. Созданный по роману Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» облик обретает то фольклорно-сказочные черты русского Емели, то бравого солдата Швейка. То вдруг промелькнут черты особо любимого Василия Тёркина.

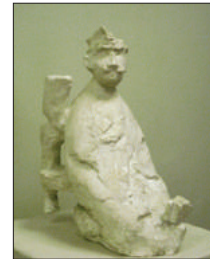
Мыслитель и Мечтатель. Шеломов провоцирует зрителя: где завершится путь в поисках смыслов. Но антитеза здесь внешнего свойства. И драматизм, когда художник трактует фигуру Мыслителя в виде огромного знака вопроса, и мягкий юмор, ведь фигура мужичка напоминает вечного русского Икара, едины в этих извечных поисках.

Архаические маски и цикл «Утро, день, вечер, ночь». Это дань художника великому искусству скульптуры. От утра искусства в каменных идолах архаических представлений (пролог античной целостности) к традициям Возрождения в женских торсах, освобождающихся из грубой глины.

Апостолы. Страдания Христа. Христианская тема – самая значительная в творчестве Шеломова. Творческая страсть художника Дионисия, создающего великие творения. Великие русские «старцы», несущие в себе истинную веру и свет. Серия «12 апостолов» с персонажами, гото-

В.П. Шеломов. Мыслитель

В.П. Шеломов. Иван Чонкин

В.П. Шеломов. Портрет девушки

выми к познаниям новой веры. Скрижали, которые им только предстоит учиться читать, неловко прижаты к телу. Фигуры, напоминающие снежный или земляной ком, только формируют Нового человека. Они наивны, кажется, нелепы и простодушны, как многие герои Шеломова. Они в сложном пути постижения тех смыслов и тайн, что дают жизнь и вера.

Зимой 2011 года на выставке «Свет души. Художник и Библия в XX – XXI веках» произведения В.П. Шеломова занимали важное место в экспозиции. Весной шли переговоры о персональной юбилейной выставке, посвящённой 75-летию художника. Выставка в Музее современного изобразительного искусства имени А.А. Пластова состоялась летом того же года. Она была посвящена памяти художника. От дочери Шеломова – Татьяны Васильевны – музей получил в дар 22 произведения скульптора. Благодаря этому благородному акту и ценному дару творчества В.П. Шеломова значительно представлено в Ульяновском областном художественном музее, а значит, в Государственном художественном фонде России.

От редакции

Неумолимо бежит время. Когда в юбилейные даты подводишь итоги, всплывают и потери – вспоминаются те, кто был дорог и ушёл.

Они не ведали покоя

«Журнал «Мономах» стал нашей жизнью, радостью... Уверен, ваш труд Прометея не пройдёт даром – он идёт на пользу многим людям. Каждый номер журнала – это яркий огонёк, солнышко читателям. Я рад за ваше такое горение, за высокое стремление сделать мир и людей лучше, добрее, человечнее... дай Бог вам здоровья, сил и терпения».

Январь 2004

(Из последнего письма в редакцию фронтовика, краеведа, учителя С.М. Кончева)

Одним из первых краеведов, покоровивших наши сердца, был Венедикт Фёдорович Барашков. Сотрудничали мы недолго – в 1997 году Венедикт Фёдорович скоропостижно скончался. Это был человек необычайной эрудиции и высочайшей культуры. Когда он появлялся в редакции, казалось, наша маленькая комнатка освещалась особым светом. В.Ф. Барашков был профессором кафедры русского языка, занимался изучением топонимики Поволжья и опубликовал около десятка книг и 70 научных работ по проблемам русской ономастики и диалектологии. В «Мономахе» он вёл рубрику «Географический словарь».

Долгое время редакция не могла примириться с уходом Бориса Васильевича Аржанцева. Он был настоящим сыном своей малой родины, любил её безгранично и заражал окружающих своей любовью. Он подкупал оптимизмом, щедростью души, знаний, опыта.

С большой теплотой вспоминаем удивительного энтузиаста Михаила Петровича Телегина, автора книги «Дорога длиной в столетие». Его сердце не ведало покоя. Он оставил после себя богатейший архив с сотнями документов и фотографий, касающихся истории Карамзинского посёлка и деятельности великого психиатра Василия Александровича Копосова, рассказал об уникальной больнице с огромным фермерским хозяйством, школой, оркестром, театром.

Таким же энтузиастом был краевед из Инзы Сергей Матвеевич Кончев.

Участник Великой Отечественной войны, он был награждён за смелость и отвагу двумя орденами Красной Звезды, знал цену жизни и понимал значение исторической правды, потому спешил собрать и записать всё, что знал сам о земляках-героях.

Нелёгкую и очень короткую жизнь прожила краевед Нина Николаевна Жигарина. Она объединила ребят в клуб «Симбирский фотолетописец» и вместе с ними сумела собрать такой богатый краеведческий «урожай», какой не под силу поднять десятку учёных за много лет. Было «расшифровано» немало старинных фотографий, найдены ценные документы, записаны воспоминания старожилов знаменитого некогда села Архангельское, ушедшего под воду после затопления водохранилищем.

Большую работу по сбору материалов о писателях, работавших в Ульяновске в первой половине XX века, проделал рядовой учитель словесности Вячеслав Сафонов. Если бы не его поиски и публикации в «Мономахе», большой пласт ульяновской литературы был бы сейчас утерян. Жаль, что жизнь этого скромного человека оборвалась очень рано.

Тяжело переживал коллектив редакции скоропостижную кончину в феврале 2011 года краеведа, учёного Алексея Сытина. Без его статей и консультаций не обходился ни один выпуск. Трудно перечислить все темы, которые интересовали исследователя. Это памятники культового зодчества, дворянской усадебной культуры, знаменитые

симбирские фамилии. В последние годы жизни Алексей Сергеевич буквально заболел фотографией и, словно предчувствуя скорое прощание с любимым городом, спешил запечатлеть его неповторимый облик.

Настоящим праздником для коллег было появление в редакции Марка Харитоновича Валкина. В свои 90 лет он вёл себя порой как мальчишка, шутил и подбадривал. Даже в серьёзных краеведческих записках он всегда находил место шутке, а горькие моменты описывал как курьёзы. Марк Харитонович посвятил музейной работе 50 лет. Написал сотни статей, а незадолго до смерти выпустил светлую книгу «Из записок старого музейщика».

А совсем недавно, 5 ноября 2014 года, не стало Надежды Фёдоровны Прохоровой. Она была с «Мономахом» 20 лет и всё это время активно продвигала журнал. Будучи директором Димитровградского краеведческого музея, она часто приглашала редакцию в гости и устраивала встречи с читателями, краеведческие чтения. Несмотря на тяжёлую болезнь, Надежда Фёдоровна продолжала работать до последнего дня: вела научные поиски в архивах Ульяновска, Москвы, Санкт-Петербурга. Итогом этой работы стала книга «Россия конца XVIII – XIX вв. глазами провинциальной дворянки Анны Стрелковой».

Все эти люди оставили след не только в наших сердцах – они пополнили сокровищницу симбирской культуры, а значит, жили и творили не зря.

Фото Алексея Сытина